

INSPIRIA

СЕЗОН ПРОГУЛОК БОСИКОМ

СЬЮЗЕН
МЭЛЛЕРИ

INSPIRIA

Annotation

В морском воздухе Ежевичного острова витают старые тайны, любовные потрясения и шанс начать все сначала.

Добро пожаловать на Ежевичный остров.

Неважно, как вы здесь оказались; приплыли на пароме или проехали тысячу километров на машине, – это идеальное место, чтобы расслабиться и никуда не спешить. Здесь местные жители и гости острова собирают сладкую ежевику, проводят время за хорошей книгой и наслаждаются видами на шумный океан, в котором каждый день тонет солнце.

Ежевичный остров (Blackberry Island) расположился недалеко от Сиэтла. Он был открыт в 1792 году Джорджем Ванкувером, капитаном британского флота, который исследовал залив Пьюджет-Саунд. Американские поселенцы, прибывшие на остров в 1848 году, называли остров в честь фруктовых кустарников, которые росли повсеместно. Первоначальное название Ежевичного острова – остров Перьев (Feather Island).

В 1889 году население острова увеличилось вдвое. Именно тогда были построены башни «Три сестры», о которых пойдет речь во второй книге цикла.

Индустрия туризма сегодня остается основной отраслью Ежевичного острова.

«Сезон прогулок босиком» – первая книга цикла «Ежевичный остров».

Это история возвращения домой Мишель. Она может показаться сильной и независимой женщиной, но, как известно, за любой броней скрывается то, что мы бережно храним и защищаем. В душе она все еще раненая девочка, сбежавшая из дома много лет назад.

Вернувшись на Ежевичный остров, Мишель предстоит продолжить дело матери, – управлять местным отелем. Но старые обиды мешают ей преодолеть разрушительное прошлое, от которого она бежала.

А пока... отель «Ежевичный остров» встречает новых гостей.

Сезон прогулок босиком открыт.

«Сьюзен Мэллери – новая королева романтической прозы». – (Walmart) Booklist

«В этом романе автор бестселлеров Сьюзен Мэллери раскрывает портреты женщин, создавая пронзительную историю о прощении, дружбе и семье». – Library Journal

- [Сьюзен Мэллери](#)

-
-
- [Об авторе](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Меню ланча](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Сьюзен Мэллери

Сезон прогулок босиком

Susan Mallery
Barefoot Season

© 2012 by Susan Mallery, Inc.

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается женщинам, которые служат в армии, покинув дом, друзей и семью.

С благодарностью, любовью и уважением.

Особенная благодарность сержанту Бетти Терман, поделившейся с автором историями из своей жизни.

Любые неточности в этой книге сделаны по моей вине.

Я благодарю Дженнет Бланко, прочитавшую эту книгу – «для проверки».

Огромное спасибо за ваши замечания и предложения. Привет фанатам группы «Золото Дураков»! Вы лучшие всех!

Об авторе

Сьюзен Мэллери – автор бестселлеров № 1 по версии **New York Times**.

Она пишет об отношениях, которые определяют жизнь женщин, – о семье, дружбе и любви.

«Сьюзен Мэллери мастерски смешивает эмоционально правдоподобных персонажей и реалистичные ситуации» – так об авторе отозвался **Library Journal**.

И читатели с этим согласны – **40 миллионов** экземпляров книг Сьюзен Мэллери было продано повсему миру.

Глава 1

– Завтра я отправлюсь на войну. Может, не вернусь.

Мишель Сандерсон разглядывала почти новый (всего-то пять лет) грузовик, раздумывая, стоит ли его покупать. После этих слов она медленно повернулась к парню.

Совсем мальчишка – лет восемнадцать или девятнадцать, рыжеволосый и с веснушками. Шустрый, но слишком-слишком молодой. Впрочем, руки-ноги длинные, да и грудь еще раздастся. «Все-таки скорее мужчина, чем мальчишка, – подумала она, – но пока еще не созрел».

– Извини, – сказала она, почти уверенная, что ослышалась. – Что?

Он подмигнул ей с широкой ухмылкой:

– Может, я не задержусь в этой жизни. Вот ты купишь сейчас тачку, а потом давай выпьем. Я иду в армию, понимаешь? Давай обмоем это дело.

– Сейчас два часа дня.

– Тогда можем заехать ко мне домой.

Мишель не знала, то ли ей рассмеяться, то ли отшить его, да так, что он заплачет, как маленькая девочка. Уж ей-то не привыкать. Она служила в армии десять лет, причем половину из них в Ираке и Афгане. Ей нередко приходилось отшивать похотливых ребят, уверенных в своей неотразимости, и у нее был солидный опыт по этой части.

Смеяться ей, впрочем, было тяжело. У нее болело все тело. Не только бедро, словившее не так давно парочку афганских пуль, после чего ей частично заменили сустав, но и все остальное. Она провалялась в госпитале дольше, чем ей хотелось бы. Физиотерапевт заверял ее, что все постепенно пройдет. Она пыталась качать права, мол, рано выписывают, и ее оставили еще на три дня, но потом все-таки выпихнули.

– Слушай, я не старовата для тебя? – спросила она.

– Зато опытная. – Парень подмигнул.

Она все-таки засмеялась, несмотря на боль:

– Да, конечно. Фантазии покоя не дают?

– Спрашиваешь!

Его так и разбирает, подумала она, с каждой секундой все сильнее ощущая усталость. А еще, вероятно, ему не успели проверить зрение. Она знала, что не в лучшей форме: бледная, похудела, пока валялась на больничной койке, глаза ввалились, волосы тусклые. Ходит, опираясь на трость. Парень молодой, гормоны разбушевались, и он ничего не видит.

Сообразить, как отказаться от его приглашения, она не успела: из-за угла выскочил желтый лабрадор и помчался к ней. Мишель торопливо отступила на шаг, чтобы он не сбил ее с ног. Это движение дало нагрузку на бедро, и все ее тело пронзила острая боль.

На секунду все поплыло перед глазами. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. К горлу подкатила дурнота. Ничего себе выбор, в отчаянии подумала она, стараясь прийти в себя, не нужно мне ни того ни другого. На удивление сильная рука обхватила ее и удержала от падения.

– Бастер, уйди.

Мишель заморгала, и прохладный, сырой день вернулся на свое место. Огонь в бедре уменьшился, и она смогла дышать. Парнишка стоял так близко, что она видела веснушки на его носу и маленький шрам на правой щеке.

– Ты как, нормально? – спросил он.

Она кивнула.

Он немного отошел и пристально посмотрел на нее. Пес тоже отбежал и тревожно повизгивал, глядя на нее темными глазами.

Она протянула к нему руку:

– Все о'кей, Бастер. Все нормально.

Пес подошел и обнюхал ее пальцы, потом быстро лизнул.

– Эй, Бастер, я сам хотел это сделать, – сказал парень и неуверенно засмеялся.

– Извини. Он мне больше приглянулся. – Мишель улыбнулась.

– У тебя что-то болит?

Она слегка подняла трость:

– Ты думал, это у меня для понтов? Модный аксессуар?

– Вообще-то, я даже не заметил ее.

Кажется, она была права и у него в самом деле что-то со зрением.

– Просто недавнее ранение. Пуля задела. – Вообще-то, пуля серьезно повредила мышцы, кость и несколько сухожилий, но кому это

интересно?

Парень посмотрел на ее трость, на армейский ранец на тротуаре и снова заглянул в глаза Мишель.

– Ты была там? – спросил он.

Слово «там» можно было бы отнести к сотне мест, но она знала, что он имел в виду. И молча кивнула.

– Круто. Ну и как там? Тебе было страшно? Как ты думаешь... – Он вздохнул, потом выпалил: – Я смогу это выдержать, как ты думаешь?

Ей хотелось сказать ему: нет. Что остаться дома, тусоваться с друзьями, ходить в колледж было бы гораздо проще. Безопаснее. Удобнее. Но простой путь не всегда лучший, а некоторые люди готовы платить любую цену, только бы поучаствовать в каких-нибудь эпохальных событиях.

Сама она оказалась в армии по менее романтическим причинам, но со временем перековалась в солдата. Загвоздка состояла в том, как ей теперь повернуть все вспять – к нормальной жизни.

– У тебя все будет в порядке, – сказала она, надеясь, что это правда.

– Я стану героем? – спросил он с ухмылкой и похлопал рукой по пикапу. – О'кей, ну, ты меня прямо смутила. Такая сексуальная да еще *и ветеран войны*. Но я все равно буду стоять на своем. Я хочу десять тысяч. И ни цента меньше.

Сексуальная? Вот это уже совсем *смешно*. На нынешнем этапе жизни она с трудом могла представить себя подружкой девятнадцатилетнего парня. Хотя – еще бы! – такой комплимент всегда приятно услышать.

Она снова переключилась на автомобиль. Выглядит прилично, сравнительно новые шины и лишь парочка вмятин. Пробег тоже не слишком большой; это позволит ей спокойно проехать несколько лет, не думая о ремонте.

– Десять – офигенно много, – ответила она. – Я плачу налом. Меня устроит что-то ближе к восьми.

– К восьми? – Он прижал руки к груди. – Ты меня убиваешь. Неужели ты хочешь убить меня, будущего героя?

– Ладно тебе, детка, – засмеялась она. – Давай прокатимся и заедем к моему приятелю-механику. Если он скажет, что машина хорошая, я

дам тебе девять с половиной и можешь считать себя в выигрыше.
– Дело говоришь.

* * *

Через два часа Мишель высадила парня – Брендона – возле его дома. Знакомый механик осмотрел грузовик и показал большой палец, после чего она рассталась с аккуратной пачкой новеньких банкнот. Взамен забрала документы и ключи.

Теперь, отъезжая от дома Брендона, Мишель поглядывала на серое небо. Она вернулась в штат Вашингтон, на его запад, где дожди шли так часто, что солнечный день становился сенсацией и о нем писали газеты. Везти вещи в кузове было рискованно, они легко могли намокнуть, но она решила, что тучи выглядят скорее ленивыми, чем зловещими, и она доедет до дома без дождя.

Дом. Он был так далеко от места, где она провела последние десять лет. Ежевичный остров, настоящий островок^[1] в заливе Пьюджет-Саунд, соединенный с материком длинным мостом, может, технически и находился недалеко от Сиэтла, но это был совсем другой мир. Единственный городок на острове гордо именовал себя «Новой Англией Западного побережья». Мишель никогда не понимала зачем.

Тихий туристический остров с разнообразными магазинчиками и неторопливым течением жизни славился в первую очередь ежевикой. На нем было полно глупых традиций, а ритм сезонов всегда казался ей досадно нелепым. Во всяком случае, раньше. Но то, что она когда-то не ценила, теперь выглядело вполне привлекательным.

Она поерзала на сиденье; боль в бедре никогда не исчезала. Физиотерапевт клялся, что все быстро пройдет и что Мишель поправится быстрее, чем думает. Ей уже надоел сам процесс выздоровления – он тянулся чертовски долго. Но торопить тело было совершенно незачем.

Она выбралась на приличную дорогу, потом на автостраду. Вписалась в поток и поехала на север. Ее удивило количество машин. И порядок на дороге. За последние годы она привыкла к «Хаммерам» и десантным боевым машинам, а не к спорткарам или внедорожникам. Успела она забыть и здешний сырой, холодный воздух. Она включила

печку и пожалела, что не вытащила из рюкзака куртку. Неважно, что на дворе май. В этой части страны погода не для неженки. Лето наступает поздно. К счастью, туристы его не ждут и заявляются раньше.

Она знала, какими будут ближайшие четыре месяца. Со Дня поминовения в конце мая и до Дня труда в сентябре остров будет набит туристами. Они приезжают ради знаменитых журавлей Пьюджет-Саунда, катания на лодках и ежевики. Ежевичный остров, как всем известно, жемчужина Западного побережья. Туристы наполняют рестораны, магазинчики, будут покупать всякие поделки. И есть ежевику.

Они будут добавлять свежую ежевику в оладьи, салаты и вообще в любые блюда, известные человеку. Будут покупать в ларьках ежевичное мороженое и пирожки с ежевикой, кухонные полотенца и кружки с ежевичными рисунками и пробовать сомнительные результаты ежегодного кулинарного состязания «Ежевика с перцем». И что лучше всего – они займут все свободные комнаты в радиусе пятидесяти миль. Включая номера в отеле «Ежевичный остров».

Мишель буквально услышала радостное гудение гостиничного счетчика банкнот. Как и почти любой бизнес на острове, отель каждый год зарабатывал почти все деньги за эти четыре драгоценных месяца. Дни будут длинные, часы – бесконечные, от работы будет разламываться спина, но после долгого отсутствия Мишель не терпелось включиться в жизнь отеля. Вернуться в то место, где ничего и никогда не меняется.

* * *

– Она уже здесь? – спросила Дамарис, остановившись в дверях кабинета.

Карли Уильямс оторвалась от гостевой карточки, на которой писала приветствие. Отель «Ежевичный остров» предлагал своим гостям персональный сервис. Перед их приездом Карли узнавала, кто они такие, и оставляла в номере приветственные карточки. Немолодые супруги Баннеры, регулярно приезжавшие на остров полюбоваться на журавлей и отведать вина, как-то обмолвились, что очень любят воду. С

тех пор Карли следила, чтобы они жили в номере с окнами на запад, а на их приветственной карточке было фото залива Блэкберри на закате.

На листе бумаги валялись обрезки ленточек и тесемок и погнутый пинцет. Там же стоял клеящий карандаш. Карли машинально стряхнула с ладони маленькую блестку.

— Еще нет, — ответила она и улыбнулась. — Я ведь сказала, что дам тебе знать, когда она приедет.

Дамарис вздохнула. Очки сползли на кончик носа, придавая ей вид рассеянной особы. Новички из obsługi не раз жестоко обманывались, надеясь, что она не заметит опоздания или оплошности официантки, не предложившей гостю кофе.

— Я надеялась, что она уже здесь, — сказала Дамарис. — Я так соскучилась по Мишель. Так давно ее не видела.

— Это верно, — пробормотала Карли; ей не хотелось думать о том, как изменится ее жизнь после возвращения Мишель. Как бы она ни напоминала себе, что Мишель ранена, у нее все равно жгло и тянуло под ложечкой.

Теперь все стало по-другому, уговаривала она себя. Последние три месяца она разумно управляла отелем, совсем одна. Она была ценным работником для отеля. Вот только поймет ли это Мишель?

Дамарис зашла в кабинет и села возле стола.

— Я до сих пор помню, как она наняла меня, — вздохнула пятидесятилетняя повариха. — Сколько ей тогда было? Шестнадцать? У меня дети были старше ее. Она сидела вот там же, где ты сейчас. Такая перепуганная. Я видела, как она дрожит. — Узкие губы женщины растянулись в улыбке. — Она взяла в библиотеке книгу с советами, как проводить собеседование. И пыталась спрятать ее под бумагами, но я все видела.

Улыбка сползла с ее лица, а темные глаза прищурились.

— Ее матери, Бренде, тоже не мешало бы в свое время заниматься такими вещами, но она никогда этого не делала. А Мишель любила этот отель.

Карли вздохнула. Они с Дамарис много раз спорили на эту тему. Карли соглашалась, что да, у Бренды имелись недостатки, покойница была не подарок. Но ведь она спасла Карли. Дала ей работу и цель в жизни. Так что Карли в долгу перед ней. А что до Мишель...

– Надеюсь, ей понравятся перемены, – отрешенно пробормотала Карли. Грудную клетку стянуло напряжение, причем настолько сильно, что ей пришлось заставлять себя расслабиться, чтобы сделать глубокий вдох. Ей больше не нужны стрессы в жизни. – Ведь ты написала ей о том, что мы сделали, да?

– Я писала ей каждый месяц, – ответила Дамарис и всхлипнула. – А вот ее мать никогда этого не делала.

«Ну вот, опять она за свое, забалтывает меня», – подумала Карли. Но сдаваться не собиралась.

– Гостям нравятся твои булочки с ежевикой. Я вот что подумала. Может, нам по воскресеньям продавать их в упаковке? Чтобы наши гости могли увозить их домой в качестве сувениров. Как ты думаешь? Или это слишком хлопотно?

Дамарис выпрямилась:

– Я могу печь и больше. Разница небольшая.

– Мы можем продавать их упаковками по четыре и по восемь штук. А завертывать в декоративную пищевую пленку, которую недавно купили.

Дамарис уже знала себестоимость каждой булочки, так что рассчитать цену было довольно легко. Карли хотелось положить к выпечке еще и бумажку с рецептом, но она знала, что лучше даже не заикаться об этом. Дамарис защищала свои рецепты, как тигрица своих тигрят, – зубами и когтями.

– Я загляну к тебе еще раз. Может, она к тому времени уже приедет, – сказала Дамарис, вставая.

Карли кивнула и с неохотой вышла из кабинета. Мало что в отеле осталось прежним – отрицать невозможно, как ни старайся. Бренды нет, а Мишель возвращается. Уже этого было достаточно, чтобы нарушить баланс, но ведь наверняка появятся и новые сложности. Десять лет отсутствия изменят любого, и Карли знала, что Мишель вернется совсем другой. Вот только насколько другой – это вопрос. Люди не всегда меняются в лучшую сторону.

Она остановилась в коридоре. Как можно измениться в лучшую сторону? Может, и ей хватит уже читать библиотечные книги с разными советами, а вместо этого завести приятный роман и расслабиться?

Она прошла в вестибюль и шагнула за высокую темную резную стойку администратора. Погладила знакомую, слегка потертую

поверхность, и это прикосновение ее успокоило. Она знала каждую царапину, каждое пятнышко. Левый нижний ящик всегда застревает в дождливую погоду, а ручка правого верхнего разболталась. Она знала, где уборщицы прячут лишние полотенца и в каких номерах может барахлить сантехника. Она даже с завязанными глазами найдет любое помещение. Даже в полной темноте она скажет, где находится, по запаху, по скрипу половиц, по выключателям.

Десять лет этот отель был ее домом и убежищем. Ее ужасно пугало, что Мишель одним движением руки может отобрать у нее все. И никого не смутит, что это будет несправедливо с точки зрения высоких моральных ценностей. Карли опасалась, что о них уже мало кто помнит.

– Вон! Гляди! – закричала Дамарис и показала на окно.

Карли посмотрела на чисто вымытые стекла и увидела поначалу лишь их блеск и белую раму и только потом – подъехавший маленький грузовик. Она перевела взгляд на зеленую траву и россыпь ромашек.

Цветы были ее хобби, ее страстью. Там, где другие мало что замечали, она видела герберы, шасту, нивяник, «огни Бродвея», «голд раш», гелиопсис и, конечно, уникальную ежевичную ромашку. Ромашки были символом отеля. Они были изображены на вазах, стоявших на ресторанных столах. Они танцевали на обоях номеров, украшали стены коридоров и фирменные блокноты отеля. Она думала о цветах в саду отеля, когда помогала Бренде выбрать цвет для новой крыши. Теперь на крыше лежала темно-зеленая композитная черепица, и этот цвет повторялся в ставнях и парадной двери.

Дамарис бежала по лужайке; белый фартук трепетал, словно крылья бабочки. Карли смотрела ей вслед, хотя и без особого желания, и прислушивалась к возгласам, хотя мало что слышала. Пожилая повариха раскинула руки и обняла женщину, гораздо более высокую и худую, чем помнила Карли.

Мишель выпрямилась, усмехнулась и тоже обняла Дамарис. Ее прическа изменилась и была уже не такая короткая, как когда-то. Теперь на голове Мишель была темная грива волос, почти кудрявых. Лицо утратило прежнюю округлость. И вообще она выглядела словно после долгой болезни. Конечно, Карли знала про ее ранение. Мишель казалась слабой и хрупкой, но Карли не доверяла тому, что видела. Мишель была не из тех, кто позволяет себе слабость. Ее скорее можно

было сравнить со страшными инопланетянами из фильмов, которые никогда не сдаются.

Она и Мишель были практически ровесницами – с разницей всего в несколько месяцев. Когда-то давно, до того как все переменилось, Карли знала лицо Мишель лучше, чем свое собственное. Она знала на нем каждую царапину и историю ее появления.

В ее жизни были три переломных момента: день, когда она прочитала прощальную записку сбежавшей из дома матери; вечер, когда Карли увидела, что ее лучшая подруга спит с ее женихом, и утро, когда Бренда увидела в магазине рыдающую Карли, потому что у нее не было денег даже на бутылку молока, которое она должна была пить каждый день по настоянию акушерки.

Если сложить эти эпизоды вместе, едва ли получится и четверть часа. Минута тут, две минуты там. Но все-таки каждый из этих эпизодов изменил ее жизнь, разбил все, что было ей дорого, швырнул Карли на пол и оставил лежать хватая ртом воздух. От ее прежнего мира, частью которого была и Мишель, остались лишь жалкие клочки.

Затаив дыхание, Карли глядела на подходившую к отелю женщину. Снова ее налаженная жизнь висела на волоске. Снова Мишель будет решать ее судьбу, и Карли ничегошеньки не могла с этим поделать. От такой несправедливости у нее перехватило дыхание, но она велела себе расслабиться, потому что бывало и хуже. Она переживет и это.

Зазвонил телефон. Карли повернулась к стойке администратора и взяла трубку.

– Отель «Ежевичный остров», – сказала она чистым, уверенным голосом.

– Сейчас посмотрю, – продолжала она и заглянула в компьютер. – Да, у нас есть свободные комнаты на это число.

Записывая информацию, подтверждая время прибытия и номер кредитной карточки, она чувствовала приближение Мишель. Охотник вернулся. Карли оставалось лишь гадать, станет ли она его очередной добычей или отпразднует вместе с Мишель их совместный успех.

Глава 2

Знать и видеть – вещи разные. Мишель смотрела на фасад отеля и понимала, что впереди ее ждет еще не одно разочарование.

– Как хорошо, что ты вернулась, – сказала Дамарис и снова обняла ее так, что у Мишель захрустели кости.

Что ж, по крайней мере, это было знакомо, как и запах корицы и ванили от булочек, которые пекла повариха каждое утро. Но все остальное было ужасным. Начиная с крыши – отвратительного зеленого цвета – до таких же ставень. Изменился даже силуэт здания, в котором выросла Мишель: отель утратил прежнюю стройность линий, казался потяжелевшим. Как будто на нем лежали булочки с ежевикой, и теперь их нужно было убрать оттуда и помочь зданию «прийти в форму».

Слева, где прежде был ресторан, из стены торчала пристройка, врезавшаяся в боковую лужайку и склон, по которому Мишель каталась ребенком. Справа, словно бородавка, примостилось яркое и кричащее недоразумение с витринами, где была выставлена обычная островная дребедень – куколки и маяки, ветряные колокольчики и мелкие витражи.

– Там теперь сувенирная лавка? – спросила она, вернее, прорычала.

Дамарис пожала плечами и вздохнула:

– Это была идея твоей матушки. Или, может, Карли. Не знаю, не слышала их разговоров. Они как птички. Чирикали, щебетали, ничего не понять.

Маленькие, но сильные руки Дамарис схватили ее за локоть.

– Не переживай из-за этого. Ты теперь дома, и это самое главное. – Она озабоченно поджала губы. – Ты слишком худая. Погляди на себя. Кожа да кости.

– Это из-за госпиталя, – призналась Мишель. – Ничего так не лишает тебя аппетита, как попавшая в бедро пуля.

Краешком глаза она уловила трепет крыльев. Вот они: неизменные журавли кружили над серыми водами Пьюджет-Саунда. Эти птицы привлекали на остров туристов и орнитологов. Люди почему-то находят их интересными. Что до Мишель, то она никогда их не любила. Когда

ей было восемь, она то и дело становилась жертвой журавлиного помета. То ли ей просто не везло, то ли это был птичий заговор. В любом случае если раньше она была равнодушна к журавлям, то с тех пор возненавидела их. Ей до сих пор хотелось, чтобы они исчезли с острова.

Она снова посмотрела на отель, и сердце защемило от разочарования. Зачем так изуродовали красивую постройку? Матери не стоило этого делать.

«Впрочем, едва ли это вина матери, – сказала себе Мишель. – Тут подсуежилась Карли, это точно».

– Заходи в дом, – сказала Дамарис, подходя к крыльцу. – Сейчас пойдет дождь, а я хочу тебя покормить.

Мишель постепенно успокаивалась. Что ж, по крайней мере, Дамарис такая, как и была, – приветливая и добрая; ей всегда нужно накормить всех вокруг. На нее можно положиться.

Она шла рядом с низенькой поварихой. Ей хотелось опереться на трость, но она категорически запрещала себе проявлять слабость. Не та ситуация. Сейчас она не знала, чего ей еще ждать, каких сюрпризов. А в ее мире было так: если ты не знаешь, что тебя ждет, значит, ты в опасности.

Да уж, мрачно подумала она, это замечательный результат ее многократных командировок в Ирак и Афганистан. Помимо нескончаемых и изматывающих ночных кошмаров, неожиданных вспышек гнева и миленького тика, который появлялся время от времени под левым глазом.

Она-то, дура, убеждала себя, что все станет о'кей в ту же секунду, как только она увидит отель. Что достаточно будет вернуться домой. Конечно, она понимала, что это самообман, но надежда все-таки жила. Теперь надежда съежилась и сдохла, оставив ей лишь боль в бедре и отчаянное желание вернуться назад, в прошлое. Чтобы ей снова было десять лет и она забралась бы на колени к папе и почувствовала, как его сильные руки обнимают ее, прогоняя все горести.

– Мишель? – В голосе Дамарис звучало беспокойство.

– Все нормально, – солгала она и улыбнулась. – А если не веришь, скажу тебе, что я планирую вскоре поправиться. Такой ответ тебя устроит?

– Только если ты пообещаешь мне усиленно питаться.

– Пока пузо не лопнет.

В волосах Дамарис появилась седина, совсем чуточку, а возле глаз прибавилось морщинок, но в остальном она совсем прежняя. Ладно, и то хорошо. Мишель искала хоть что-то, что она могла бы узнать. «Даже в саду стало все по-другому», – подумала она и остановилась перед яркими цветами, шевелившимися под ветерком.

Их оттенки складывались в веселый узор, он обрамлял лужайку, тянулся к дому, огибал его. Цветы все были разные, и они будто что-то искали, неизвестно что, но очень настойчиво. Их яркость была по ее измученным нервам, они словно кричали ей что-то, и Мишель хотелось закрыть глаза и заткнуть уши.

Перед ступеньками веранды ее внимание снова вернулось к отелю. Она собралась с силами, чтобы справиться с огнем, который обожжет ее бедро и ногу и сменится тошнотой и потом.

Она поставила правую ногу на первую ступеньку, подняла левую. Готовность к пламени не сделала его менее обжигающим. Боль разрывала ее, заставляла взмолиться о пощаде или хотя бы остановиться. Столько переделок в отеле, но почему же тут не позаботились о пандусе?

Добравшись до верха, она покрылась холодным, липким потом, а ее ноги дрожали. Если бы она что-нибудь поела утром, ее бы стошнило. Ничего себе – элегантное возвращение домой. Карие глаза Дамарис пристально, с тревогой наблюдали за ней.

– Ты подумала о матери? – спросила она спокойно, словно ответ ей и не был нужен. – Я знаю, что вы с ней никогда не ладили, но все равно, ведь она умерла. Не осуждай себя за то, что ты не приехала на похороны.

– Я и не осуждаю, – выдавила из себя Мишель сквозь стиснутые зубы. Огнестрельное ранение – лучшее из оправданий.

Еще несколько вдохов и выдохов – и боль немного стихла, ее можно было терпеть. Мишель кое-как смогла выпрямиться. Это позволило ей заметить, что мебель на веранде была новая, как и перила. Мать явно свободно распоряжалась доходами от отеля.

– Привет, Мишель. С возвращением домой. Добро пожаловать.

Мишель посмотрела в сторону широкой двустворчатой двери и увидела стоявшую на пороге Карли.

Здесь тоже перемены. Короткие волосы вместо длинных, но такие же светлые; те же темно-синие глаза, но чуть-чуть подведенные. Меньше от готки, больше от леди-за-ланчем^[2].

Простая черная юбка и туфли на плоской подошве, розовая блузка с длинными рукавами и крошечными рюшами на манжетах – абсолютно профессионально для отеля. Рядом с Карли Мишель показалась себе грубой в своих мешковатых штанах карго, но их ей проще всего натянуть. Футболка с длинными рукавами побывала на войне и выглядела соответственно. Мишель не помнила, когда в последний раз пользовалась косметикой или кремом. Или стриглась у профессионального парикмахера.

На контрасте с ней Карли была красоткой. Красивее, чем Мишель помнила ее. Женственнее.

Когда они росли, красоткой была Мишель – с длинными темными волосами и большими зелеными глазами. Карли была умной. Напарницей в конкурсе «У кого лучше улыбка»... Мишель расстроилась, ей захотелось повернуться и уехать. Назад в...

В том-то и дело. Отель – это все, что у нее есть, и уезжать не выход.

Карли продолжала улыбаться, выглядела спокойной, держала себя в руках.

– Мы так рады, что ты вернулась. – Улыбка исчезла. – Мне очень жаль Бренду. Она была чудесной женщиной.

Мишель подняла брови. Покойную мать можно было описать разными словами. Но слова «чудесная» среди них не было.

Впрочем, еще больше ее обеспокоили манеры Карли. Словно это было ее место, где она всех встречала. Словно она чувствовала себя здесь полновластной хозяйкой.

– Прошло так много времени, – добавила Карли. – Я не видела тебя с... – Она помолчала. – Прошло так много времени, – повторила она.

Эти слова, может, импульсивные, может, приготовленные, напомнили Мишель последние часы, которые она провела в этом доме. Предполагалось, что она должна чувствовать себя смущенной или виноватой. Карли ожидала от нее извинений. И все же, несмотря на то что она сделала, Мишель обнаружила, что ей хотелось, чтобы извинилась Карли. Словно это Карли сделала ей гадость, а не наоборот.

Они долго глядели друг на друга. Мишель гнала от себя воспоминания. Слишком хорошие, думала она с неприязнью. Они с Карли провели вместе тысячи часов, они вместе росли...

Она деловито направилась к двери. Как и ожидалось, Карли шагнула в сторону, пропуская ее.

Внутри тоже все переменялось, как и снаружи. Новые шторы веселенькой расцветки, вокруг камина тоже все новое. Деревянный пол покрыт свежим лаком, стены покрашены, в коридоре, ведущем в ресторан, появилась на стене роспись – те же самые чертовы ромашки.

Но стойка администратора была прежней, и это немного успокоило Мишель, поддержало ее морально – увы, не физически. Пока комната кружилась и плыла перед глазами, Мишель поняла, что с ее стороны глупо было ожидать, будто в отеле ничего не изменится. Ей казалось, что она вернется точно туда, откуда уехала, – минус ее мать. Что, войдя в свой дом, она почувствует себя так, будто никуда не уезжала. Будто никогда не была на войне.

– У тебя все в порядке?

С этими словами Карли протянула руку. Свет упал на золотой браслет на ее запястье.

Мишель прекрасно знала его. В детстве ее завораживало сверкание золотых шармов. Когда она подросла, она узнала историю каждого шармика, а потом и сама придумывала маленькие сюжеты про нежную морскую звезду, крошечную туфельку. Браслет принадлежал ее матери – и вызывал в памяти Мишель чуть ли не единственное хорошее воспоминание о ней.

Теперь его носила Карли.

Мишель не нужен был этот браслет, но, черт побери, она не хотела видеть его на Карли.

В ней забурлил, зашипел гнев, словно воду плеснули на горячую сковородку. Ей захотелось схватить Карли за тонкую руку и сорвать с нее эти золотые цепочки. Забрать их, растоптать, наорать на бывшую подругу.

Она набрала полную грудь воздуха, как ее учили. Хоть она не очень верила в посттравматический синдром, ей сказали, что он у нее присутствует. Поэтому она слушала консультантов, а те говорили, что ей нужно избегать стрессов, много отдыхать и хорошо питаться. Она слушала и запоминала то, что могло ей пригодиться.

Она сделала дыхательное упражнение, потому что у нее болело все тело и она больше ни на что не была способна. Потом захромала прочь с невыносимым огнем в бедре. Мягкие ткани ее тела буквально рыдали.

Она прошла направо через небольшой холл, повернула за угол и остановилась перед дверью без таблички. «Наконец-то, хоть это не изменилось», – подумала она и погладила пальцами дверную раму, где маленькими насечками было отмечено, как она росла. Насечки резко закончились, и не из-за того, что она перестала расти, а потому что отца, человека, который так любил ее, уже не было с ними.

Она повернула дверную ручку и хотела зайти в комнату. Спрятаться там и зализать свои раны.

Дверь была заперта. Новая попытка, и вот она постучала кулаком – резко и решительно.

Дверь открылась, за ней стояла, вытаращив глаза, девочка-подросток.

– О, привет, – сказала она, слегка наморщив веснушчатый нос. – Гостевые комнаты все наверху. Это приватная зона.

– Я знаю, что это такое, – ответила Мишель, заговорив впервые после того, как зашла в отель.

– Кто это, Бриттани? – крикнула другая девочка из глубины комнаты.

– Я не знаю. – Девочка-подросток снова повернулась к двери и ждала, когда Мишель уйдет.

Мишель хотела зайти в свою комнату, рухнуть на постель и спать. Потому что сон – лекарство, когда удастся заснуть.

Она прошла мимо девочки и шагнула в Зазеркалье.

Там все изменилось, ничего не осталось таким, каким должно быть. Ни стена, ни ковры на полу, ни мебель. Исчезла старая клетчатая софа, на ее месте стоял тугой диван с голубоватым чехлом. Назойливые ромашки были всюду – в вазах, на подушках и картинках. Даже на занавесках. А там, где их не было, – там была ежевика.

Она озадаченно смотрела на новые стулья, на незнакомый кухонный столик и игрушки. Домик для кукол в углу. Плюшевые звери и коробки с играми на широком подоконнике.

Девочка лет десяти встала перед Мишель и испуганно посмотрела на нее темно-синими глазами. В руке она держала плеер.

– Кто вы? – спросила она, раскрыв большие глаза еще шире. – Я знаю, – прошептала она и попятилась назад. – Уйдите. Вы должны немедленно уйти!

– Габби! – с ужасом воскликнула подросток.

Мишель выскочила из комнаты, игнорируя мучительную боль в бедре, и заковыляла прочь. Все шло не так. Слишком много боли, стены плывут перед глазами. Она не могла дышать, не понимала, куда попала. Она шагнула, как ей казалось, на твердую почву, но вместо этого обнаружила, что проваливается в бездонную трясину.

Она быстро неслась по коридору, понимая, что ей это вредно и что она скоро заплатит за свою неосторожность. Но сейчас ей было плевать. В холле ее ждала Карли. Элегантная, подтянутая и с браслетом Бренды. Мишель остановилась перед ней.

– Ты уволена, – медленно и внятно проговорила она, несмотря на жгучую боль в бедре.

Карли побледнела.

– Что? Ты не можешь так поступить.

– Могу. Отель принадлежит мне, забыла? Ты уволена. Собирай вещи и катись отсюда. Я больше не хочу тебя видеть.

Она прошла мимо Дамарис, скорее сползла, чем сошла по ступенькам и направилась к автомобилю. Чуть не потеряла сознание от боли, когда втягивала в кабину левую ногу, потом завела мотор и умчалась прочь.

Два резких поворота направо, и она остановилась на обочине. Из горла вырвались отчаянные рыдания. Холод пробрал ее до костей, руки дрожали.

Слез не было – только звуки и понимание того, что хоть она и вернулась домой, это не означало, что у нее был дом.

Глава 3

– Сегодня у нас в ресторане особое блюдо – курица под соусом марсала, – с улыбкой сказала Карли пожилым супругам, сидевшим у окна. – Грибы, свежая зелень и сливочный соус марсала с пастой ригатони. Потрясающе вкусно.

Женщина с седыми волосами, уложенными в высокую прическу, улыбнулась.

– Не уверена, что моя талия это выдержит, но предложение заманчивое.

Ее супруг кивнул:

– Мы принесли свое вино. У вас это можно, не так ли?

Карли взглянула на бутылку. В левом верхнем углу этикетки наклеен стикер с ежевикой. Значит, бутылка куплена в городе.

– Конечно, – ответила она. – У нас нет пробкового сбора. Хотите, я открою вашу бутылку, чтобы вино подышало?

Мужчина усмехнулся:

– Не знаю. Вы так любезны.

– Вы выбрали прекрасное вино. Почему бы вам не открыть его? Пока вы делаете заказ, я принесу бокалы, и вы снимете пробу.

– Благодарю вас. – Женщина похлопала мужа по руке. – Нам тут очень нравится. Это наш третий визит сюда. Мы не были у вас несколько лет и сейчас видим замечательные перемены.

– Спасибо. Надеюсь, вы не оставите нас надолго и вернетесь снова.

Она извинилась и ушла в буфетную. Взяв бокалы для вина и штопор, вернулась к гостям. Потом подошла к трем другим столикам и поспешила на кухню за салатами.

Пока никто из постояльцев ничего не заметил. А если они и заметили, то не комментировали, и это уже хорошо. Если она займется делами, ей некогда будет думать, некогда будет волноваться и впадать в панику.

Она зашла на светлую жаркую кухню и увидела, что салаты уже готовы. Схватила их и вернулась в обеденный зал.

Дела были простыми, и ее это радовало. Что она чувствовала? *Растерянность*? Нет, слабо сказано. Скорее, это был *ужас*.

Уволена. Нет, это невозможно. Ее нельзя уволить. Это ее дом, она прожила здесь почти десять лет. Вложила в отель душу и сердце. Любила его. Ведь надо же считаться с этим, правда? Фактически она хозяйка отеля, и закон должен это учесть. Надо что-то предпринять. Мишель не может просто так вернуться и уволить ее.

Нет, она может.

Сдерживая слезы, Карли скрылась в буфетной. Мраморная столешница холодила пальцы. Мрамор она выбирала сама, полки тоже и даже столы и стулья для расширившегося ресторана.

Она ведь обещала, думала Карли, опустив голову; глаза жгло. Бренда обещала дать ей долю в отеле. Два процента в год, пока не дойдет до половины, и тогда они станут равными партнерами. Карли сейчас по праву владела бы уже почти двадцатью процентами. Вот только отель принадлежал не Бренде.

Мишель давно утверждала, что отец оставил ей отель, но Карли была уверена, что ее подруга хвасталась и выдавала желаемое за действительное, просто потому что жила там и помогала по хозяйству. Дети ведь всегда охотно фантазируют. Но Мишель говорила правду, а Бренда лгала. И вот теперь Карли было некуда идти.

Она вытерла слезы и, возвращаясь к посетителям, изобразила на лице улыбку.

Была почти половина восьмого, когда она вернулась в частную зону отеля – в комнаты, где она поселилась после рождения Габби, комнаты с воспоминаниями. Она обставила их на свой вкус.

Габби смотрела телевизор, но подняла голову и улыбнулась. Бриттани, ее постоянная нянька, быстро отложила свой айфон. Габби сползла с дивана и подбежала к матери.

– Мамочка.

Больше она ничего не добавила, только повисла на ее руке.

Карли обняла дочку; как почти каждая мать на планете, она знала, что пойдет на что угодно ради своего ребенка. В том числе оградит ее от правды – что их, возможно, выселят из дома.

– Как вы провели вечер? – спросила она, убрав светлые волосы Габби с ее лица и заглянув в синие глаза.

– Хорошо. Я победила Бриттани в двух пазлах из «Колеса Фортуны»^[3].

Девочка-подросток усмехнулась.

– Вот видите? Ей помогли домашние задания по правописанию.

Габби наморщила носик.

– Я больше люблю математику.

– Ужин был клевый, – сказала Бриттани и встала с дивана. – Спасибо.

Карли принесла им в половине шестого пасту с курицей под соусом марсала. Она работала в ресторане два вечера в неделю и могла во время своей смены приносить ужин домой.

– Я рада, что вам понравилась курица.

– Очень понравилась, – сказала Габби.

Бриттани уже натянула куртку.

– Ты встречаешься с Майклом? – спросила Карли, провожая девочку к двери.

– Да, – улыбнулась она. – Мы пойдем в боулинг с друзьями.

– Я скоро позвоню насчет летнего лагеря, – сказала Карли и услышала, как дочь тихо фыркнула. Габби не любила летний лагерь – в основном из-за походов, потому что там приходилось плавать на каяке и ходить в горы. Дочка предпочитала читать или играть в компьютерные игры.

– Летом у меня уроки с восьми до двенадцати. – Бриттани вытащила из-за ворота куртки свою длинную рыжую косу. – Так что потом я свободна. – Она нерешительно спросила, понизив голос: – Это была она? Мишель?

Карли кивнула.

– Она не такая, как я думала. По-моему, она не злая. И ничего такого не сделала. Просто, не знаю...

Карли чуть не заспорила с ней, и это доказывало, что можно в любую минуту оказаться идиоткой.

– Она не такая плохая, – сказала она, как бы соглашаясь на компромисс. С ее стороны это было очень великодушно, учитывая, что ее уволили.

– О'кей. Доброй ночи.

Бриттани ушла, и Карли села на диван. Дочка пристроилась рядом, положив голову на плечо матери.

– Она мне не нравится, – прошептала Габби. – Неужели она останется?

Карли хотела сказать, что ей Мишель тоже не нравится, но понимала, что это будет ошибкой. Тяжело делать правильные вещи, это как заноза в заднице, подумала она, глядя дочку по голове.

– Давай поглядим, что будет дальше, прежде чем делать выводы, – весело сказала она, игнорируя ощущение надвигающейся беды.

– Мамочка, ты всегда так говоришь, – со вздохом сказала Габби. – Пытаешься понять обе стороны. Неужели тебе не хочется иногда просто рассердиться?

– Чаще, чем ты думаешь.

Она знала, что Мишель нуждается в ней. По крайней мере, в ближайшее время. Ведь кто-то должен управлять отелем. Бренда умерла, и осталась лишь Карли. Мишель потребуется время, чтобы выздороветь и войти в курс дела. Слова об увольнении прозвучали импульсивно – да, только слова, не намерения.

Это был просто самообман, думала она, крепко прижимая к себе дочку. Как если не верить в призраков, когда они рядом.

* * *

Через полтора часа Карли поцеловала дочку в лоб.

– Спи, – пробормотала она. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, мамочка.

Слова были сказаны сонным голосом. У Габби уже закрывались глаза. Хотя дочка уже несколько лет не просила рассказывать ей перед сном сказку, она любила, чтобы мама укладывала ее спать, поправляла одеяло. Ей девять лет, осенью стукнет десять. Сколько еще у них впереди таких лет? Рано или поздно мама превратится для нее из подружки в досадную помеху.

Карли не помнила, с какого возраста она стала стыдиться своих родителей, считать глупым все, что они делали. В семнадцать лет она отчаянно стремилась к свободе. Забавно, что матери надо было сбежать от них, чтобы Карли поняла, как ей плохо без нее. Но было уже слишком поздно говорить ей это. И потом она уже сама, без советов матери, росла и постигала науку быть женщиной.

Она снова поцеловала Габби и молча пообещала себе никогда не бросать своего ребенка, что бы там ни было. Слабый свет ночника

освещал ей знакомый путь. При всем стремлении подросшей дочери к независимости она все-таки не любила спать в темноте.

В дверях Карли задержалась и взглянула на спящего ребенка, затем на спальню. Она сама шила занавески и вешала полки. Купила дешевую краску, отыскала в местном магазине эконом-класса уцененные товары, например теплое одеяло веселой расцветки, даже не распакованное. На нижней полке шкафа стояла большая банка, Карли бросала в нее остававшуюся мелочь – копила деньги ко дню рождения дочери и на Рождество. Так что им удавалось сводить концы с концами.

Все это изменится, если ее уволят. Она потеряет не только работу, но и жилье.

Некоторое время она стояла в полной темноте и вспоминала время, когда эта комната принадлежала Мишель. В выходные они часто ночевали вместе, обычно именно здесь, потому что так было лучше. Безопаснее. Когда им было столько, сколько сейчас Габби, они плели гирлянды из ромашек и дарили их гостям отеля. Бегали на берег и бросали камешки в Саунд. Мишель бродила по холодной воде, а Карли ждала ее на берегу. Она всегда боялась воды. Она не могла объяснить причину, у нее не было никаких ранних травм. Фобия существовала просто сама по себе. К сожалению, она передалась и дочке.

В лучшие моменты она говорила себе, что у них с дочкой все хорошо – любовь, забота, уютный дом. Их жизнь была размеренной и предсказуемой. Они были счастливы. Чего бы это ни стоило, Карли должна постараться, чтобы так было и дальше.

* * *

Комната в мотеле была такой же, как и в тысяче других придорожных заведений. Кровать узкая и жесткая, простыни грубые, ковер в пятнах. Темные занавески не сходились на середине. Свет фар бил в окно и чертил узоры на противоположной стене. В санузле размеренно капала вода из крана.

Мишель подумала, что могла бы найти место и получше, но ее это не слишком волновало. На одну ночь сойдет. К тому же этот мотель стоял близко от автострады, ведущей в город, и в нем ночевали

водители грузовых автомобилей. Здесь она едва ли могла столкнуться с кем-то из знакомых. Прямо сейчас анонимность была плюсом.

Она пустила воду из душа, пока пар не наполнил маленькую ванную. Раздевшись, она шагнула под струи, и ее омыла горячая вода. Она взяла крошечное мыло, намылила волосы и ополоснула.

Хотя в ванной было тепло, она дрожала. Вскоре она закрыла краны и вытерлась маленьким тонким полотенцем. Мишель месяцами не смотрелась в зеркало, и это ее устраивало. Все равно она не пользовалась косметикой. Единственной уступкой коже был солнцезащитный крем. Теперь она вернулась на Северо-Запад, так что не беспокоилась и об этом.

Одеваясь, она старалась не глядеть на заживающие шрамы на бедре. Она не сомневалась, что хирург сделал все, что мог, привел рану в более-менее приличный вид, но все равно этого было недостаточно.

Конечно, она понимала, что ей еще повезло. Она была жива. Частичная замена бедра – ерунда по сравнению с тем, что доставалось другим. Она выжила, достигла цели каждого солдата – не умереть. Все остальное как-нибудь образуется.

Она вышла из крошечной ванной. В углу на узком столике лежали рекламные листки доставки блюд из ресторана. Пожалуй, ей не мешало поесть. Она сидела на антибиотиках и обезболивающих. Если у нее будет что-нибудь в желудке, они легче подействуют. Или она обойдется без них, решив проблему иначе.

На ночном столике стоял бумажный пакет. Мишель подошла и достала бутылку водки.

– Привет, – пробормотала она, отвинчивая пробку. – Я не ищу ничего серьезного. Давай проведем ночь вместе, не возражаешь?

В госпитале консультант предупредила ее, что использование юмора в качестве защитного механизма мешает полному выздоровлению. Она ответила, что может жить и с изъятиями.

Ночь была тихой. Постоянный рокот автомобилей казался практически колыбельной по сравнению с тем, что она слышала всего несколько месяцев назад. Теперь не было ни угрозы взрывов, ни рева тяжелой техники, ни реактивных самолетов над головой. Ночь была прохладной, не жаркой, а небо облачным.

Ей предстояло принять какое-то решение. Она не могла обойтись без отеля. Там было ее место, во всяком случае, когда-то. Значит,

возникала проблема с Карли. Объявляя о ее увольнении, Мишель была счастлива. Может, оставить ее в отеле, чтобы иногда увольнять? Делать себе маленький подарок.

– Так нехорошо, гадко, даже для тебя, – пробормотала она, все еще глядя на водку.

Она обессиленно, хотелось лечь и закрыть глаза. Но она сопротивлялась, несмотря на желание выздороветь. За сон приходилось дорого платить. Он приносил сновидения, а сновидения были новым уровнем ада.

– Но только не с тобой, – сказала она, беря бутылку. – С тобой все хорошо.

Она пила большими глотками, спиртное обжигало гортань и текло в пустой желудок. Она пила и пила, пока у нее не появилась уверенность, что снов не будет, что эта ночь пройдет без них.

Глава 4

Стук в кухонную дверь заставил Габби соскочить со стула.

– Я открою! Я открою! – закричала она.

И ведь даже замолчать не попросишь, подумала Карли. Габби была утренней пташкой. Обычно Карли не обращала внимания на ее крики, но теперь, после практически бессонной ночи, полной тревожных размышлений, пронзительный, словно осколки стекла, голос дочки ранил ее мозг.

Габби повозилась с замком и распахнула дверь.

– Дядя Роберт!

Раскинув руки, она бросилась к появившемуся в дверях мужчине. Роберт подхватил ее и поднял высоко в воздух.

– Как поживает моя славная девочка? – спросил он, целуя ее в щеку.

– Хорошо. У нас на завтрак оладьи с ежевикой.

– Вот это неожиданность! – засмеялся Роберт.

Они посмеялись вместе, потом он поставил ее на пол. Габби снова села за стол, а Роберт закрыл дверь.

– Как все прошло? – спросил он, входя на кухню.

Карли поняла, что он имел в виду, и не знала, что ответить. Просто пожалала плечами и стала готовить ему кофе. Роберт занял свое обычное место – он регулярно завтракал с ними пару раз в неделю.

– Спасибо, – поблагодарил он, взяв кружку. Потом повернулся к Габби. – Готова к школе?

Она весело кивнула, тряхнув светлыми волосиками. Габби обожала и школьные занятия, и своих подружек. Она была общительной девочкой.

– Что вы изучаете на этой неделе? – спросил он. – Дифференциальное исчисление? Ты же учишься в колледже, да?

– Дядя Роберт, мне только девять, – хихикнула Габби.

– Неужели! Ты выглядишь старше. Я бы дал тебе лет двадцать.

Это был их обычный разговор. Габби обожала своего дядю, он ее тоже. Семья у меня хорошая, говорила себе Карли. Хотя убедилась в этом, только когда родила Габби. Ее дочка была даром свыше, Карли

даже не знала, за что ей такое счастье, но с остальными родственниками она почти не общалась.

Роберт был необычайно добрым и уделял им много времени и внимания. Карли знала, что им отчасти движет чувство вины. Роберт был хорошим парнем, из тех, кто не бросает слов на ветер. И ожидал того же самого от других. А вот его брат Аллен был не таким, и он ушел от Карли еще до рождения их дочери.

Это стало для нее шоком, но хуже всего было то, что он опустошил ее банковский счет и забрал все деньги до последнего пенни.

Тогда вмешался Роберт и предложил Карли жить с ним. Она отказалась и вместо этого устроилась на работу в отель. Роберт разыскал брата. Но Аллен отказался возвращаться, а все деньги уже спустил. Последовал развод. Он никогда не давал денег на дочку, но зато подписал отказ от отцовских прав. Конечно, деньги бы им не помешали, но Карли была рада и тому, что он ушел. Он был из тех людей, которые создают проблемы и спокойно уходят, не беспокоясь о том, что оставляют после себя разбитые жизни.

Габби доела завтрак и отнесла свою мисочку в раковину.

– Сейчас я почищу зубы, – объявила она и выскочила из кухни.

Роберт проводил ее глазами.

– Прямо не верится, как она выросла.

– Ей скоро десять. – Взяв свою кружку кофе, Карли села к столу.

– Ты видела ее вчера? – спросил он.

Не было смысла уточнять, о ком речь. Карли не раз делилась с Робертом своими опасениями насчет Мишель. И он был свидетелем их конфликта десятилетней давности.

– Да, – сказала она. – Мельком. Она... изменилась. Похудела. Она хромает, но это понятно.

– Ее ранили в бедро, верно? Я слышал об этом.

Карли кивнула.

– Вы поговорили? – спросил он.

– Вообще-то нет. Она была уставшая.

Или Карли так показалось. Она не собиралась делиться с ним тем, что сказала Мишель. Она даже думать об этом не хотела... пока что. Ну а уж если Мишель уволит ее, тогда она и начнет строить планы.

Вернулась паника, но она игнорировала ее. У нее будет еще много времени, сказала она себе. Когда она останется одна. Если она

поддастся страху сейчас, перед Робертом, он заметит это и станет ее утешать, обнимет... Нет, она не хотела давать ему повод для этого.

Роберт был похож на брата: среднего роста, широкоплечий, темноволосый и с черными глазами. Это интриговало ее и одновременно вызывало желание убежать прочь. Аллен был младше почти на шесть лет и отличался от него невероятным обаянием и веселым нравом. То, что он уйдет от Карли, было неизбежно – словно прибой, накатывающий на скалистый берег острова.

Роберт был почти таким же красавцем, только без тяги к разрушению. Он владел автомастерской в дальнем конце города. Он был хорошим человеком, хотел заботиться о ней и Габби, и Карли позволяла ему. Потому что это было легко. Потому что он не требовал от нее ничего, никаких близких отношений, а она и не хотела их.

Но она иногда задумывалась, не придется ли ей заплатить высокую цену за эту легкость. Не используют ли они друг друга, чтобы не искать то, чего действительно хотят? Может, с кем-нибудь еще ей будет лучше? Конечно, если Мишель ее уволит, проблем будет меньше. Она подозревала, что, оставшись без дома, утратит почти всю свою привлекательность для возможных бойфрендов.

– Ну и как? Нормально? – спросил он.

– Я знала, что она приедет, но все равно видеть ее было шоком.

– Мне очень жаль. Неприятная ситуация.

– Брось говорить об этом. Тут совсем нет твоей вины.

– Он мой брат.

– Я вышла за него замуж. Знала, какой он, но все равно стала его женой.

Она вышла за него, хотя за два дня до свадьбы застучала со своей лучшей подругой. Аллен тогда винил во всем Мишель, мол, она его соблазнила, а он не виноват.

Карли до сих пор помнила все до мелочей. В тот день она наконец-то купила фигурки для свадебного торта. Нашла их в антикварном магазине в Абердине. Из тонкого фарфора, чуточку старомодные. Но ей понравилось, как они смотрят друг на друга, взявшись за крошечные руки. Она купила их, принесла в свой маленький дом и тщательно помыла. Потом решила показать их Мишель.

Да, тот день она помнит до сих пор. Журавли были всюду. Они делали гнезда и громко орали, раздираемые птичьими гормонами. И

день был солнечный – редкое событие на Северо-Западе.

Она зашла в отель, чувствуя себя там чужой. Они с Мишель только недавно помирились. Их дружба, такая крепкая когда-то, дала трещину. После яркого солнца ее глаза постепенно привыкли к полумраку приватной зоны, и Карли направилась через гостиную в спальню Мишель, ни о чем не думая, не постучав. Они лежали в постели, голые. Сплетение рук и ног.

Сначала она не поверила своим глазам. Она стояла, держа в руках фигурки, и не могла понять, почему стало так плохо. Словно видела сон, в котором стулья стоят на потолке.

Потом расплывчатая картинка сфокусировалась, и Карли поняла, что случилось. Что ее предал человек, которому она должна была доверять больше всех на свете. Предал с Мишель – уже разрушившей почти все, что у нее было.

Аллен вскочил и бросился к ней. С возбужденным, влажным пенисом и всклокоченными волосами.

– Карли, пожалуйста, прости. Это случайность.

Она помнит, как он говорил что-то еще, умолял. Обвинял во всем Мишель, а та сидела на постели с равнодушным лицом. Карли ждала – не объяснений Аллена, а что скажет Мишель. Через некоторое время она и сказала.

– Ты бы шла домой.

Вот так. Четыре слова. Ни объяснений, ни извинений. Просто «ты бы шла домой».

Карли убежала прочь.

Через два дня она вышла замуж за Аллена. Потому что так было проще, чем глядеть правде в глаза. Потому что она боялась остаться одна. Забавно, что она в конце концов одна и осталась.

– Ты со всем разберешься, – сказал ей Роберт. – Вы с Мишель были подругами. Вам надо поговорить по душам, и вы снова помиритесь.

Она кивала, потому что так было проще, чем сказать правду. В том, что Карли была пострадавшей стороной, а Мишель, казалось, приехала домой ради мести.

Мишель вошла на кухню отеля и вдохнула аромат корицы и кофе, смешанный с сытным запахом бекона. У нее потекли слюнки, и ей впервые за несколько месяцев захотелось есть.

Кухня изменилась – стала больше, в ней прибавилось окон, но плита была прежняя, с восемью горелками. За ней правила Дамарис, рывкая команды официанткам и помощницам.

Мишель наблюдала, как повариха посыпает омлеты своими секретными приправами и переворачивает оладьи. К омлетам добавлялись нарезанные кубиками овощи и сыр, а ежевика добавлялась ко всему. Тосты потрескивали, соковыжималка жужжала, тарелки стучали, и все это сопровождалось криком «Новый заказ!».

Голова ее болела почти наравне с бедром. После вчерашнего, когда было слишком много водки и слишком мало еды. Но сейчас она глядела на Дамарис, и боль отступала на задний план. Здесь, в этом хаосе, она наконец-то поняла, что вернулась домой.

– Последний заказ, – крикнула Дамарис, со стуком поставив еще одну тарелку.

Мишель взглянула на часы. Почти девять. В это время года и в середине недели посетители завтракают рано, многие едут потом на работу. Обычно они погружены в свои мысли, строят планы и обдумывают предстоящие дела.

– Доброе утро, – поздоровалась она, когда Дамарис выключила горелки.

Повариха повернулась и прижала руку к груди.

– Когда ты пришла?

– Несколько минут назад.

Дамарис поспешила к ней, вытирая руки о белый фартук.

– Как я рада тебя видеть, – сказала она, прижимая Мишель к себе. – Ты голодная, – заявила она, отстраняясь. – Конечно, голодная. Как же иначе? Я приготовлю сейчас твоё любимое.

– Не надо! Не хлопочи.

Темные брови поварихи поднялись над оправой очков.

– Ты думаешь, я не помню, что ты любишь? Сядь.

Мишель захромала к столешнице и села на табурет. Дамарис налила кофе и подала ей, потом посмотрела на лежавшие перед ней продукты.

– Ты не ночевала в отеле, – сказала она, нарезая коричный хлеб. – Я спрашивала.

– Мне не хотелось. – Это была почти правда. – Странно возвращаться назад.

– Это потому что ты слишком долго ждала. О чем ты только думала? Десять лет! За все это время ты не могла приехать повидаться со мной?

Мишель не ответила. То, что она не приезжала, не имело никакого отношения к Дамарис – дело было в Карли и Бренде.

– Что ты думаешь о здешних переменах? – спросила Дамарис, взбивая яйца.

– Их тут больше, чем ты говорила. Весь отель изменился.

– Я не хотела тебя расстраивать. Карли предложила, а твоя мать взялась за дело. Подрядчик был из Сиэтла. Бренда не стала нанимать местных. По-моему, она спала с ним.

– Моя мать?

– Он использовал ее, если хочешь знать. Новая крыша и переделанная кухня видишь какие? Мне даже было жалко ее. Он уехал, как только закончил работы, и больше носу не показал. Так не везло ей с мужиками. – Она посмотрела поверх очков. – Как я сказала, мне было жалко ее.

Мишель не смогла обнаружить у себя даже капли сочувствия.

– Зря она все затеяла. Отель не нуждался в переделке. Он вообще не принадлежал ей. Она не имела права.

– Думаешь, это остановило бы ее?

– Нет.

В голове снова запульсировала боль. В бедре она никуда и не девалась. Мишель следовало бы принять обезболивающее, которое дали ей доктора, но ей не нравилось, как она себя потом чувствует. Чокнутой.

Кстати, какая ирония. Она без проблем разрушала свое здоровье водкой, но отказывалась принимать обезболивающие. Конечно, если разобраться, это противоречие было крупницей по сравнению с хаосом в ее голове. Она чувствовала, что вот-вот превратится в «интересный случай» для какого-нибудь медицинского журнала. Или у нее просто мания величия?

Дамарис поставила перед ней тарелку. Французский тост из коричневого хлеба с сосиской. И рядом ежевика.

– Неужели? – спросила она, рассеянно тыча вилкой в одну из ягод.

– Традиция такая. – Дамарис усмехнулась.

Потому что тут, на Ежевичном острове, к любым блюдам подавалась ежевика. В детстве отец в шутку говорил Мишель, что им еще повезло; было бы хуже, если бы они жили на острове Брокколи или на Шпинатном. Она вспомнила, как смеялась тогда над отцовской шуткой, а потом вздохнула и попыталась вспомнить последний раз, когда что-то показалось ей хоть немножко смешным.

Она отрезала маленький кусочек французского тоста. Края приятно хрустели, корица просвечивала сквозь слой яйца. На языке все смешивалось, подслащенное кленовым сиропом. И сам хлеб, легкий, но сытный, тоже радовал небо.

Многие считали, что больше всего запоминаются запахи, а для Мишель это был вкус. Она помнила его, хотя в последний раз ела такой завтрак, как ей казалось, тысячу лет назад. Помнила, где она сидела, о чем они говорили тогда за столом. Дамарис приготовила ей точно такое же блюдо в самое первое утро, когда только что устроилась на работу в отель.

– Боже, какая ты мастерица!

– Уж я-то точно такая, как и была, – засмеялась Дамарис.

Она налила себе кофе, подвинула поближе табурет и стала смотреть, как Мишель завтракает.

Мишель разделалась с французским тостом и взялась за сосиски. Они были такими же, как она помнила; их делали фермеры на севере острова. Напоследок она съела ежевику.

– Ягоды из Чили? – спросила она. На острове они еще не созрели.

Дамарис вытаращила глаза.

– Тсс! Это практически святотатство. Все, что мы подаем, местное.

– Ты такая врушка. Мы разве так говорим?

– Нет, но люди так считают.

– Сейчас лишь первая неделя мая, на улице всего десять градусов.

Никто и не поверит, что они местные.

Дамарис шмыгнула носом.

– На том конце острова есть оранжерея.

– Так она размером с эту кухню. Там поместятся два куста, не больше.

– Все равно. – Дамарис отхлебнула кофе. – И что же теперь?

Повариха явно спрашивала не о том, собирается ли Мишель отнести тарелку в раковину.

– Я возвращаюсь к своей прежней упорядоченной жизни. Буду управлять отелем, как когда-то.

– Ты не справишься в одиночку.

Мишель посмотрела на нее. Может, Дамарис слышала про их вчерашний конфликт с Карли?

– Отель стал больше, – продолжала повариха. – Тридцать комнат. На носу лето. Ты сама знаешь, что это такое.

Да, толпы туристов, набитый отель.

Я уволила Карли.

Мишель мысленно произносила эти слова, взвешивала их, наслаждалась удовлетворением, которое они ей доставляли.

Действительность будет другой, подумала она, сжимая кружку. Будет тяжелая работа от зари до зари. С ее больным бедром и физиотерапией, не говоря уж о том, что лестницы станут для нее кошмаром. Дамарис права. Одной ей не справиться.

На самом пороге летнего сезона она просто не найдет себе хорошего помощника. Так что, несмотря на свое огромное желание, она понимала, что увольнять Карли просто глупо.

– Считаешь, я должна ее оставить?

Не нужно было и пояснять, о ком речь.

Дамарис пожала плечами:

– Пока да. Она не хочет уходить. У нее тут дочка. Габби. Между прочим, милая девчушка.

Дамарис всегда была ее союзницей. Мишель импульсивно протянула руку через столешницу из нержавеющей стали и сжала руку поварихи.

– Я скучала по тебе.

– Я тоже скучала.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась темноволосая женщина чуть моложе Мишель. На ней была розовая блузка, заправленная в черные брюки. Волосы были завязаны на затылке.

– Изабелла, иди сюда. Это Мишель. Мишель, это моя невестка. Изабелла замужем за Эриком.

Мишель улыбнулась:

– Так он наконец женился? Просто не верится.

– Четыре года назад, – сообщила Изабелла.

Мишель вспомнила, что Эрик не видел смысла заводить себе подружку. Зачем ограничивать себя одной женщиной? Пару раз он подбивал к ней клинья, один раз даже вытащил пенис. Она тогда впервые взглянула на мужской член, и у нее невольно вырвалось: «Серьезно? Так вот из-за чего все с ума сходят!» Ее восклицание не только остановило его, но и отбило всякую охоту приставать к ней.

– Поздравляю, – сказала она Изабелле, надеясь, что Эрик одумался и стал хорошим мужем.

– Спасибо.

– У них есть ребенок. Маленькая девочка.

– Какая хорошая новость.

Повисло неловкое молчание.

– О'кей. Рада была познакомиться. – Изабелла повернулась к свекрови. – Все посетители ушли. Я закрываю обеденный зал. Вернусь в четверть двенадцатого.

– Ладно, увидимся.

– Пока, – сказала Изабелла и ушла.

– Она тут старшая официантка. Обслуживает завтраки и ланчи, – сказала Дамарис. – Ей так удобно. Она может немного заработать и быть дома с ребенком.

– Хорошо.

Мишель понимала, что ей надо задавать вопрос за вопросом, входить в курс дела. Она вернулась. Но внезапно она поняла, что не может общаться с людьми, хотя это самая простая часть ее работы. Ей хотелось забиться куда-нибудь в маленькую комнатку, где она почувствует себя в безопасности. Где все знакомо.

Она встала и протянула руку к посуде.

– Оставь, – сказала Дамарис. – Я уберу.

Мишель обошла вокруг стола и обняла женщину, которая всегда заботилась о ней.

– Спасибо, – прошептала она и поцеловала Дамарис в макушку.

– Добро пожаловать домой, Мишель. Я так рада, что ты вернулась.

– Я тоже. – Вроде бы.

Она захромала к двери, ведущей в ресторан. Оттуда она пойдет в отель и подумает, что делать дальше.

– Мишель?

Она замерла и оглянулась.

– Я горжусь тобой. – Дамарис улыбнулась.

Мишель почувствовала, как у нее перехватило горло.

– Спасибо.

Глава 5

Кабинет матери, а теперь *ее кабинет*, был одним из немногих мест, оставшихся в прежнем виде. Мишель села в старое деревянное кресло и усмехнулась, услышав знакомый протестующий скрип. Кресло было старше ее, его купили на какой-то распродаже офисной мебели много-много лет назад. Как и письменный стол, оно было поцарапанным и старомодным, но вполне исправным.

«Компьютер относительно новый, возможно, за последние десять лет его меняли не один раз», – подумала она, нажимая на кнопку пуска. Хотя у нее в Афгане комп был поновее.

Стену за ее спиной всю до самого потолка занимали книжные полки. На них десятки лет пылились массивные бухгалтерские книги. Запах старой кожи и хрупкой от времени бумаги успокоил ее. Здесь, глядя на акварельный рисунок отеля, каким он был раньше, и на знакомый плетеный коврик под ногами, она почувствовала себя почти дома.

В пятидесятые ее только что поженившиеся дед с бабкой неожиданно получили наследство и сразу купили этот отель. Тут родился и рос отец Мишель, а потом и она сама. Три поколения Сандерсонов оставили свои следы в этом старом доме. Мишель никогда и не собиралась жить где-то еще.

Десять лет назад некоторые чрезвычайные обстоятельства – ну хорошо, чувство вины – заставили ее пойти в армию. Через одиннадцать месяцев ее отправили за океан, и в конце концов она оказалась в Ираке. Работа в службе снабжения занимала у нее много времени. Она знала, что приносит пользу, и поэтому просилась в командировки еще два раза.

Свой отпуск она проводила в Европе, почти три недели путешествовала по Австралии, видела Великую Китайскую стену. Но вообще-то она была готова к тому, чтобы жить прежней жизнью. Будь ее воля, она больше никогда не уезжала бы с острова.

Переключив внимание на экран, Мишель кликнула на иконку отеля. Компьютер тут же потребовал пароль. Хоть железо и меняли, но софт, скорее всего, оставили прежний. Мишель ввела старый пароль и

без проблем открыла сайт отеля, посмотрела бронирования и электронный реестр платежных документов.

Взглянула на даты и нахмурилась. Все записи резко оборвались три месяца назад. Что за...

Смерть ее матери, вот что. Бренда вела бухгалтерский учет. Вероятно, только она пользовалась компьютером и не допускала к нему Карли. Что это означает? Что ни один счет не оплачен? Она помнила, что у Карли много недостатков, но безответственность среди них не числилась.

Она посмотрела на лежавшие на столе бумаги. Стала искать пачку счетов, но вместо этого обнаружила блокнот, а в нем записи, сделанные аккуратным почерком:

17 апреля. Вода. \$237.18

Записи велись три месяца и включали две ежемесячные выплаты по кредиту на разные суммы. Изучая их, Мишель узнала почерк Карли. Значит, она все-таки платила по счетам, но вручную. Почему она не пользовалась компьютером? Не знала как или не считала себя вправе это делать?

Мишель порылась в ящиках и нашла чековую книжку. В глаза бросился почерк матери – неровные каракули, контрастировавшие с мелкими, аккуратными записями Карли. Мишель глядела на цифры и видела их форму, а не суммы. Она задержала дыхание и приготовилась к неизбежному.

Вдох, выдох, и вот оно.

Глухой стук автомобиля, врезавшегося в скалу. Вина. Она ударяла в нее со всех сторон, заставляя ежиться на стуле. Завтрак превратился в желудке из приятной пищи в нечто тяжелое.

Угрызения совести смешались со стыдом, но эмоции были эфемерными. Потому что она не ладила с матерью, потому что та, другая женщина злилась на нее за вещи, за которые не может отвечать подросток. В глубине души Мишель радовалась, что ее не было тут, когда умирала мать. И понимала, что нехорошо радоваться этому.

Нет, Бренда была не одна. Рядом с ней была Карли, «поистине любимая дочь», как Бренда называла ее в своих редких имейлах. Но ведь Карли не член семьи.

Мишель ясно понимала, что причиной вины была неоднозначность ситуации, но легче ей от этого не становилось.

«Сосредоточься», – приказала она себе. Похмелье проходило, и головная боль осталась лишь фоновым шумом. Кто знает, какие финансовые потрясения пережил отель за десять лет. Нужно покопаться в цифрах и продумать план. Армия была хорошей школой: теперь она классный специалист в логистике.

Она взялась за мышку, но тут зазвонил телефон. Резкий звук прорезал тишину и заставил Мишель вздрогнуть. Сердце тут же учащенно заколотилось, а тело мгновенно покрылось холодным потом. К боли в бедре присоединился страх, ей захотелось нырнуть под стол. Но вместо этого она взяла трубку.

– Сандерсон, – сказала она по давней привычке, хотя скорее процедила сквозь зубы.

– Тут звонок по первой линии. Эллен Сноу из банка «Сбережения и кредиты».

Карли говорила спокойно. Неужели Мишель лишь померещилось, что вчера она уволила ее? Значит, она зря радовалась?

– Ты еще здесь?

– Похоже на то. Ты примешь звонок?

Вместо ответа Мишель ткнула пальцем в горящую кнопку, отключила Карли и перешла на первую линию.

– На связи Мишель Сандерсон. Чем могу быть полезна?

– Мишель, как я рада слышать твой голос. Я Эллен Сноу из банка. Не знаю, помнишь ли ты меня.

Мишель откинулась на спинку кресла.

– Мы учились в одной школе.

– Правильно, – засмеялась Эллен. – Я была на год моложе тебя, а мой брат Майлс – на год старше.

Мишель смутно ее помнила. Блондинка, кажется. Нордический тип. Майлса знали все, Эллен не очень.

– Я помню, – скорее из вежливости ответила она.

– Просто хочу сказать: по-моему, то, что ты делала, замечательно. Ты служила нашей стране. Возможно, это звучит странно, но спасибо тебе.

Мишель открыла рот, но потом закрыла его.

Что на это ответить? Причины, по которым она пошла в армию, были далеки от альтруизма и патриотических мотивов, а теперь она вернулась и хотела наладить нормальную жизнь, сделать вид, будто ничего не случилось. Едва ли ее действия заслуживают таких восторженных слов.

– А-а, не стоит благодарности.

– Ну, раз ты вернулась домой, я полагаю, ты будешь сама управлять отелем?

– Да.

– Хорошо. Как тебе, возможно, известно, наш банк располагает двумя закладными на отель. – Эллен сменила тон с дружеского на деловой. – Нам нужно поговорить об этом как можно скорее. Тебя устроит десять тридцать?

Вторая закладная? Когда это случилось? Во всяком случае, это объясняет второй ежемесячный платеж, но почему?

Мишель закрыла глаза и увидела новую крышу, расширенный ресторан – и мысленно выругалась. Мать управляла отелем – и вот первый подарочек от нее.

– Сегодня утром в десять тридцать?

– Да, у меня будет в это время окошко.

Как будто у Мишель больше не было никаких дел.

– Я приеду.

– Буду ждать.

* * *

Банк «Сбережения и кредиты» стоял в центре городка. Процветавший в былые времена деловой квартал теперь заняли магазины и рестораны, которыми пользовались чаще туристы, чем местные жители. Фирмы, обслуживавшие местных, были вытеснены из центра. И только кирпичное здание банка с деревянными полами и муралом 1940 года как стояло почти сто лет на своем месте, так и осталось стоять.

Мишель поставила машину возле банка и вошла в стеклянные двери – одну из немногих уступок новым временам.

У входа не было охранника, и, если бы она игнорировала висевшие на стенах камеры, ей могло бы показаться, что она снова перенеслась в свое детство и пришла в банк вместе с отцом.

Перед окошком кассы стояла немолодая женщина. Других посетителей, кажется, не было. Мишель обвела взглядом кабинеты, тянувшиеся вдоль стены, и направилась к деревянной двери со стеклом, на которой было имя Эллен.

Постучалась в приоткрытую дверь.

Эллен подняла голову, улыбнулась и встала.

– Мишель, большое спасибо, что ты пришла. Как дела?

– Спасибо, нормально.

Она зашла в маленький кабинет, изо всех сил стараясь не хромать. В отеле ее футболка и штаны карго казались нормальными, но тут, рядом с Эллен, она почувствовала себя оборванной нищенкой.

Эллен была такой же стройной, как когда-то в школе. Длинные светлые волосы до плеч. Слегка подкрашенные газельи глаза. Жемчуг, вероятно настоящий, поверх светло-зеленой «двойки». Низкие каблук и черная прямая юбка до колен дополняли образ «я сотрудница банка, мне можно доверять».

Мишель села на предложенное место, пытаясь вспомнить, причесала ли она утром волосы. Душ она приняла, так что была чистой, но ее единственной уступкой в плане ухода была чистка зубов.

– Я так огорчилась, когда узнала о твоей матери, – деликатно сказала Эллен, дождавшись, когда Мишель усядется, потом снова заняла свое место за столом и наклонилась вперед. – Представляю, как тебе было тяжело. Я слышала, что тебя тогда же и ранило. Как несправедлива судьба, верно?

– Да, ты права.

– Утрата близкого человека и ранение. А теперь еще и это. – Она кивнула на тонкую файловую папку, лежавшую перед ней.

– Что ты имеешь в виду?

Мишель разглядывала закрытую папку.

Ее собеседница сжала губы, словно обдумывая свои слова.

– У тебя уже была возможность оценить финансовые дела отеля?

Мишель пожалела, что оставила бутылку водки в мотеле. Иначе она бы сделала глоток прямо сейчас.

– Нет, я только приступила к этому, когда ты позвонила.

– Тогда позволь мне быстро ввести тебя в курс дела. – Она открыла папку. – Я ужасно огорчена, что именно мне приходится говорить тебе об этом. Жаль, что этот разговор нельзя отложить. – Она помолчала.

Мишель показалось, будто что-то ползет по ее коже.

– Говори все как есть.

– Отель в тяжелой ситуации. На мой взгляд, сейчас не время говорить об этом. Я знаю, что ты только что вернулась домой и тебе нужно время осмотреться и войти в курс дела, но у нас все определяет совет по кредитам. Новые правила такие строгие. Раньше у меня было больше влияния. Извини, тут и моя вина тоже.

Возможно, это все недосып. Мишель готова была поклясться, что Эллен только что объяснила ей ситуацию, но она все равно ничего не поняла.

– О чем ты сейчас говоришь?

– О кредитах для отеля. Тут два кредита, и оба просроченные. Боюсь, что речь может идти об аресте собственности.

Мишель вскочила, игнорируя мучительно острую боль в бедре.

– Что? Это невозможно. Как ты вообще можешь говорить об этом?

– Боюсь, что могу, так как это правда. Три последних платежа сделаны вовремя, но они касались только текущих сумм. По обоим кредитам были многомесечные просрочки. Со штрафами и процентами.

Мишель снова села. Боль в бедре растекалась во все стороны, словно лучи солнца. Она прожигала насквозь и не давала сосредоточиться.

– Мы владельцы отеля. Возможно, моя мать взяла кредит, чтобы оплатить ремонт. Но какая там сумма?

Эллен протянула ей листок с двумя непогашенными остатками кредитов. Они составляли почти полмиллиона долларов. Сумма просроченных платежей была почти тридцать тысяч.

Мишель уронила листок на стол и шумно втянула воздух. Это какой-то бред. Невозможно. Даже ее мать не могла быть такой безответственной.

– Думаю, что большая часть денег ушла на перестройку, – осторожно заметила Эллен. – Об умерших не говорят плохо, но Бренда тратила деньги слишком легко. Платежи по первому кредиту часто запаздывали. Когда она обратилась ко мне с просьбой о втором кредите, я даже сомневалась, одобрит ли его комитет. Мне буквально пришлось

их уговаривать. – Она вздохнула. – Поэтому я отчасти тоже виновата. Догадываюсь по твоей реакции, что ты ничего не знала об этом.

– Нет. Она ничего мне не говорила. Отель находился в доверительном управлении, пока мне не исполнилось двадцать пять. К тому времени я уехала, и мать продолжала вести дела.

«И довела их до ручки, – с горечью подумала Мишель. – Интересно, сколько денег она потратила на себя. На наряды и украшения. На новые тачки».

Все это просто не укладывалось в голове. Да, увидев перестроенный отель, она подумала, что ей предстоит разбираться с задолженностями. Но не могла и предположить, что все так ужасно.

– Что же теперь будет? – спросила она.

– Зависит от тебя. Твоя семья много лет занималась этим бизнесом. Конечно, тебе будет трудно отказаться от него.

– Я не собираюсь продавать отель.

– У тебя нет выбора, – с сочувствием сказала Эллен. – Ты не сможешь выплатить просрочку. Я знаю, что у Бренды была страховка, но у вас может быть еще и задолженность по налогам. Даже с учетом летнего туристического сезона ты не сможешь погасить все долги. А если ты вбухаешь туда все деньги, как переживешь зиму? Отель – лакомый кусок. Ко мне уже обращались несколько заинтересованных лиц. Ты можешь выручить за него кучу денег, Мишель. Начнешь все заново где-то в другом месте.

– Нет. – Слово вылетело само собой. – Нет, я не буду его продавать. Надо найти какой-то другой выход. У меня есть деньги.

– Полмиллиона долларов?

– Нет, конечно, но разве я не могу взять кредит и потом его выплатить? У меня есть сбережения. Я почти не тратила зарплату, а еще есть бонусы за азиатские командировки.

Она чуть не выложила все, что у нее было, но вовремя удержалась. Ведь могут обнаружиться и другие неотложные счета. Налоги, о которых упомянула Эллен, или задолженность перед поставщиками.

Ей хотелось встать, но она заставила себя сидеть на месте. Она знала: если встанет, то немедленно убежит прочь, чтобы все это осталось позади. И что потом? Все равно придется вернуться. Так что уж лучше покончить с этим сразу.

– К завтрашнему дню я могу заплатить как минимум половину задолженности по кредиту. Может, и больше. Мне надо посмотреть и подумать. – Она наклонилась вперед и посмотрела на Эллен. – Ну что? Ты ведь сама сказала, что я защищала нашу страну. Ведь это тоже надо учитывать.

«Полная фигня, – подумала она. – Но, пожалуй, сейчас это пригодится».

– Я бы с радостью сказала тебе «да». Я целиком на твоей стороне, Мишель. Ты должна мне поверить. Эти новые правила такие ужасные. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но дело не только в деньгах.

– Тогда в чем же?

– В управлении отелем.

– Я буду им управлять.

– Вот этого комитет и боится.

– Что? Я знаю, что делаю. Я много лет работала в отеле. Еще в школе я всем распоряжалась. Сама знаешь, что я никогда не ходила куда-нибудь с подружками и не занималась спортом. После школы я работала в отеле с утра до вечера. – Мишель вся кипела от такой несправедливости, ей хотелось швырнуть что-нибудь в стенку. – Черт побери, да у меня степень по управлению отелем. Я знаю, что надо делать.

– Конечно, конечно, я полностью согласна с тобой. – Эллен кивнула. – Я помню, что ты всегда работала еще в школьные годы. – Ее рот скривился в улыбке. – Моя мать всегда приводила тебя в пример нам с Майлсом. Какая ты серьезная и ответственная, а мы нет. Это было чуточку неприятно.

– Тогда почему это не учитывается?

– Мишель, я все понимаю. Но вот комитет считает по-другому. Бренда приезжала на ежеквартальные заседания. Она хвалила Карли. Мол, та прекрасно справляется с делами, отель не выживет без нее. К сожалению, ей поверили. После смерти твоей матери Карли регулярно оплачивала кредиты.

«Удар за ударом», – с горечью подумала Мишель.

– Так ты говоришь, что они доверяют Карли, а не мне? Но ведь она даже не может пользоваться компьютером. Она... – Мишель проглотила остаток фразы, которую хотела сказать. Ругаться было бесполезно.

– Я знаю, что у вас с Карли было трудное прошлое.

Трудное – не то слово.

– Значит, комитет, кто там в него входит, мне не доверяет, но, если отелем будет управлять Карли, у меня появится шанс сохранить его?

– К сожалению, да. – Эллен кивнула. – Я чувствую, что ты не хочешь его продавать. Они мне не верят, но они не местные. Я считаю тебя подругой. Меньше всего я хочу, чтобы схлопнулся еще один местный бизнес. Мне надоело смотреть, как вокруг хозяйничают приезжие. На прошлой неделе я хлопотала за ваш отель, и они согласились вот на такие уступки.

Она протянула Мишель еще один листок.

Список был коротким. Задолженности по платежам следовало погасить в течение шестидесяти дней. Все расчеты с поставщиками должны быть представлены к концу месяца. Отель должен заполняться летом как минимум на восемьдесят пять процентов, пройти все проверки и вовремя выплачивать все кредиты. Последний пункт отзывался острой болью в бедре.

Карли Уильямс должна остаться в отеле минимум на два года.

– Я так сочувствую тебе, – сказала Эллен. – Но это все, что я смогла сделать. Я знаю, как ты к ней относишься. Должна признаться, я тоже от нее не в восторге. Она воспользовалась тем, что ты уехала, и охмурила твою мать. Она даже носит ее ювелирку. Это просто кошмар.

Десять лет армейской службы научили Мишель выполнять приказы, какими бы они ни были нелепыми. Она могла бы спорить, орать, но раз у нее в кармане не лежал лотерейный билет на полмиллиона долларов, все это было бесполезно.

– Я не откажусь от отеля, – заявила она. – Мой отец, возможно, и был последним ублюдком, но он оставил его мне, и я намерена его сохранить. Так что я сделаю все, что нужно.

– У тебя есть несколько дней на размышления, – сказала Эллен. – Я знаю несколько человек, которые хотят купить отель.

– Я даже не хочу об этом думать. Я все сделаю. Выполню все условия.

– И ты даже согласна работать с Карли?

– Конечно.

– Это будет трудно.

– Ты даже не представляешь насколько.

Глава 6

Маленький сувенирный магазинчик при отеле был любимым местом Карли. Его построили почти два года назад, и постепенно здесь появились постоянные покупатели. Большие окна пропускали много света даже в самые пасмурные дни, а сделанные на заказ полки и стеллажи позволяли разместить сколько угодно товара.

В основном там продавались островные сувениры, обычный китч: магнитики, кружки и брелоки с мотивами острова – ежевикой и ромашками. Но еще была секция с работами местных художников, видовыми фотографиями, книгами по истории острова и коллекцией уникального фарфора. Бренда, кроме того, настояла на коллекции кукол, что Карли не нравилось.

Утром здесь было почти пусто, но к ланчу клиенты пойдут в ресторан, может, и сюда заглянут. А пока что Карли вытирала пыль, проверяла наличие товара и счета. Обычно, отправив Габби в школу, она хозяйничала за стойкой регистрации, здоровалась с гостями и отдавала приказы персоналу. Ближе к полудню возвращалась туда, чтобы принять новых гостей отеля, разобраться с почтой и поговорить с поставщиками. Но несколько раз в неделю она проводила пару часов в сувенирной лавке и отдыхала душой.

Сегодня она прошлась по залу, останавливалась и гладила любимые вещицы, понимая, что, возможно, скоро попрощается с ними. Будто бы по ней будет скучать вырезанная из дерева косатка, запечатленная в прыжке среди волн.

Открылась дверь, звякнул колокольчик. Она оглянулась и увидела Леонарда Дэниелса.

– Привет, Карли.

– Доброе утро, Леонард.

Леонард, орнитолог, специализировавшийся на журавлях Пьюджет-Саунда, жил в отеле и оплачивал проживание грантом. У них вообще нередко останавливались одновременно двое-трое научных работников.

Высокий и худой, в очках с темной оправой и с бледной, несмотря на долгое пребывание на воздухе, кожей, Леонард был воплощением

фразы «чудаковатый ученый». Он любил хаки и шотландку, носил бинокль на шее и маленький нетбук под мышкой.

На этот раз его походка была энергичнее обычного.

– У нас яйца.

Она была достаточно осведомлена и поняла, что речь идет не о продуктах к завтраку.

– Уже?

Он кивнул.

– Два я нашел в первом гнезде и одно – в другом. За неделю я собрал достаточно информации для определения потенциальной популяции птенцов. – В его темных глазах светился восторг. – Надеюсь, это будет третий год прироста. И мы наконец сможем убрать журавлей из списка видов, которым грозит исчезновение.

Он замолчал, словно ожидая, что она разделит его радость.

– Это просто замечательно, Леонард.

– Я знаю. Нам надо отпраздновать это событие.

– Но сейчас как-то рановато.

Он поправил очки, потом взглянул на свои часы.

– О, верно. О'кей. Пойду еще поработаю.

И вышел из магазина.

Она глядела ему вслед, надеясь, что он не попытается изменить природу их отношений. Он приносил доход отелю, и она всегда была с ним приветлива, но сейчас ей меньше всего был нужен мужчина. С мужчинами всегда приходят неприятности. Она поняла это не сразу, но теперь уж не забудет этот урок.

С тех пор как Аллен ее бросил, у нее никого не было. Целых десять лет. Конечно, горячий секс с парнем – это классно, но стресс ей сейчас ни к чему.

Она вернулась к мысленной инвентаризации, но тут появилась Венди, официантка. Венди работала в ресторане в утреннюю смену. У нее было трое детей и муж, работавший по ночам. Вернувшись домой, он отвозил детей в школу и весь день спал. Вечера они проводили вместе, потом он уезжал на работу, а она ложилась спать.

Венди была надежной сотрудницей и хорошо ладила с гостями, поэтому Карли никак не хотела ее терять.

– Что случилось? – спросила она.

Венди поморщилась.

– Дамарис наорала на меня утром, но это ладно, я стерплю, только она нагрубилась и гостю, и мне это не нравится. Господи, что с ней творится? Снова у нее капризы. Тот парень заказал омлет из яичных белков. Она ответила, что не выполняет спецзаказы. А когда он сказал, что это из-за сердца, она заявила ему, что не виновата, что он такой жирный.

Карли даже рот раскрыла.

– Ты шутишь? Пожалуйста, скажи, что ты пошутила.

– Ох, если бы! Почти всегда Дамарис нормальная, но периодически у нее начинаются капризы, и она вымещает зло на гостях. Ты поговоришь с ней?

Карли хотелось сказать «нет». С такими вещами справлялась Бренда. Та действительно умела говорить с Дамарис. Что до Карли, то она давным-давно избавилась бы от темпераментной поварахи. Это она собиралась сделать чуть ли не сразу, как только получит долю в отеле. Но теперь она даже не была уверена, есть ли у нее работа, что уж говорить об остальном.

– Я поговорю с ней, – ответила она, понимая, чего ждет от нее Венди.

– Спасибо. Я иду домой. Всего доброго.

– И тебе тоже.

Около часа Карли тревожилась и переживала; потом в магазинчик на работу пришла Энн. Еще не зная, что говорить, Карли прошла через отель в кухню ресторана. Дамарис сидела на табурете, прижав к уху телефон. При виде Карли она нахмурилась и сказала, что заканчивает разговор.

– Знаешь, он здоровенный, жирный парень. Ты думаешь, один омлет из яичных белков что-нибудь изменит?

«Что за глупости», – подумала Карли.

– Он наш клиент.

– Клиенты не всегда правы. Чаще всего они даже не знают, чего хотят. Я приготовила тот омлет. Не хотела, но приготовила.

– Твоя работа – готовить им пищу. Критика и грубость не помогут нашему бизнесу.

– Нашему бизнесу? – Дамарис подняла брови. – Это бизнес Мишель, а не твой.

– Я говорю как сотрудница. Мы обязаны стараться изо всех сил. За это нам платят деньги. – Карли почувствовала, как запылали щеки. Она никогда не умела скрывать свое огорчение. – Думаешь, Мишель будет довольна твоим поведением? Обрадуется, когда узнает о случившемся?

Дамарис слезла с табурета и шагнула к Карли. Повариха была ниже на пять дюймов, но гораздо шире – и вспыльчивее.

– Не учи меня, как мне работать. Я готовила блюда, когда ты еще и не родилась. Мишель вернулась. Как считаешь, сколько еще она будет терпеть тебя в отеле?

«Еще меньше, чем тебе кажется», – с горечью подумала Карли, понимая, что она лишилась власти и у нее слабая позиция.

– Ты поступила неправильно и сама это понимаешь. И не только потому что плохо обслужила клиента, но и потому что это просто грубо. Можешь думать обо мне что угодно, но такие вещи не помогают бизнесу. Вот ты заявляешь, что заботишься о Мишель, и при этом вредишь ей своими поступками.

– Да что ты говоришь? – усмехнулась Дамарис. – Как думаешь, кто из нас останется здесь к концу дня? Я или ты?

Карли не стала отвечать. Она повернулась и вышла из кухни.

Ее терзали разочарование и обида. Злость грозила выплеснуться наружу. Может, ей нужно сделать первый шаг и уволиться? Начать все заново в другом месте? Жить настоящей жизнью, не зависеть от сил, которые она не может контролировать, и от людей, которые ей лгут. Таких, как Бренда.

На мгновение она остановилась в холле. Нужно было успокоиться и взять себя в руки.

– Почему ты так поступила? – спросила она вслух, не рассчитывая получить ответ. Карли не слишком верила, что умершие могут являться с того света и говорить с тобой, но если бы и могли, она сомневалась, что Бренда соизволила бы это сделать.

Бренда ее просто использовала. Иногда она проявляла сочувствие и даже доброту. Но в конечном счете думала только о себе. Теперь Карли осталась ни с чем. Она старательно откладывала средства на черный день и накопила тысячу шестьсот долларов. Этого едва хватит на задаток за маленькую квартиру, не говоря уже об аренде. И придется на что-то жить, пока она будет искать работу. Она сомневалась, что

Мишель уволит ее, а потом даст рекомендацию. Значит, рассчитывать на приличное место будет очень сложно.

Что остается? Бездомное существование? Жизнь на пособие?

Слезы жгли ей глаза. Но она втянула в себя воздух и сказала себе, что не будет плакать. Не время. Может, впереди ее ждет еще более суровый кризис.

Она расправила плечи. Ничего, она все выдержит. Бывало и хуже. Она сильная, умеет хорошо работать, и у нее есть Габби. К тому же мороженое продавалось с большой скидкой, и она купила целую квартиру. Если понадобится, она устроит себе потом в утешение сладкий вечер.

Она вошла в вестибюль отеля и увидела возле окна немолодую супружескую пару. Этих людей она не знала и решила, что они хотят поселиться в отеле. У нее были свободные номера, целых три. Самый большой – с балконом и прекрасным видом.

– Добрый день, – сказала она с улыбкой. – Я могу вам чем-то помочь?

Супруги были одеты просто, но дорого. Похоже, это островной шик, а не стиль туристов из больших городов. Он был высокий, она не слишком, и оба спортивные, загорелые и светловолосые.

Они повернулись к ней.

– Я Сет Фарли, – представился мужчина. – Это моя супруга Полин. У вас найдется минутка? Мы можем поговорить где-нибудь приватно?

Они не походили на рекламных агентов или поставщиков. Карли старательно оплачивала все счета отеля, так что они приехали не за деньгами. На адвокатов тоже не похожи.

– Конечно. Давайте поговорим вот здесь.

«Здесь» – в маленькой комнате для переговоров, где Карли беседовала с представителями бизнеса.

Они сели за большой стол, и Карли предложила гостям кофе.

– Нет, спасибо, – поблагодарил ее Сет. – Я перейду сразу к сути вопроса. Мы с женой психологи. У нас практика почти двадцать пять лет. Мы создали программу для супружеских пар, которые хотят улучшить свои отношения. Не буду сейчас вдаваться в детали, но мы работаем по три дня одновременно с двумя или тремя парами. Наши занятия до сих пор проходили в Сиэтле, но сейчас мы подумали, что занятия за городом, возможно, помогут парам более полно погрузиться

в терапию. Мы осмотрели несколько мест, и ваш отель заинтересовал нас.

– О! – Карли повеселела. Постоянные клиенты никогда не помешают. – Правда, у нас только одна комната для переговоров, не то что в больших отелях.

– Нам не требуется место для самих семинаров, – пояснила Полин. – Об этом мы уже позаботились. Мы ищем отель, где будут жить наши клиенты. Три комнаты со вторника до четверга с середины мая и до конца сентября.

Лето – самая горячая пора, подумала Карли. Если в выходные отель всегда полон, то в середине недели комнаты часто пустуют. Гарантированное бронирование на много недель перед – просто подарок.

– Я проверю, есть ли у нас места, – ответила она, спохватившись. – И поговорю с собственником.

Сет удивленно поднял брови.

– Я думал, вы одна из них.

Я тоже так думала.

– Нет, – весело ответила она. – Но я работаю тут десять лет и не сомневаюсь, что вашим клиентам понравится у нас. Пожалуйста, оставьте мне ваши данные и номер телефона. Я проверю наличие свободных номеров и поговорю с хозяйкой. А в конце недели свяжусь с вами. Что думаете?

– Превосходно.

Глава 7

Мишель сидела за столом, положив пальцы на клавиатуру. Нет, конечно, она знала, как открыть программы; просто ей не хотелось этого делать.

Ситуация была хреновая. Иногда Мишель гадала, каково это – быть человеком, который может просто все бросить и преспокойно отбыть в голубую даль. Жить с другим характером, плюнуть на все, не переживать. Вот только пофигизм не решил бы проблему. Это ее отель. Мысли о нем поддерживали ее в опасных командировках. Мысли о том, что она вернется домой. А если в доме полный бардак – все исправит и наведет порядок.

Пальцы забегали по клавишам; она сосредоточенно собирала информацию. Мишель привыкла к электронным таблицам, графикам и схемам. В армии она занималась поставками продовольствия. Решала, что заказать, и направляла заказанный провиант по точкам. Выправить финансовое положение отеля – мелочь по сравнению с той логистикой: ей приходилось размещать и кормить тысячи солдат на другой стороне земного шара.

Она быстро просмотрела налоговые декларации за предыдущий год и поморщилась: одни убытки. Конечно, платить меньше налогов на вполне законных основаниях классно, но у Мишель сжалось сердце, когда она увидела, сколько денег потерял отель. Единственным утешением было то, что убытки означали меньшую просроченную задолженность по налогам.

Мишель распечатала налоговые декларации и перешла к другим вещам. Чековый реестр. Ожидаемые поступления и платежи. Она обнаружила, что за эти десять лет, пока Мишель отсутствовала, мать приобрела не одну, не две, а целых три новые машины. Последняя, BMW Convertible стоимостью за семьдесят с лишним тысяч баксов, была изъята.

Порывшись в ящиках стола, Мишель обнаружила под коробками со скрепками неоплаченные счета. Потом добавила аккуратный лист платежей, написанный рукой Карли.

Создав новую электронную таблицу, она стала вносить информацию – что поступало и что тратилось. Она подвела баланс

чековой книжки, потом повторила процедуру, потому что цифры вызвали у нее сомнения. Взглянула на бронирование и увидела, что оно много недель даже не приближалось к тем процентам, которые требовал банк.

Через два часа она встала и, хромая, медленно прошла по кабинету. Кровообращение восстановилось, и это вызвало боль в бедре. Оттуда она разливалась по всему телу. Но душа болела еще сильнее.

Мишель всегда была папиной дочкой. Даже в раннем детстве она знала, что отец любит ее больше, чем Бренду. Она принимала его любовь, его обожание и понимала, что только он стоит между ней и матерью. А Бренда в лучшем случае была к ней равнодушна, но часто злилась на нее и критиковала.

Иногда Мишель задумывалась, не обижало ли это Бренду. И не вымещала ли Бренда свою обиду на дочери. Невозможно было понять, насколько поступки матери были результатом обстоятельств, а насколько их диктовал ее сволочный характер.

Мишель не помнила, когда она впервые узнала, что отцу пришлось жениться на матери. Она родилась через семь месяцев после свадьбы. Если Мишель с отцом любили их отель, любили остров, то Бренда чувствовала себя здесь словно в ловушке. Никаких поездок в Европу – отель ведь надолго не оставишь. Никакого летнего отпуска – это самая запарка. Никаких поездок в выходные. Отель отнимал все время.

Мать кричала, что Мишель с отцом – эгоисты и думают только о себе. Семилетняя Мишель была маленькой, но решительной спорщицей: «Если мы такие эгоисты, тогда почему ты всегда делаешь все по-своему?»

На этот вопрос у матери никогда не находилось ответа.

Когда муж бросил Бренду, она страшно оскорбилась, но по нему не скучала. Он бросил их обеих – и Мишель была просто убита. Его дезертирство не только доказало, что он не любил ее больше всего в жизни, но и оставило ее во власти матери.

В то время Мишель ожидала, что мать тоже сбежит с острова, но Бренда не сбежала. Вместо этого уехала сама Мишель. Глядя теперь на финансовую математику, свое наследство, она подумала, что Бренда по-своему одержала над ней верх: неудачное решение там, нелепая покупка тут... По отдельности они казались случайными, но все вместе стали катастрофой.

Она посмотрела отчеты о заработной плате. В «Боинге» меньше услуги, чем у них. В отеле всего тридцать номеров, но семь горничных. И какого черта держать сотрудницу, приветствующую гостей на стойке регистрации? Непонятно, почему одним Бренда платила слишком много, а другим недостаточно. Дамарис не получала прибавку уже шесть лет. Это плохо. Но у Карли финансовая ситуация была еще хуже.

Мишель смотрела на чек за полмесяца. Карли не платила за комнаты и получала два раза в день бесплатную еду, но даже при этом ее жалованье нельзя было назвать хотя бы минимальным. У нее ребенок. Медстраховку Бренда зажала. Значит, Карли приходилось платить за это из своего кармана, не говоря уж про одежду, обувь и все прочее для ребенка.

Мишель понимала, что ей нужно радоваться, раз эта женщина живет практически в нищете, но на деле испытывала смущение и, пожалуй, даже некоторую вину.

Ей хотелось обвинить во всем мать. Та получила отель в доверительное управление и должна была заботиться о нем. Но Мишель понимала, что виновата она сама. Это она уехала, долго не возвращалась и никогда не требовала отчета. И вот теперь получила две закладные, угрозу ареста собственности за неуплату долгов и список предписаний и требований, от которых у нее ползли по спине мурашки.

В дверь постучали.

– Войдите, – рявкнула она, не поднимая головы.

– Ты орешь так, как будто до сих пор в армии.

В кабинет вошла Дамарис. В руке повариха держала поднос.

– Я принесла тебе ланч. Не думаю, что ты сама вспомнишь о нем.

Мишель взглянула на часы и с удивлением обнаружила, что уже почти три.

– Ты всегда так задерживаешься?

– Иногда да. Иногда нет. – Повариха поставила поднос на стол, потом села на стул. – Мне нужно было заказать мясо и продукты.

– Когда ты обычно уходишь домой?

– Ну, в два или полтретьего. – Дамарис пожала плечами.

Мишель мысленно посчитала. Она знала, что Дамарис приходит в ресторан к шести утра. Они открываются в семь, и потом она готовит ланч.

– После моего отъезда ты ни разу не получала прибавку.

– Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

У Мишель зашевелилось подозрение, что мать делала так нарочно, пытаясь разорить отель. Ей хотелось спросить об этом Дамарис, но она сомневалась, что та сможет ей ответить.

– Я прибавлю тебе жалованье. За три месяца. – Она назвала сумму. – Так будет лучше?

Дамарис кивнула.

– Ты всегда была хорошей девочкой. И ты ни в чем не виновата.

– Ты о чем? Об отеле?

– Я слышу, что говорят люди. Они не получают зарплату. Чеки не обналичить, потому что на счете отеля недостаточно средств. Но тебя никто не винит.

Мишель взглянула на поднос. Дамарис приготовила для нее сэндвич с ростбифом. Ее любимый. Еще там лежали чипсы, немного салата и молочно-шоколадный коктейль.

Она зачерпнула полную ложку взбитых сливок.

– Спасибо.

– Кто-то ведь должен заботиться о тебе. Ты кожа да кости. Ни один мужчина на тебя не посмотрит.

Впервые после возвращения домой Мишель рассмеялась:

– Не думаю, что мужчины сейчас моя самая большая проблема.

– Мужчина может тебе помочь.

Мишель подумала, что для начала ей бы помогла ночь без кошмаров, чтобы не просыпаться в холодном поту, но ничего не сказала. Такие слова лишь испугают Дамарис.

Повариха ткнула пальцем в разложенные на столе бумаги.

– Что, все плохо?

– Я пока еще не поняла. – Мишель сунула соломинку в молочный коктейль. – Как ты думаешь, моя мать нарочно довела все до такого состояния?

– Не знаю. Она была не из тех, кто придерживается плана. Думаю, это, скорее всего, вышло само собой.

– А что Карли? Она приносила пользу отелю или нет?

Дамарис пожала плечами:

– Я ужасно не люблю ее, но не думаю, что она делала что-либо во вред.

Не совсем то, что надеялась услышать Мишель. Низкое жалование Карли вызвало у нее подозрения, а давний конфликт – желание указать ей на дверь. Договориться с банком было непросто, но еще убедительнее был тот факт, что Карли даже не умела работать на компьютере. Ее аккуратные записи это подтверждали.

Если Карли не тырила деньги, значит, все это дело рук Бренды.

– Карли давно тут работает? – спросила Мишель.

– Практически с твоего отъезда. Она появилась неожиданно. Беременная. Бренда дала ей одну из комнат. Когда родилась Габби, она перебралась в хозяйские апартаменты, а Бренда заняла две спальни на втором этаже.

Мишель хотелось спросить, что случилось с Алленом. Раз Карли была беременной и одинокой, то он, вероятно, слинял. Но почему?

– Постояльцам она нравится, – проворчала Дамарис. – Она хорошо ладит с ними, но для меня она не босс.

Мишель усмехнулась:

– А ты кто тогда? Генерал?

Дамарис засмеялась, но тут же помрачнела:

– Ты собираешься ее уволить?

«Если бы мои желания что-то значили», – подумала Мишель.

– Не сегодня.

– Но скоро?

– Тебе так хочется, чтобы она ушла отсюда?

– Мне неприятно, что она строит из себя босса.

– Теперь я твой босс.

– Хорошо. Мне это нравится. – Дамарис встала и обошла вокруг стола. – Обними меня. Я иду домой.

Мишель встала и тут же поморщилась: ее ожгло огнем, и она едва не потеряла равновесие.

– Что случилось?

– Ничего. Мое бедро.

– Разве у тебя нет никаких обезболивающих?

– Мне как-то не хочется. – Лучше уж она выпьет.

Дамарис уперлась руками в бедра.

– Ты всегда была упрямой. Это у тебя от твоего отца. Прими что-нибудь. Я подожду.

Решимость сверкала за стеклами ее очков, и Мишель поняла, что ей не победить в этой битве характеров. К тому же, когда она вернется в свой номер в мотеле, действие пилюли закончится и она сможет выпить столько, сколько захочет.

– Ладно, – пробормотала она, затем протянула руку к рюкзаку. Вытащила флакончик и проглотила пилюлю. – Довольна?

– Конечно.

Мишель «промариновала» Карли два дня. Они хотя и работали в одном здании, но, казалось, наловчились избегать друг друга.

Карли то думала собирать вещи, то молилась, чтобы Мишель позволила ей остаться. При этом она делала вид, что все в порядке, и Габби, вероятно, даже не замечала тревогу матери.

Энн договорилась с ней, что придет в четверг позже, и Карли заменила ее в сувенирной лавке на время ланча. Несколько посетителей смотрели книги; девочка-подросток с матерью вздыхали над куклами. Карли постучала по чайнику, проверяя, нет ли в нем трещин, и завернула его.

– Надеюсь, он понравится вашему другу, – сказала она, отдавая его женщине средних лет. – Он красивый.

– Я тоже так думаю, – ответила покупательница. – Приятного вам дня.

Карли помахала ей, повернулась и чуть не врезалась в Мишель – та незаметно вошла в лавку. Она тут же отскочила назад и оперлась о прилавок, чтобы не упасть.

– У тебя найдется минута? – спросила Мишель.

Карли оглянулась на покупателей.

– Я не должна оставлять их одних.

Мишель кивнула на нишу возле подсобки.

– Давай сядем там?

Карли кивнула. Из ниши был виден кассовый аппарат, и она заметит, если кто-то из посетителей захочет заплатить за покупку.

Она направилась к подсобке. Мишель шла медленнее, неровной походкой; вероятно, бедро ее беспокоило. Карли хотела спросить ее о самочувствии, но не стала. Насколько она понимала, ее вот-вот уволят. Снова. Проявлять сочувствие перед лицом этого означало потерять ту крупицу силы, которая в ней осталась.

Она еще не решила: то ли просить, чтобы Мишель ее оставила, то ли с достоинством принять свою участь. Два вечера она сидела над своим банковским балансом, но это не обеспечило ей надежный тыл, а в газетах Сиэтла не оказалось приемлемых предложений работы.

Прислонившись к дверному косяку, Карли заметила, что Мишель выглядела еще более усталой, чем в день приезда. Вокруг ее рта залегли морщины усталости и боли, под глазами темные круги, а кожа приобрела серый цвет. Длинные волосы висели сосульками, брюки карго едва не спадали с тощих бедер.

Мишель схватилась за стену.

– Может, ты сядешь? – спросила Карли и тут же рассердилась на себя за такой вопрос.

– Все нормально. – Мишель тряхнула головой.

О ней можно было бы сказать много всего, но слово «нормально» там бы не фигурировало. Карли напомнила себе: сейчас не время думать о том, что когда-то Мишель была ее лучшей в мире подругой. Что они росли вместе и дружили, пока их не разлучило безобразное происшествие. Но ей все же хотелось поговорить с бывшей подругой обо всем, что с ними было, найти какие-то компромиссы. Залечить старые язвы и получить какой-то позитив, подумала она с тоской.

– Ты не тырила.

Мишель объявила это буднично, будто говорила о погоде. У Карли дернулась голова, словно от пощечины. Все теплые чувства испарились, их сменили злость и мысли о том, что она полная идиотка, раз ожидала чего-то близкого к дружбе от сидевшей перед ней женщины.

– Я подозревала тебя, но поняла, что ошиблась, – продолжала Мишель. – Я просмотрела все банковские выписки и лицевые счета за последние три года и не нашла ничего подозрительного.

Если бы у Карли была хоть малейшая надежда прожить без этой работы, она бы немедленно встала и ушла. Просто повернулась бы и исчезла в голубой дали, возможно, двинув перед этим Мишель по роже.

– Какая жалость, – фыркнула Карли. – Конечно, если бы я оказалась воровкой, тебя бы это порадовало.

– Радости мне не хватает, ты права. Я разочарована. Я бы с удовольствием тебя уволила.

– Но ты и так меня уволила.

– А ты не ушла.

– Я не была уверена, что ты сказала это всерьез. – Карли ненавидела признавать правду.

– Я хотела этого, – резко сказала Мишель. – Но не могу себе позволить такую роскошь.

– Как это понимать?

Мишель внимательно посмотрела на нее.

– Как хочешь, так и понимай.

– Ладно.

– Не знаю, почему я должна тебе доверять.

– Если речь идет об отеле, ты можешь на меня положиться. Я проработала тут почти десять лет. И по-своему люблю это место. Если этого тебе недостаточно, добавлю, что я не ворую. Это тоже чего-то стоит.

Мишель вскинула брови:

– То есть вот твоя позиция?

– Я это заслужила.

Мишель на секунду закрыла свои зеленые глаза, потом открыла. В них мелькали эмоции. Она думала о чем-то – явно невеселом.

– Отель на пороге катастрофы. Финансовой. Мы идем ко дну. Два дня назад я была в банке. Все очень плохо.

Карли немного подумала.

– Ничего не понимаю. У нас была очень благополучная зима. Много постояльцев, с учетом сезона. Когда я оплачивала счета, в банке были деньги.

– Их недостаточно. Два кредита подточили бюджет. Десять лет назад не было ни одного. – Мишель сказала это резко, словно ножом полоснула.

– Ремонт, – еле слышно проговорила Карли, понимая, что он стоил целое состояние.

– Ты подтолкнула на это мою мать.

– Что? Нет. Это была ее идея. Мы стали чинить крышу, а за крышей последовали по нарастающей и другие планы. – В основном потому, что Бренда закрутила любовь с подрядчиком. Она придумывала все новые заказы, чтобы удержать его.

– Конечно. Ты все спихиваешь на покойницу.

Карли выпрямилась.

– Можешь сколько угодно переписывать историю, но факты остаются фактами, – сказала она и скрестила на груди руки. – Ремонт затеяла твоя мать. Это она захотела построить сувенирную лавку и расширить ресторан. Если тебе нужны доказательства, могу показать документы. Она делала наброски, писала комментарии. Это были ее идеи. На ее месте я бы потратила деньги на ремонт ванных комнат.

Заметив, что покупатели подошли ближе к ним, она понизила голос.

– Если бы ты соблаговолила хоть раз приехать сюда, ты бы увидела это сама.

– Не грузи меня этим, – отрезала Мишель. – Поверь, со мной лучше не драться. Я не такая, как когда-то. Я раздавлю тебя как муху.

Несмотря на напряженность между ними и серьезность момента, Карли рассмеялась.

– Да что ты говоришь? Ты угрожаешь мне физически? Ты служила в армии, а не в ЦРУ. Ты не можешь убить меня спичечным коробком, так что успокойся. Ходишь не быстрее девяностолетней старухи, и у тебя явно все болит. Но это так в твоем духе. Делать не думая. Ты все такая же импульсивная.

– А ты по-прежнему меня достаем.

– Сука.

– От суки слышу. – Уголок рта Мишель дернулся, словно она сдерживала улыбку.

В эту наносекунду Карли ощутила прежнюю связь между ними. Но на лицо Мишель тут же вернулась прежняя жесткость.

– Я все-таки считаю тебя виноватой. Мы с тобой враги.

– Если это позволит тебе спокойно спать по ночам, считай как угодно. Я мать-одиночка с девятилетней дочкой, на моем счету в банке тысяча шестьсот долларов. Осложнить мне жизнь легко. Если тебе это нужно для того, чтобы почувствовать собственную важность, я не смогу тебя остановить.

У Мишель сжались челюсти.

– Тогда в твоих интересах держать при себе то, что я сейчас скажу.

– Ладно.

Мишель отвела взгляд. На секунду у нее поникли плечи, будто она почти сдалась. Карли ждала, не понимая, то ли это реальное проявление

слабости, то ли притворство, чтобы обмануть ее. Мгновение прошло, прежде чем она успела это понять, и она затаила дыхание.

– Финансовая ситуация отеля просто отчаянная, – начала Мишель и рассказала о просроченных платежах по кредитам и угрозе ареста собственности за неуплату долгов.

«Вот и новая причина не спать по ночам», – мрачно подумала Карли. Новость ужаснула ее, но все-таки не слишком удивила.

– Она никогда не говорила ни слова. Даже не намекала. Четыре месяца назад мы смотрели каталоги французского постельного белья.

– Надеюсь, вы ничего не заказали? – спросила Мишель.

– Нет. Но могли. – Карли обвела глазами сувенирную лавку. – Как только она могла так поступать? Какая безответственность! Я просто удивляюсь. Это так на нее похоже. Так похоже.

К удивлению и покорности судьбе присоединился гнев. Гнев на Бренду. Казалось, она так любила Габби, а девочка по ее вине оказалась в такой ситуации.

Карли с Брендой так часто говорили о будущем. Как Карли станет партнером и обретет финансовую стабильность. Отель не сделает ее богатой, однако у нее будут лежать деньги в банке, она накопит на колледж для Габби и раз в шесть-семь лет сможет себе позволить покупку автомобиля с пробегом, но в приличном состоянии.

– Я заботилась о ней, – пробормотала Карли скорее для себя. – Я была рядом, когда она заболела. – Она взглянула на Мишель. – Я была рядом, когда она умирала.

Как и ожидалось, в лице Мишель ничего не дрогнуло.

– Она наколола нас обеих. Ты хочешь сохранить работу?

– Да.

– А я хочу сохранить отель. Банк выдвинул условия. Погасить актуальные платежи по кредитам. Летом отель должен заполняться больше чем на восемьдесят пять процентов. То есть двадцать шесть номеров в любую неделю. – Мишель замаялась. – И еще одно условие. Они хотят, чтобы ты продолжала работать.

Смысл сказанного медленно дошел до Карли.

– И ты не можешь меня уволить?

– Довольна?

– Я заслужила это.

– Какого дьявола ты заслужила? Стоило мне уехать, как ты пролезла сюда, охмурила мою мать и высосала досуха отель.

Карли сердито сверкнула глазами.

– Ты говоришь чушь и сама это понимаешь. Я никуда не пролезала. Я работала тут практически бесплатно по десять-двенадцать часов в день. Заботилась обо всех гостях. При мне повторное бронирование выросло на шестьдесят процентов. Думаешь, люди возвращались к нам из-за твоей матери? Нет, благодаря мне.

– Ты не святая.

Карли нахмурилась:

– Я была здесь и работала не покладая рук. В отличие от тебя.

У Мишель вспыхнули щеки.

– Я защищала нашу страну. Получила ранение.

– Ты пряталась. Тебе не хватало храбрости вернуться сюда. Ты держалась подальше от отеля, потому что так было проще.

– А что же ты? – спросила Мишель, не опровергая слов Карли. – Если все было так тяжело, если тебе приходилось столько работать, почему ты не уволилась?

– Потому что она обещала мне, что я получу долю в отеле. Что я заработала право на это.

Несколько секунд Мишель пристально смотрела на нее.

– Она не могла тебе это дать, – спокойно сказала она.

– Об этом я узнала совсем недавно. – И эта ложь просто ошеломила ее.

– Ведь я говорила тебе, что отель мой. Давно. Когда мы были детьми.

– Я думала, что ты просто хвасталась.

– Может, если бы ты поверила мне, ничего этого не случилось бы.

– Что ты хочешь этим сказать? – рассердилась Карли. – Что отель попал в тяжелое положение по моей вине? Ты меня не слушаешь.

Звякнул дверной колокольчик. Она повернулась и увидела, что все ушли, так ничего и не купив в это утро.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – сказала ей Мишель. – Мы заключим контракт. Это даст тебе гарантии.

Карли была только «за».

– Я хочу остаться в той же квартире. Это единственный дом, какой знает Габби.

– Хорошо. – Мишель скривила губы.

Карли отчаянно хотелось потребовать еще и прибавку, но раз отель был в таком тяжелом положении, что Мишель была вынуждена оставить ее на какое-то время, о дополнительных деньгах не могло быть и речи. Но все равно теперь она начнет копить еще усерднее и заранее продумает план действий. Когда контракт закончится, она будет готова к переменам.

– Спасибо, что ты заботилась о Бренде. В конце.

Эти слова были такими же неожиданными, как и известие о финансовых делах отеля. Карли заморгала:

– Не за что...

– Уверена, для нее это было лучше, чем мое присутствие. В конце концов, ты была для нее как любимая дочь, она часто упоминала об этом в своих имейлах.

«Служи и оправдывайся, – мрачно подумала Карли. – Мишель научилась брать тебя за глотку».

– Я не собираюсь извиняться за то, что заботилась об умирающей, – огрызнулась она. – Искажай как тебе нравится, я знаю, что случилось. Если это так тебя волнует, надо было приехать домой. Или вообще не уезжать. Конечно, тебе не пришлось бы сбегать и записываться в армию, если бы ты не трахнулась с моим женихом за два дня до нашей свадьбы. С учетом того, что ты была подружкой невесты, это стало некоторым шоком для всех нас.

– Особенно для тебя, – фыркнула Мишель. – Ты знала, что он за тип и что сделал. Почему ты вышла за него?

– Я была беременна. Без особого выбора. Мне не хотелось стать матерью-одиночкой. – Она невесело засмеялась. – Хотя это не слишком помогло.

Она подошла к прилавку и повернулась к Мишель. Стоять с ней рядом не хотелось.

– Но я не понимаю одного. Ты даже не извинилась передо мной за то, что трахнулась с ним. Даже не извинилась. А еще считалась моей подругой.

– Ты тоже.

– А что я сделала?

Мишель смерила ее долгим взглядом.

– Ничего, пожалуй, не считая твоей избирательной памяти.

Она явно за что-то злилась на нее, но Карли не могла понять за что. Ее саму предали два человека, которым она так доверяла. И теперь бывшая подруга говорит о какой-то избирательной памяти.

– Мне жаль, что моя мать лгала тебе насчет отеля.

Карли открыла рот, потом закрыла.

– Ладно, что уж теперь, – осторожно пробормотала она, не уверенная, что это не провокация.

– Я серьезно. Отель никогда ей не принадлежал, а она тебя обманывала, чтобы держать при себе. Нас с тобой это не удивляет, но все-таки так делать нехорошо.

– Спасибо.

Мишель кивнула.

– Он оставил его тебе в доверительном управлении? – спросила Карли.

– До моих двадцати пяти. Бренда фактически стала тогда хозяйкой. Лучше бы он сам остался, – сказала она, глядя на потолок. – Он не дал мне выбора.

Карли хотела напомнить, что в те же месяцы сама потеряла мать с такими же ужасными последствиями, но не стала портить их очень хрупкое перемирие.

– Я останусь, – сказала она Мишель. – И с радостью подпишу контракт.

– На два года?

Это было намного больше, чем она ожидала. Проработают ли они вместе два года? Она сомневалась. Но готова была попробовать.

Она кивнула.

– Я дам тебе прибавку, – сказала Мишель. – Сначала немного, но как только у нас улучшатся дела с финансами, получишь еще.

Карли притворилась, что верит ей.

– О'кей.

– Не веришь?

– Я слышала это и раньше.

– Я не Бренда.

– А я не такая, как ты думаешь, но это не убеждает тебя, и ты мне все равно не доверяешь.

Удивительно, но Мишель улыбнулась.

– Намек понят. Так и запишем. – Улыбка исчезла. – Ты откусишь мне голову, но я должна спросить тебя об этом. Что с домом твоего отца? Разве тебе не лучше было бы жить там, а не в отеле?

– Дом я продала. Это была идея Аллена. – Новоиспеченный супруг убедил ее, что для их растущей семьи понадобится что-то побольше. Она, как дура, согласилась с его планом – сначала продать дом, а уж потом искать что-то другое.

– Он свинтил со всеми деньгами через два дня после того, как мы закрыли депонирование. Забрал все до пенни. Банковский счет был общим, в совместной собственности. Копы погладили меня по головке и сказали, что я скоро найду себе другого мужа, но теперь должна быть умнее.

Она слегка вскинула подбородок, словно ожидая удара.

– Мне очень жаль.

– И все? Ты обошлась без насмешек? Без удара ниже пояса?

– У меня сегодня выходной по этой части. – Мишель оттолкнулась от стены и захромала к ней. На лицо ее снова вернулись серый цвет и усталость. – Нам надо поговорить насчет отеля. Кто будет тут работать. Мне хотелось бы сделать это завтра.

– Конечно. О, кстати, пару дней назад я говорила с супружеской парой. Психологами. Они хотят проводить тут что-то вроде семинаров. Консультации по вопросам семьи. Они хотят бронировать три номера в неделю, со вторника по четверг, все лето. Я проверила бронирование, и у нас есть свободные комнаты. Я хотела поговорить с тобой об этом, прежде чем дать им ответ.

– Передай, что нет никаких проблем. Деньги нам нужны.

– Сегодня позвоню им. – Она помолчала и нерешительно добавила: – Может, тебе нужно принять что-нибудь?

– Так плохо выгляжу, да? Все будет нормально. У меня все болит и будет болеть еще долго.

– Хочешь поговорить об этом?

– О чем?

– О чем угодно.

– С тобой? – Она засмеялась. – Нет.

– Если передумаешь...

– Нет, не передумаю. Даже если ты серьезно, у тебя ничего не получится. – Смех оборвался. – Карли, я не объект для сочувствия. Я

твой босс. Если ты будешь помнить об этом, мы нормально поладим.

Она повернулась и, хромая, вышла на улицу.

Карли глядела ей вслед, разрываясь между горькой обидой, приправленной гневом, и раздражавшим ее сочувствием. Она злилась на Мишель и на несправедливую ситуацию, но все понимала. Мишель действительно была ее боссом. Тот факт, что они когда-то дружили, уже не имел значения.

А через что прошла Мишель – Карли чувствовала, что не сможет и представить себе, насколько это ужасно. Но даже если понять это невозможно, чуточку сочувствия все равно не помешает.

Она вздохнула. Кого она обманывает? Конечно, это будет тяжело и обидно. Но это не означало, что она не станет пытаться.

Глава 8

– Почему твоя мать назвала тебя Манго? – спросила Мишель, прерывисто дыша. – Как фрукт? А у тебя есть сестра по имени Нектарина?

Мучительные судороги пробегали по ее бедру и вниз по ноге. Манго, высокий, угрюмый, темноволосый парень с сердцем и душой дьявола, усмехнулся.

– Это фамилия, – ответил он, добавляя мощность аппарату. – Еще пять движений.

Ее скользкие от пота ладони скользили по рукоятке.

– Больше не могу, – сказала она, понимая, что достигла предела и уже готова молить о пощаде.

– Можешь. Только не хочешь. Вот в чем разница.

– Я тебя убью.

Манго похлопал ее по плечу.

– Если бы я откладывал по центру каждый раз, когда кто-нибудь мне грозил, я стал бы уже богачом. Еще пять, Мишель. Не заставляй меня говорить голосом физиотерапевта. Тебе он не понравится.

Будь у нее силы, она бы ударила его. Она знала, как ударить, чтобы остался синяк, – один из плюсов боевой подготовки. Неофициальной, но полезной. Правда, Манго крупный и в ответ переломит ее, словно ветку.

Интересно, почему такой парень работал физиотерапевтом, а не – как это сказала Карли? – суперагентом, который может убить тебя спичечным коробком.

– Хватит ныть.

Она обругала его, потом пошевелила ногой еще три раза, и у нее потемнело в глазах.

Проворнее, чем она могла предположить, он вытащил ее из аппарата и наклонился над ней. Заставил опустить голову, надавив ладонью.

– Дыши, – приказал он; сильные пальцы схватили ее, и она поняла, что не сможет сесть прямо, пока он их не разожмет. – Мне плевать, если ты блеванешь, но сознания ты не потеряешь.

– Это информация или приказ? – спросила она между вдохами.

– И то и другое.

Она вздохнула полной грудью и видела уже яснее.

– Мне уже хорошо.

– Мне еще лучше, – сказал он, отпуская ее.

Она прислонилась спиной к аппарату и попыталась улыбнуться.

– В этом я не сомневаюсь. Но сейчас мне на это наплевать.

– Это пройдет.

– Возможно.

– Будь повеселей. Мужикам это нравится. А ты ведь не делаешь дома упражнения.

– А кто-нибудь их делает?

– Те, кто хочет поправиться, умеют находить время. Кому я должен позвонить, чтобы тебя заставили помогать мне?

– Никому. – Она встала и повернулась к нему спиной – в основном чтобы избежать возможных проявлений жалости с его стороны.

– Ведь должен быть кто-нибудь. Подруга. Враг. Мне без разницы.

– О'кей, да. Подруга. – Дамарис подойдет. Если добавить ночные танцы с бутылкой водки, можно сказать, что две подруги. Практически отряд.

– Делай растяжку, делай упражнения. Чем лучше ты будешь меня слушать, тем скорее перестанешь сюда приходить.

– Вот это мотивация.

Она протянула руку за тростью. Обычно она старалась обходиться без нее, но после терапевтической сессии так не получится.

Манго похлопал ее по руке.

– У тебя все нормально. Скоро будет легче.

– Ты говоришь это всем девушкам.

– Ты пациентка, а не девушка. И ты не слышишь, что я им говорю. Пойдем, я провожу тебя.

Она поплелась за ним, обходя оборудование и других ветеранов, в основном парней, работавших по программе. По сравнению с другими пациентами ей еще повезло – ее травмы были незаметными. Руки-ноги были целы, а травмы прятались внутри, и их видела только она сама.

Смотреть на все это не хотелось, и она позволила взгляду переместиться на ягодицы Манго. Его зад был впечатляющим – подтянутым и упругим. Зад атлета. Она могла побиться об заклад, что

Манго хорошо выглядел голым. Хотя сейчас ее совершенно не волновали голые парни.

– Ну, до следующей недели, – сказал ей Манго. – И не опаздывай.

– Разве я сегодня опоздала?

– Нет, но я не хочу разочаровываться в тебе.

Его усмешка была заразной. Мишель поймала себя на том, что тоже улыбнулась в ответ, несмотря на пульсирующую боль в бедре.

Она заковыляла к выходу, но остановилась посмотреть на доску объявлений возле двери. Там были всевозможные листки. Обычный набор – вещи на продажу, совместные поездки на автомобилях и котята. Она просмотрела все, пытаясь найти аренду комнат.

Из-за финансовых проблем отеля она не хотела занимать номер, который они могли сдать туристам. К тому же она не хотела жить рядом с Карли. Прямо сейчас ей не требовалась квартира. В ближайшие месяцы она собиралась много работать. Одна комната ее вполне устраивала. Главное, чтобы она была не слишком далеко. Мишель была готова ездить, но не дольше сорока минут.

Она уже собиралась уйти, когда увидела маленькую карточку, какие бывают в каталогах. Предлагалась комната на острове, всего в нескольких милях от отеля. Цена была совсем низкая, и Мишель побоялась, что там будет ползать всякая гадость, но все же позвонила по указанному номеру.

– Тенли слушает.

– Здравсте. Я звоню насчет комнаты. Увидела карточку в госпитале для ветеранов.

Мужчина помолчал.

– Комната для вас?

– Да.

– Это как жилье для тещи^[4]. Отдельного входа нет, но комната находится рядом с кухней в другом конце дома. Вы знакомы с островом?

– Я тут выросла. Я Мишель Сандерсон.

– Из отеля?

Она не удивилась, что он знал ее. Остров маленький, и почти все знают друг друга. Здесь была только одна школа – от подготовительного до восьмого класса, – куда ходили все дети. После этого они ездили на автобусе до ближайшей средней школы.

– Я Джаред Тенли.

Фамилия была ей знакома, но лицо она не помнила. Судя по голосу, мужчина был на несколько лет старше ее.

– Когда ты вернулась? – спросил он.

– Несколько месяцев назад. А на остров – на прошлой неделе.

– Ты позвонила из госпиталя, значит, у тебя ранение. – Он помолчал. – О'кей, можешь взглянуть на комнату, когда хочешь.

– А сейчас можно?

– Вполне.

– Я приеду через полчаса.

– Буду ждать.

* * *

Мишель закинула на плечо рюкзак и вылезла из кабины, стараясь перенести свой вес на здоровую ногу. Но даже так она охнула, оказавшись на земле, и к горлу подкатила дурнота. Подумав, что ее сейчас вырвет, она вспомнила Манго и засмеялась, но тут же поперхнулась и кашлянула, словно что-то попало не в то горло.

Вернув контроль над телом, она взглянула на ведущую к дому дорожку, короткую, всего-то метров пять. Тряхнула головой и взяла в руку трость. Танцевать она сможет еще не скоро. Пока что она радовалась возможности ходить в одиночестве, чтобы на нее не глазели люди. И хорошо, что этот дом одноэтажный. Она не могла и представить, как будет подниматься по лестнице в конце дня. И так придется часто ходить вверх и вниз в отеле.

Тяжело опираясь на трость, она обогнула свой грузовик и пошла прямо по дороге, не поднимаясь на тротуар. Дом с широкой верандой и декоративными мансардными окнами, вероятно, был построен в конце сороковых. Краска – светло-голубая – выцвела от времени и стала почти серой. Окна показались ей достаточно чистыми, но не настолько, чтобы переживать, что Джаред Тенли окажется одним из странных мужчин, одержимых чистотой и отмывающих до блеска все, что видят.

Она подходила к дому, когда отворилась дверь и вышел мужчина. При виде него она остановилась.

Он был высоким – метр девяносто пять, не меньше, широкоплечий, с буйными светлыми волосами. Ее саму не назвать коротышкой, без малого метр восемьдесят, но он был выше. В другой, нормальной ситуации она, пожалуй, восприняла бы это как должное, но тут, с больным бедром и хроническим изнеможением, растерялась.

Его лицо показалось ей скорее интересным, чем красивым, хотя голубые глаза были ничего. Если бы ей нужно было описать их одним словом, она бы сказала *добрые*. Одет он был как все местные парни – в выгоревшую клетчатую рубашку, заправленную в потертые джинсы.

– Мишель?

Она кивнула.

Он окинул ее взглядом с головы до ног, посмотрел на трость.

– Мы пойдем вокруг дома.

Легко сбегал с крыльца и шагнул к ней.

– Комната расположена на задней стороне.

Размашистым шагом он пошел впереди и подержал для Мишель калитку. Она увидела пандус, ведущий к задней двери.

– Остался от предыдущего жильца, – пояснил он.

Как ей повезло. По пандусу подниматься легче, чем по ступенькам. По крайней мере, сейчас.

Они зашли внутрь.

Кухня подновлялась лет десять назад. Полки были деревянные, вместительные, плита выглядела почти как новая. На виниловом полу Мишель разглядела несколько царапин, но он показался достаточно чистым для ее комфорта. У нее не было фобий, просто она не любила ничего ползающего или прыгающего.

– Гостиная и столовая вон там, – сказал он и махнул рукой на дверь в дальнем конце кухни. – Хочешь взглянуть?

– Какие-нибудь необыкновенные?

– Нет.

– Тогда мне и смотреть не нужно.

Он повел ее в другую сторону по короткому коридору. Открыл дверь слева, показал маленькую комнатку со стиральной машиной и сушилкой, потом зашел в спальню в конце дома.

Она оказалась приличных размеров, с широкой кроватью в одном конце и телевизором на тумбочке – в другом. Мишель осмотрела шкаф,

потом маленькую ванную. Увидев душ, она обрадовалась. Значит, не придется каждый день перешагивать через край ванны.

Напоследок она прошла сквозь арку в маленькую застекленную террасу. Два кресла стояли перед большим окном, выходящим на задний двор, заросший травой. Чуть дальше набегали на плоский берег ленивые серые волны.

Места для нее тут было достаточно. В доме чисто, а вокруг спокойно.

– Ты чем занимаешься? – спросила она.

– Держу парочку лодок. Спортивная рыбалка и экскурсии.

«Сезонный заработок, – подумала она, – и зимы длинные и тощие в смысле финансов. Он сдает комнату, и это приносит ему каждый месяц небольшой доход. Пустячок, а приятно».

– Меня все устраивает, – сказала она. – У тебя есть какой-нибудь бланк договора, который мне нужно заполнить?

– Нет. Просто дай мне чек. Я сдаю комнату ежемесячно. Ты уже знаешь, сколько будешь тут жить?

– Все лето, – ответила она, сбросила с плеча на кровать рюкзак и порылась в нем, отыскивая чековую книжку. Когда закончится горячий сезон, она, возможно, подыщет постоянное жилье.

Она отыскала ручку и стала писать.

Закончив, посмотрела на Джареда.

– Я не готовлю, – сообщила она.

– Я тоже. В холодильнике полно места. Можешь хранить там что угодно. Еще у меня два свободных шкафчика. Я не запираю их, так что ты поймешь, что к чему. Никаких наркотиков, никаких шумных компаний.

– Не проблема. У меня нет времени на такие вещи.

– Вот и хорошо.

Она протянула ему чек.

– И я не буду спать с тобой.

Подняв бровь, он оглядел ее с головы до ног:

– Ты не мой тип.

– Я просто так, для ясности.

– Мне все ясно.

Она отдала деньги.

Он взял их и вынул ключ из кармана джинсов.

– Вот, держи.

Она сжала в пальцах холодный металл.

– Ты сегодня заселишься? – спросил он. – Спрашиваю, чтобы вовремя взять себя в руки.

Он дразнил ее. Хотелось ответить ему тем же, но она не смогла придумать ничего язвительного.

Она знала, что он думал. Что она недостаточно привлекательная, неженственная. Вообще-то она никогда не отличалась этим, но, пожив среди нескольких тысяч солдат, растеряла все окончательно. Теперь она и не думала о маникюре или красивой одежде. Ее единственными целями в жизни были спасение отеля и избавление от боли. Она считала бы себя счастливицей, если бы спокойно проспала до утра хотя бы одну ночь.

– Сегодня или завтра, – ответила она. – Надо сделать кое-какие дела.

– Тебе помочь с вещами?

– Нет, спасибо.

– Ладно. Тогда до встречи.

Она кивнула и отвернулась.

Ее стопа зацепилась за ковер. Центр тяжести переместился на больное бедро и ногу. Боль, словно пуля из стекла и огня, лишила ее самообладания и едва не швырнула на пол. Сильная рука схватила ее за плечо и не дала упасть.

Она хватала ртом воздух и готова была зарыдать от жгучей боли.

– Все нормально, – кое-как пробормотала она, перенесла вес тела на здоровую ногу и выпрямилась.

Джаред дождался, когда она придет в себя, и разжал пальцы.

Она думала, что он скажет что-нибудь. Предложит проводить ее до машины или посоветует сходить к доктору. Но он молчал. Возможно, не хотел лезть в чужие дела. Или понимал, что она сама должна справиться с болью.

Она подошла к двери, затем посмотрела на него через плечо.

– Спасибо. До встречи.

– Я буду дома.

Она кивнула и ушла.

Забравшись в кабину, она взглянула на дом. Ничего примечательного. Но там было все, что ей нужно. Место, куда она

могла уползти зализывать свои раны. Место, где ей не надо было притворяться. Надежное убежище.

Глава 9

За прошедшие годы Карли провела много часов, сидя на стуле для посетителей у стола Бренды. Они обсуждали рабочие вопросы, говорили о планах на будущее, а иногда Бренда орала на нее.

Неприятные беседы были долгими и тяжелыми; Бренда ругалась и орала до хрипоты, обзывала Карли по-всякому, грозилась уволить. Карли спокойно слушала, понимая, что слезы будут означать победу ее обидчицы, говорила пару слов в свое оправдание, когда могла, а в остальном просто терпела.

Несмотря на то что Бренда умерла три месяца назад, а у Карли теперь был двухгодичный трудовой контракт, она все еще нервничала, входя в знакомый кабинет.

Она редко работала здесь, предпочитая заниматься бумагами в маленьком офисе, оборудованном за шкафом кастелянши. Отсутствие в нем окон и приличной мебели компенсировалось ощущением безопасности и уединения.

Мишель, все еще бледная и худая, жестом пригласила ее сесть. Карли взглянула на стул и подумала, что он всегда будет напоминать ей о воплях Бренды. Но тут же сказала себе, что Мишель, во-первых, не такая, как ее мать, а во-вторых, нуждается в ней, и этого пока достаточно.

– Спасибо за бумаги, – поблагодарила ее Мишель, кивнув на листки, которые дала ей Карли. Там перечислялись все должностные обязанности, включая ее собственные, и приблизительные часы работы.

– Я хочу полистать бухгалтерские книги за последние пару лет и посмотреть, на что уходили деньги, – продолжала Мишель. – Пока что я увидела, что в отеле всегда было много постояльцев. Хотя понимаю, что строительные работы высосали много нала.

Ее взгляд упал на запястье Карли: рядом с часами был браслет Бренды с шармами.

Карли напряглась. Бренда оставила ей все свои личные вещи. Об этом было сказано в завещании, том самом, с которым Карли ходила на консультацию к местному адвокату. В том самом, где ясно говорилось, что отель никогда не принадлежал Бренде.

Карли упаковала личные вещи покойной и положила их на склад. Одежду, книги, бумаги. Все, что накопилось у Бренды за годы жизни. Хоть та и завещала их ей, Карли не была в этом уверена. Ведь Мишель – дочь Бренды. Она должна была получить все это.

Еще Бренда оставила Карли всю ювелирку. Коллекция росла с годами. Красивые кольца и серьги. Несколько ожерелий и браслетов с шармами.

Карли упаковала и их тоже, оставив себе лишь несколько, связанных с хорошими воспоминаниями. Вообще-то она имела право оставить все. Бренда ясно выразилась в завещании. Но Карли это тоже показалось неправильным.

Теперь она переживала из-за браслета; ей хотелось загородить его рукой и все объяснить.

– Мне нужно проследить, куда шли деньги, – сказала ей Мишель. – На это уйдет несколько дней. Может, неделя. – Она взглянула на подготовленный Карли листок. – У тебя много обязанностей.

– Не люблю сидеть без дела.

– Ты хватаешься за все подряд.

– Я помогаю там, где я нужна.

– Ты хорошо ладишь с гостями отеля.

Карли наклонила голову в полной уверенности, что ослышалась.

– Что ты сказала?

– Я читала много отзывов и разговаривала с людьми.

– Не с Дамарис, – невольно вырвалось у Карли.

Мишель удивила ее своей улыбкой.

– Не с Дамарис. С другими нашими сотрудниками. Ты нравишься всем.

Карли немного выждала, но за комментарием Мишель не последовало никакой колкости.

– Мне нравится то, чем я занимаюсь, – призналась она в итоге. – И больше всего – работать с гостями отеля.

– Тогда мы исключим все остальное. Думаю, ты должна проводить большую часть дня с гостями. Вот что приносит нам деньги. Мы перделаем график работы в сувенирной лавке.

– Она не приносит большого дохода, да? – вздохнула Карли.

– Я пока еще не смотрела детально, но ясно, что толку от нее мало. О чем вы думали, блин?

«Классическая Мишель», – сказала себе Карли.

– Твоя мать захотела открыть сувенирную лавку, и я не смогла ее отговорить. Ты бы тоже не смогла. Я-то думала использовать киоск в вестибюле, где мы предлагали бы сладости, парфюмерию и кое-что из местной продукции. А она поручила Барти сделать дизайн того, что ты сейчас видишь.

– Барти?

– Подрядчик.

– Моя мать спала с парнем по имени Барти?

– По-моему, это была его фамилия. – Карли усмехнулась.

– Как Манго? Да что такое с этими фамилиями?

– Манго?

– Неважно. Значит, нам нужно благодарить Барти за появление этой фигни. Даже не представляю, что с этим делать. Может, устроим дешевую распродажу. Надо посчитать и подумать. И я не знаю, как потом использовать это помещение.

– Сувенирная лавка может приносить доход, если мы продумаем ассортимент.

– Мы конкурируем с городскими лавками.

– Но у нас есть клиентура. Если гости что-нибудь захотят, зачем им куда-то идти, если они могут все купить здесь? Если сувенирная лавка останется частью отеля, нам это выгоднее. Может, нам стоит сузить ассортимент и продавать чуть дешевле, чем другие магазины.

– Пожалуй, это толковое предложение.

– Извини, если я прыгаю выше головы.

Мишель посмотрела на нее.

– У тебя могут быть хорошие идеи. Ты сумела проработать с моей матерью почти десять лет. Значит, ты сильная или очень, очень упорная.

– Может, и то и другое, – ответила Карли и подумала, что никогда не считала себя сильной, но такое определение ей понравилось.

– Сейчас я пройду по цифрам. В конце концов все сводится к математике. – Мишель протянула лист бумаги.

Карли наклонилась и взяла его.

В аккуратной таблице были перечислены разные части отеля – ресторан, стойка регистрации, хозяйственная зона, сувенирная лавка – и часы работы. В разных клетках стояли имена.

– Рабочий график, – сказала Карли, довольная тем, что Мишель составила почти такую же таблицу, какой пользовалась она сама. Только тут появились кое-какие изменения. В основном они касались ее часов занятости. Их стало гораздо меньше.

– На компьютере делать это гораздо легче, – сказала Мишель. – Как ты живешь без него до сих пор?

– Я умею работать на компьютере, – ответила Карли. – В колледже у меня были уроки бизнеса. Бренда предпочитала справляться с этим сама. Когда она заболела, я предложила свою помощь, но она отказалась.

– Значит, на самом деле ты умеешь пользоваться компьютером?

– Умею.

– Это хорошо. Ты сообщишь всем о новом служебном расписании?

– Конечно.

– Тогда, пожалуй, мы закончили.

Карли не встала.

Ей не хотелось это признавать, но Мишель действовала совершенно разумно. Интересно, это временно или у них появился разумный и уравновешенный босс? Последнее казалось фантастикой.

– У тебя что-то еще? – спросила Мишель.

– Пара вещей. Они связаны между собой.

Мишель подалась вперед.

– Говори.

– Как ты себя чувствуешь?

– Мы не будем говорить об этом.

Слова прозвучали торопливо, вымученно. Внимание Мишель немедленно вернулось к экрану компьютера. Карли не поняла, то ли там было что-то интересное, то ли это был защитный механизм. Но об этом можно подумать потом.

– Ты устала, – продолжала Карли. – Я знаю тут все. И могу помочь.

– Выполняй свою работу. Вот и поможешь.

– И все? Тебе больше нечего сказать?

Мишель закатила глаза.

– Чего ты еще хочешь? Чтобы я сказала, что пропаду без тебя? Что ты дополняешь меня? Что замечательно работать вместе? Да что вообще тут еще можно сказать?

– То есть если бы банк не вынудил тебя оставить меня, я бы вылетела отсюда?

– Честно говоря, не знаю. У меня нет причин тебе доверять.

Карли хотела возразить, что на самом деле все наоборот. Она не должна была и не могла доверять Мишель.

– Доверяешь ты мне или нет, но я тебе нужна. Ты рассказала мне, как тут все должно быть, вот и я сделаю то же самое. – Она встала, чтобы почувствовать уверенность – и быстро уйти, если что. – Тебе надо лучше одеваться.

У Мишель напряглось лицо, а под левым глазом задергалась жилка.

– Что ты сказала?

– Что слышала. Это работа, и здесь мы лично общаемся с гостями. На тебе висят рубашки, а штаны карго просто жуткие. Грязные, в пятнах, да еще сваливаются. Ты должна одеваться более профессионально.

Мишель медленно, с трудом поднялась на ноги. Оперлась руками о стол и наклонилась вперед.

– Убирайся вон.

Карли стояла на своем:

– У гостей создается ложное впечатление.

– Вон отсюда.

– Сделай стрижку и хоть немного пользуйся косметикой.

– Вон отсюда!

Последние слова прозвучали так громко, что задрожали окна.

– Ладно. Я уйду. Но ты сама знаешь, что я права.

* * *

Все еще злая после стычки с Карли, Мишель вышла в теплый полдень. О'кей, не вышла. Медленно выползла, хромая, но двигалась целенаправленно.

Она вышла на водянистый солнечный свет, и безмятежный покой природы успокоил и ее. Только вот, пока она шла, штаны карго стали сползать с бедер и напомнили ей о Карли и ей захотелось кричать, кричать... А ведь она никогда в жизни не психовала.

Ей хотелось обвинить во всем Карли, но она понимала, что у той были свои причины, что она не просто пристающая подруга. Бывшая подруга, напомнила себе Мишель. Черт побери, Карли была права насчет ее одежды и внешности. По правде сказать, Мишель и сама слегка переживала из-за этого. Она избегала зеркал – небольшая проблема пока что. У нее в ванной было единственное маленькое зеркало. Но она все равно знала, что выглядит ужасно.

Она смотрела на траву, на широкую лужайку и прикидывала, хватит ли у нее сил справиться с неровной дорогой. Потом взгляд скользнул по всем этим ромашкам, герберам и маргариткам. Они раздражали ее своей веселой пестротой.

Крик журавля привлек ее внимание. Природа тоже раздражала; со всеми этими ромашками, птицами и...

Она прищурилась: на дальнем краю лужайки возле деревьев шли по траве три журавля. Они направлялись к чему-то, чего она не могла видеть.

Понимая, что ходьба по траве – тоже упражнение, что Манго будет счастлив, она решила посмотреть, что делали птицы. День был сравнительно теплым – почти тринадцать градусов, – а гулять по лужайке было... приятно.

Она шла не спеша, стараясь не делать никаких глупостей. До деревьев оставалось метров тридцать, когда она поняла, что журавли нацелились на дочку Карли. Или на тарелочку с печеньем, стоявшую на одеяле рядом с ней.

Девочка читала, и все ее внимание было направлено на книгу. Секунду Мишель глядела на светлые волосы, хрупкую фигурку. Ей до сих пор с трудом верилось, что у Карли есть дочка, и вот перед ней было подтверждение.

Глядя на Габби, она вдруг поняла, что та вовсе не была погружена в чтение. Что она напряглась, ссутулила плечи, втянула голову и учащенно дышала. Мишель узнала симптомы страха, но не сразу поняла его причину.

Журавли.

Как и всем школьникам на острове, Мишель когда-то рассказывали на уроках науки о журавлях. Она знала, что журавли Пьюджет-Саунда не крупные – может, чуть больше метра ростом. Они мигрируют

каждый год, живут парами в сезон гнездования. У них серое оперение, которое ближе к хвосту становится почти синевато-серым.

– Эй, – тихонько проговорила Мишель, но тут же спохватилась.

Габби вздрогнула и подняла голову. Журавли отскочили назад.

– Что вы тут делаете? – спросила девочка.

– Я решила прогуляться, потому что больше не могла сидеть в помещении. С тобой такое бывает?

– Кажется, да, – осторожно ответила Габби.

Мишель посмотрела на курлычущих журавлей. Самый храбрый из троицы снова двинулся к печенье.

– Когда я была в твоём возрасте, журавли меня преследовали. Все лето я ходила обкаканная. Это был кошмар.

– Правда?

Мишель кивнула:

– От них здесь не спрячешься.

– Я знаю. Тут у нас живут ученые, которые специально приезжают сюда, чтобы их изучать.

– Они уже придумали, как сделать, чтобы они не какали на людей?

– Нет. – Габби улыбнулась.

– То-то и оно. Вероятно, они изучают популяцию, гнезда и все такое.

Улыбка сделалась шире.

– Да, точно, – сказала Габби. – Поговорите с Леонардом. Он знает все про журавлей. Вы можете спросить его про это.

– Хороший способ начать разговор. «Эй, Леонард! Расскажи мне про журавлиные какашки».

Габби хихикнула.

Мишель показала на журавлей.

– Ты их боишься? – спросила она напрямик.

Девочка помрачнела:

– Они всегда ходят за мной.

– Потому что у тебя печенье. Они хотят его.

– Не всегда. Иногда я просто гуляю.

Мишель посмотрела на одеяло, и ей захотелось сесть. Проблема была в том, что она не знала, как потом встанет. Если она поползет в отель на четвереньках, едва ли их гости почувствуют себя комфортно.

– Однажды я читала интересную статью, – сказала Мишель. – Оказывается, журавли из Пьюджет-Саунда могут узнавать лица людей, а иногда рассказывают другим журавлям о некоторых людях. Так что если кто-то обидел журавля, об этом узнает вся стая.

– Я знаю, – ответила Габби и боязливо покосилась на трех журавлей. – Ученые думали раньше, что только вороны умеют узнавать лица, но потом поняли, что журавли тоже умеют. Они необыкновенные.

– Интересно. Откуда ты это знаешь?

– Я умная.

– И скромная.

Габби усмехнулась.

– О'кей, значит, один журавль говорит что-то остальным, и тогда вся стая знает последние сплетни. – Мишель пожала плечами. – Очевидно, ты ассоциируешься у них с едой, поэтому они и преследуют тебя, пытаясь напугать, чтобы ты отдала им печенье.

Габби вытаращила глаза:

– Вы правы. Когда я читаю тут на лужайке, то обычно приношу с собой что-нибудь вкусное. Как вы думаете, если я не буду этого делать, они перестанут доставать меня?

– Конечно. Они сразу это поймут. Ты не одна тут такая умная.

Габби наклонила голову:

– У вас болит нога?

– Еще как! Все время.

– Вас ранило на войне, да? Мама мне сказала. Что вы защищали нашу страну.

Мишель поежилась, не зная, что ответить. Доброта Карли вызвала у нее дискомфорт. Мишель была человеком старой закалки. Враги должны узнаваться с первого взгляда, как в мультиках.

– Да, я служила в армии.

– Это так благородно. Спасибо вам.

От комплимента было неловко, но Мишель тронула искренность девочки.

– Не стоит благодарности.

– В следующий раз я принесу для вас стул, чтобы вы могли сесть.

Мишель улыбнулась, довольная словами Габби и тем, что она больше не боится ее. И без этого хватает неприятных проблем, с

которыми надо разбираться. Особенно с теми, которые касаются другой маленькой девочки далеко-далеко отсюда.

– Я принесу какую-нибудь книжку, – сказала она, – и мы прочитаем ее вместе.

Глава 10

– Она такая неприятная.

Карли заявила это, складывая в раковину посуду и включая воду. Роберт поужинал с ними; он делал это как минимум раз в две недели. Карли нравилось говорить о чем-то взрослом и готовить для кого-то более взрослого, чем Габби, но иногда ей не хватало подруги, которой она могла бы излить душу. У Роберта был типично мужской подход к ее словам. Он не умел просто выслушать жалобы, ему хотелось немедленно решить проблему.

– Но пойми меня правильно. Я рада, что у меня есть работа.

– И гарантии, – добавил он.

– И это тоже. Важнее всего остального.

С учетом прибавки и при тщательном планировании она могла строить планы на будущее. И если Мишель не обманет и позволит ей работать меньше, Карли может серьезно подумать о том, чтобы стать ее деловым партнером.

– Она наверняка изменилась за десять лет, – сказал Роберт. – Ведь ей столько пришлось пережить.

– Я понимаю.

– Она была ранена.

– Мне надо быть более терпеливой, – сказала она со вздохом.

– Конечно. Хорошо, что ты это понимаешь.

Карли слегка задело, что он встал на сторону Мишель, но она понимала, что он говорит разумные вещи.

– Мне надо многое обдумать, – признала она, опустила руки в мыльную воду и стала отмывать первую тарелку.

Ритм знакомой работы успокаивал. Позади было так много вечеров, когда она хватала еду на кухне отеля и приносила домой, чтобы быстро поужинать с дочкой до начала вечерней смены. Но каким бы длинным ни получался рабочий день, Карли всегда ночевала дома.

Ее по-прежнему удивляла та огромная любовь, которую она чувствовала к своему ребенку. Она не обрадовалась, когда обнаружила, что беременела: отношения с Алленом были непростыми еще до свадьбы. Она даже собиралась с ним порвать. Но неожиданная беременность все усложнила. Карли ужасно боялась остаться одна и,

чтобы этого не случилось, пошла, как она сама считала, на сделку с дьяволом.

Она решила выйти замуж за парня, который совершенно ей не подходил, чтобы не оказаться матерью-одиночкой. Вот и промахнулась.

Конечно, теперь уж ничего не изменишь, размышляла она, ополаскивая тарелки и складывая на сушилку. Первые годы оказались немыслимо трудными, она даже не думала, что такое возможно. Она была просто в ужасе все время, ее раздавливала ответственность, она с трудом могла купить подгузники на крошечное жалование, которое получала в отеле. Бренда была для нее и спасительницей и проклятием.

Бренда считала их подругами по несчастью. Матери-одиночки, брошенные мужьями. Но Бренде никогда не нужно было беспокоиться, чем накормить ребенка, или выбирать между прививкой дочке и бензином для тачки.

Со временем стало полегче. Карли научилась выполнять в отеле почти любую работу и постепенно стала зарабатывать больше. Но когда она решила, что ей нужна финансовая стабильность, Бренда намекнула, что у нее хорошие перспективы и что со временем она может стать совладелицей отеля.

– Она морочила мне голову, – сказала Карли, глядя на мыльные пузыри. – Стояла передо мной, глядела мне в глаза и врала.

– Мишель?

Карли посмотрела на Роберта и покачала головой.

– Бренда. Много лет она говорила мне, что я совладелица отеля. Я работала практически за гроши и верила ей.

Он встал, сделал два шага к раковине, потом положил ей на плечо свою широкую ладонь.

– Откуда ж тебе было знать?

– Я должна была догадаться. Должна была попросить письменное подтверждение. Мне надо было сходить к юристу.

– Ты верила ей.

– Да, как последняя дура.

Тяжесть его руки, казалось, пригвоздила ее к полу. Карли хотелось дернуть плечами, избавиться от этого контакта, но она не могла заставить свои мышцы пошевелиться. Между ними нарастало напряжение. Не к добру.

Они слишком долго играют в эту игру, сказала она себе. Прикидываются, будто у них какие-то отношения. Напрасно. Может, они слишком ленивые, чтобы переключиться на что-то серьезное с другими людьми, или просто боятся неудач. В любом случае они уже привыкли к такой половинчатой жизни.

– Теперь все будет по-другому, – сказал он ей.

– Не могу понять, хорошо это или плохо.

– Тебе не надо думать о переезде.

– Это верно. Я не хочу срываться с места Габби. Тут ей нравится.

Пригнувшись, она выскользнула из-под его руки, чтобы вытереть стол. Крошечная кухня, которая всегда ей нравилась, внезапно стала тесной. Карли бросила взгляд на гостиную и подумала, как бы заставить Роберта перейти на софу. Или, пожалуй, уйти.

– Подожди немного, – сказал он. – Вы с Мишель когда-то дружили. Теперь вам предстоит снова познакомиться друг с другом.

– Дружили? Ой, это было давным-давно. После ее отъезда из города мы больше и не общались.

– Уверен, служба в армии ее изменила.

Карли промыла тряпочку и повесила над раковиной.

– С чего ты взял? Ты ведь почти не знал ее.

– Разве война не меняет человека?

Ей хотелось возразить, что он даже не имеет понятия, о чем говорит. Он смотрел сериал «Братья по оружию» и теперь считает себя экспертом в армейских делах. Но она промолчала, потому что Роберт всегда хорошо к ней относился и много раз выручал, когда она нуждалась в этом.

Она посмотрела на его темные волосы, на грубоватое лицо.

Сразу после школы он стал работать в семейном автосервисе. Пять лет встречался с девушкой и женился бы на ней, если бы за два месяца до свадьбы она не погибла в автокатастрофе. Восемь лет назад умер его отец, и Роберт взял в свои руки все дела, а мать поселил в уютном кондоминиуме в Южной Каролине.

Он вовремя оплачивал все счета, любил смотреть спортивные передачи и никогда в жизни намеренно не обидел ни одного человека.

Роберт был из тех мужчин, из которых получаются хорошие мужья и заботливые отцы. Он мог починить кран, объяснить ребенку дроби и просидеть, почти не ворча, весь заграничный фильм.

Ей бы давно стоило выйти за него замуж. Но она этого не делала. Да и он не настаивал. И все же они держали себя как муж и жена и за ужином и уборкой посуды обсуждали последние события в их жизни.

Но как бы она ни пыталась убедить себя, что он не только брат ее бывшего мужа, но и достойный любви мужчина, все равно ничего не могла с собой поделать.

– Неужели тебе не хочется чего-то большего, чем это? – выпалила она. – Чем то, что у нас есть? Неужели тебе не хочется влюбиться или хотя бы найти женщину, с которой тебе ужасно захочется переспать? Мы оба прячемся, Роберт. От мира, или любви, или еще от чего-то. Тебе не кажется, что нам нужно что-то большее?

– Мне нравится то, что у нас есть.

– Мне тоже. – Она вздохнула. – Это самое легкое. Но легкое – не всегда правильное. Пожалуй, нам нужно отойти друг от друга. Поискать другие варианты.

Секунду он выглядел ошарашенным, потом кивнул, схватил свою куртку и пошел к двери.

Карли со стоном бросилась за ним.

– Роберт, подожди. Не злись. Не уходи.

Он остановился, рука на дверной ручке.

– Тебе надо выбрать что-то одно. – Он повернулся и ушел.

* * *

Мишель уже достали ромашки и герберы. Они были всюду. Она еще могла терпеть их в саду – это все-таки растения, и на них можно было просто не смотреть в окно. Но они были и в других местах тоже. На стенах, на салфетках, в вазах и на подушках. Кто-то нарисовал их на стене. В холле лежали книги об этих цветах, в сувенирной лавке – открытки. Они были напечатаны на ткани, сплетены в веночки, изображены на заколках, более яркие, чем задумала природа. Ежевика была еще туда-сюда. Хотя бы съедобная ягода, а от проклятых ромашек вообще никакой пользы.

Когда она служила в пустыне, она быстро выучила, что надо бояться ядовитых пауков – фаланг. Эти агрессивные насекомые не убегают от движущегося человека, а, наоборот, бегут к нему. Мишель

не сомневалась, что, если она повернется спиной, проклятые цветы будут вести себя точно так же, начнут захватывать все новые пространства и в конце концов задушат их всех своими листьями и лепестками.

Картинка отеля, погребенного под гигантскими цветами, забавляла ее и слегка беспокоила. Хотя Мишель не собиралась говорить с кем-либо на эту тему.

Моросил мелкий дождик. Впрочем, несмотря на погоду, отель был полон в предыдущую ночь, будет и в эту. Спасибо выходным, думала она, проходя по холлу. Сейчас в отеле жили несколько семей с детьми и без них. Утром в ресторане тоже было много клиентов. Скоро Мишель пойдет на кухню, чтобы выпить с Дамарис свою утреннюю чашечку кофе.

Поток денег, конечно, поможет отелю, но чтобы восстановить финансовую основу бизнеса, потребуются не только деньги. Мишель вынула ромашки из стеклянной вазочки на своем письменном столе и бросила в мусорную корзину, потом снова направила внимание на экран компьютера.

Ей придется уволить часть персонала. Она ходила вокруг да около почти неделю, но от правды никуда не денешься. Для небольшого отеля платежная ведомость была слишком велика. Почти на каждой позиции был излишек персонала.

Мишель и раньше имела дело со штатным расписанием, но в армии людей переводят в другое место, а не увольняют. А тут придется портить людям жизнь, и эта мысль не давала ей покоя.

После ее возвращения прошло почти две недели. У нее было время проглядеть бухгалтерию, налоговые декларации, банковские выписки. Ее мать много всего натворила. Мишель не нужно было ни с кем объясняться, но она надеялась, что на том свете человек все-таки отвечает за сотворенное зло. Действия матери были в лучшем случае запредельно эгоистичными, а в худшем – даже преступными.

Почти таким же шоком стало для нее открытие, что Карли часто сдерживала безумие Бренды и выступала за здравый смысл. Мишель слышала это от нескольких поставщиков и от многих сотрудников. Карли заботилась об отеле, делала правильные вещи и нравилась гостям.

Мишель встала и вышла из кабинета. Боль в бедре была ее постоянным спутником. Возможно, хороший сон мог бы ускорить исцеление, но она не могла достаточно расслабиться для этого. Ночной мрак таил в себе слишком много угроз. К ней подкрадывались кошмары и атаковали в самые неожиданные минуты. А потому она предпочитала просто лежать в темноте без сна; так было безопаснее.

Она уже больше недели ночевала на новом месте, наслаждаясь тишиной и уединением. Но и они не могли прогнать прошлое. Она часами лежала в темноте, ожидая нападения неизвестного, безымянного врага, и, хотя он никогда не приходил, каждое утро испытывала такую усталость, словно боролась с ним всю ночь.

Держась за стену, она захромала в вестибюль, чтобы обсудить с Карли вопрос увольнения персонала. Ей ужасно не хотелось полагаться на бывшую подругу, но у нее не было выбора. Карли знала всех и понимала финансовое положение отеля. Правда, при этом она охотно говорила вещи, которые Мишель не хотела даже слышать. Например, про ее одежду.

Хотя после того разговора Мишель все-таки быстро съездила в «Уолмарт»^[5]. Теперь у нее были черные штаны и разные рубашки. И черные кроссовки вместо армейских ботинок на шнуровке.

О косметике не могло быть и речи, но Мишель записалась в местный салон на стрижку. Ей пришлось признать, что после этого она стала чувствовать себя немного лучше. Впрочем, скорее в физическом, чем в эмоциональном плане.

В вестибюле Карли не оказалось. Сидевшая там молодая женщина сообщила, что Карли ушла проводить дочку.

– Я найду ее потом, – сказала Мишель и хотела вернуться в свой кабинет, но потом решила пойти на кухню и выпить еще кофе, перед тем как браться за следующее дело.

Она задержалась перед стендом с буклетами и рекламными листками местного бизнеса. Парочка карт показывали, где поесть или сделать покупки в городе, третья предлагала пешую прогулку по историческим местам Ежевичного острова. В забравшемся на холм особняке, которому местные остряки дали прозвище Мотылек, размещались единственный на острове органический ресторан, цветочная лавка, студия йоги и что-то еще, Мишель не помнила. Она знала об этом только из рекламного листка. Поправив ровнее несколько

буклетов, она посмотрела в сторону ресторана и обнаружила, что она тут не одна.

Рядом с ней стояла маленькая девочка. Темноволосая. Пожалуй, трех-четырёх лет. В руках она держала потрепанную игрушку – котенка. Во многих местах акриловый мех, когда-то рыжий, вытерся, и у бедняги был жалкий, грязноватый вид.

Но ее внимание привлекли глаза девочки. Круглые, темные и пугающе знакомые.

Мишель убеждала себя, что этого не может быть, что такое невозможно. Что тут нет никакой опасности. Но никакие уговоры не помогали и не успокаивали бешено колотившееся сердце. Ее уже била дрожь.

– Я учусь читать, – сказала девочка. – Уже знаю буквы и умею читать некоторые слова. Маленькие.

Девочка продолжала говорить, но Мишель уже не слышала ее. И хотя она велела своему телу повернуться и идти в безопасное место, холод пронизывал ее насквозь. Вот с чего это начиналось. С холода.

Но не из-за изменения температуры в отеле. Нет, он шел изнутри, крутился в ее теле, сковывал. Сначала перестали двигаться ноги, потом руки. Дрожь прекратилась. Не хватало воздуха. В глазах расплылось и потемнело, потом все исчезло, кроме точки яркого света.

Из этой точки нарастала катастрофа. Сначала звуки. Смертоносный грохот орудийного огня перемежался взрывами. Потом слышались крики. Крики раненых, умирающих. Обоняние включилось последним, но оно действовало сильнее всего, стало тянуть назад, в то место. Мишель ощутила запах смерти. Специфический запах выстрелов, крови, огня и дыма, горячей нефти. Потом и сама она вернулась туда, где не хотела быть. С оружием в руках.

Она последняя еще была на ногах, могла защитить всех. Убивать или самой оказаться убитой.

Пулю она услышала за наносекунду до того, как та с визгом вонзилась в нее, повалила навзничь, опрокинула на нее всю землю с постройками и техникой. В бедре что-то сломалось, по ноге полилась кровь.

Она заставила себя шевелиться, упала на здоровый бок, прицелилась.

Потом увидела его – стрелка. Одиночку, высунувшегося из-за сгоревшего «Хаммера». Он поднял ствол и прицелился.

Она поняла, что не успеет. Поняла, что это конец. Его палец нажал на спусковой крючок.

Ничего не случилось. То ли заклинило патрон, то ли кончились боеприпасы. В любом случае у нее появился шанс. Она снова прицелилась и вдруг увидела ее.

Девочка держалась за его ногу. Малышка с большими глазами и длинными волосами. Она закричала, когда ее отец был убит выстрелом в грудь.

Световая точка расширилась и отпустила Мишель. Она охнула и нетвердыми шагами прошла через вестибюль. Прочь, прочь, куда угодно. Зашла в туалет, заперла дверь. Еле успела дойти до унитаза, нагнулась, и ее вытошнило.

Через пару минут, все еще дрожа и боясь, что снова окажется в том, другом мире, она повернула замок. Дверь немедленно распахнулась.

– Что ты себе позволяешь? – сердито воскликнула Карли, стоя на пороге. – Ты только что напугала ребенка наших постояльцев. Она со слезами прибежала к матери и сказала, что на нее закричала страшная леди. Какого черта? Что с тобой?

– Я не...

– Не хочу слышать никаких оправданий, – заявила Карли, сверкнув глазами. – Если ты хочешь, чтобы в отеле успешно шли дела, ты должна взять себя в руки и помнить об ответственности.

– Я не могла это предотвратить.

– Что предотвратить? Ты о чем?

– Я убила мужчину. Того, который выстрелил в меня. С ним была его дочка. Вот почему...

Карли побелела.

Мишель выругалась. Она не собиралась никому говорить об этом. Надо было просто наорать на Карли, отвлечь, обвинить в чем-нибудь. Но нет: она сказала правду – и от безобразного ужаса этой правды у нее снова взбунтовался желудок.

Она поспешно вернулась в кабинку, и ее опять стошнило. Она выпрямилась, тяжело дыша, повернулась и обнаружила, что она в туалете одна.

С трудом волоча раненую ногу, она доковыляла до раковины и плеснула воды на лицо. Сержант как-то сказал ей, что умереть легко – а вот жить после всего этого хреново. Теперь она понимала, что он не преувеличивал.

Глава 11

Субботнее утро всегда напряженное. Приехавших на выходные гостей нужно направлять в разные места острова в зависимости от их интересов, персонал ждет, когда проснутся последние сони, чтобы убраться в их номерах, а многие местные приходят завтракать.

– Вот тут вам будет интересно погулять, – сказала Карли, показывая карандашом на карту городка. – Если потом зайдете в музей железнодорожных моделей, то к ланчу окажетесь прямо возле особняка на холме. Рекомендую взять там похлебку и свежий кукурузный хлеб. Серьезно вам говорю, они восхитительные. Потом вы можете пройти около двух миль на север к самой дальней винодельне и затем вернуться в отель, пробуя по дороге вино.

Она показала на карте дегустационные павильоны, потом зеленым фломастером нарисовала обратную дорогу.

– Вы вернетесь примерно в половине четвертого и еще успеете отдохнуть и вздремнуть перед обедом.

– Мы чудесно проведем день, – засмеялась миссис Бернард. – Спасибо.

Ее супруг тоже посмотрел на карту.

– По-моему, музей станет приятным разнообразием после прогулки, – сказал он.

– Ты прав. – Миссис Бернард взяла его за руку.

Они еще раз поблагодарили Карли и ушли. Она смотрела им вслед. Бернардам было лет шестьдесят с небольшим. Спортивные, подтянутые, держатся просто. Их любовь была ей понятна. Интересно, сколько лет они прожили в браке и сколько у них общих детей. Есть ли внуки.

Когда-то ей хотелось, чтобы и у нее когда-нибудь было все это. Когда она была моложе и гораздо глупее. Не невиннее, нет. С невинностью она рассталась давным-давно. Но вот найти подходящего парня, построить свою жизнь – этого ей очень хотелось.

– И еще выиграть в лотерею, – пробормотала она, откладывая буклеты и осматривая холл на случай, если кому-нибудь понадобится ее помощь.

В субботу утром нужно было всеми силами угодить гостям. Обычно люди, приехавшие на остров в пятницу, оставались до вечера воскресенья. Особенно в редкие солнечные выходные. Все номера были забронированы – какое счастье.

Никого видно не было, и Карли осталась без дела. У нее появилось время на размышления, а этого ей не хотелось. Думать – это плохо. Думать – значит вспомнить, что ей сказала Мишель.

Ужас тех слов преследовал ее во сне. Последние ночи она плохо спала, встревоженная срывом Мишель.

Конечно, она и до этого знала, что Мишель побывала на войне и видела ужасные вещи. Но что бывшая подруга убила человека – этого она никак не могла даже предположить, не то что представить. Она никогда не держала в руках оружие и видела его только в фильмах и телесериалах. В ее жизни оружие не было чем-то реальным и люди умирали в автомобильных авариях, от рака или старости.

Мишель росла рядом с ней в том же самом благополучном месте. Как же она сумела приспособиться к тяготам войны в своих заокеанских командировках? Карли даже не очень понимала, в чем они заключались. Да, конечно, солдаты направлялись в Афганистан, а до этого в Ирак. Но как они попадали туда? Из сборного пункта где-то в Штатах, а потом самолетом через Германию? Или как? На каких самолетах? А в полете их кормили?

«Слишком много вопросов» – подумала Карли. – И никаких ответов».

Все эти десять лет она с неприязнью думала о Мишель, ненавидела ее за то, что она спала с Алленом, но, как ни странно, скучала по ней. Они были лучшими подругами с раннего детства до последнего класса школы. Тогда их разлучили действия взрослых. Почти через год дружба стала возрождаться, но тут между ними встал Аллен.

Впервые после того, как Мишель вернулась, Карли по-настоящему поняла, что все в ее бывшей подруге стало другим.

Утром Мишель напугала четырехлетнюю малышку. А пару дней назад та же Мишель помогла Габби преодолеть иррациональный страх перед журавлями. Дочка рассказала об этом Карли и даже доказала, что уже не боится журавлей, когда вышла на лужайку и позволила птицам подойти к ней.

– Как только они понимают, что у меня нет никакой еды, они тут же уходят, – уверенно заявила дочка, и Карли это порадовало и удивило.

Так какая же Мишель настоящая? Или обе эти личности живут внутри нее? И разве не все люди противоречивы?

Работай, приказала она себе. Лучше подумай о работе.

Она собиралась кликнуть на программу бронирования, когда увидела, что в вестибюль вошла Эллен Сноу.

Эллен, Карли и Мишель учились вместе с детского сада до выпускного, только Эллен на класс моложе. Эллен никогда не была близкой подругой Карли, а в выпускном классе все и вовсе полетело к чертям. Карли знала, что виновата сама, смирилась с этим, но, честно говоря, ей надоело чувствовать угрызения совести каждый раз, когда она видела Эллен. Так продолжалось уже больше десяти лет. Когда же наконец все это забудется?

– Доброе утро, Карли, – поздоровалась Эллен, подходя к стойке администратора.

– Привет, Эллен.

Женщина была в кремовых брюках и бледно-голубой шелковой блузке. Карли заметила, как нежно блестит ткань, и догадалась, что одежда дорогая. У Эллен всегда были деньги.

Светлые волосы были собраны сзади лентой.

«Злобная Алиса в Стране чудес, – подумала Карли. – Хорошо бы она провалилась в какую-нибудь кроличью нору и больше не появлялась». Но, к сожалению, Карли никогда не везло.

– Она сообщила тебе? – спросила Эллен с довольным видом.

Карли вскинула брови, притворившись, что не поняла вопроса. Эллен явилась сюда злорадствовать, но Карли не собиралась помогать ей в этом.

– Кто мне сообщил и что?

– Объяснила тебе Мишель, что отель близок к закрытию за неуплату долгов? Что ты вот-вот потеряешь работу и окажешься на улице? Потому что именно так и будет, когда банк заберет отель. На случай, если ты еще этого не осознала.

Карли заставила себя улыбаться, хотя вся оцепенела. Она призналась себе, что не думала о последствиях закрытия отеля. А все

потому, что в мире Эллен время не имело значения. Она по-прежнему жаждала мести.

– Я не беспокоюсь, – ответила ей Карли. – У нас с Мишель большие планы.

– Потому что вы так хорошо работаете вместе.

Улыбка завяла. Карли была уверена, что в ее глазах промелькнул шок, но она изо всех сил сдерживалась.

Так вот он какой. План Эллен. Вот почему она настояла, чтобы Карли продолжала работать. Не из-за опыта Карли. Эта змея знала их прошлое – его знали все на острове. Она нарочно свела их вместе и теперь ждала взрыва.

– Я хочу посмотреть бронирование на ближайшие две недели. – Тон Эллен стал резким.

– Это официальная проверка? – спросила Карли.

– Да. Именно. Я сотрудник банка – если ты забыла.

Карли не забыла.

Она нажала пару кнопок на клавиатуре и повернула экран к Эллен.

– Полностью забронированы выходные и почти полностью будни. Не беспокойся. У нас все нормально.

– Или тебе так кажется, – сказала Эллен, оторвав взгляд от экрана. – Интересно, что сказали бы ваши довольные гости, если бы узнали о вас всю правду.

Еще даже не наступил полдень, но Карли ощутила усталость.

– Большинство людей в какой-то момент движутся дальше. Может, ты до сих пор не замужем, потому что не можешь расстаться с прошлым.

Приятная улыбка соскользнула с лица Эллен.

– Ты сука, – прошипела она с ненавистью. – Это всем известно. Ты можешь изображать из себя кого угодно, хорошую мать, но ты такая же шлюха, какой была в школе. Ты трахалась с кем попало. Ты всегда была такой. Все знают, почему тебя бросил муж. Он понял, какая ты.

Карли попятилась, лицо горело, словно от пощечины.

За последние годы она редко встречалась с Эллен и они ни разу не разговаривали. Она даже не догадывалась, как много ненависти все еще бурлит в этой женщине. Сколько же предписаний для отеля, составленных Эллен, действительно касались бизнеса, а сколько были ее мстью?

– Твои боссы знают, что для тебя это личный вопрос? – спросила Карли.

Приятная, вежливая маска вернулась на место.

– Не надо мне угрожать. У тебя не хватит квалификации, чтобы меня подловить. Я все делаю по правилам. Но не делайте ошибок – тогда я с огромной радостью выкину тебя из города. И даже готова буду довезти до нового места жительства.

* * *

Мишель стояла на кухне и слушала дождь, все еще мокрая от пота после очередного сеанса физиотерапии. Может, фамилия Манго и приятная, но действовал он так жестко, что она хватала ртом воздух и слабела – вовсе не от удовольствия.

По утверждению Манго, она шла на поправку. Боль в бедре и дрожь в ногах говорили об обратном, но Мишель помалкивала. Если бы только она могла спать. Но ночи по-прежнему оставались длинными, а сны – ужасными.

Она протянула руку к бутылке водки, купленной на обратном пути. Бутылка выскользнула из слабой и липкой от пота ладони, и Мишель едва успела ее поймать. «Рай всего лишь на расстоянии глотка», – подумала она, переделав слова старой песни-кантри^[6], которую много лет назад слушала мать. Только бы удалось открыть эту чертову бутылку.

– Тебе помочь? – На кухню вошел Джаред.

Она переехала на прошлой неделе и почти не видела его все это время. Это было большим плюсом. И теперь она настороженно смотрела, как он взял у нее бутылку и без труда открыл завинчивающуюся пробку.

– Лед? – спросил он.

– Конечно.

– Не возражаешь, если я присоединюсь?

Она вскинула брови:

– Ты пьешь? А я думала, ты из тех типов, которые за трезвый образ жизни.

Он взял два стакана, достал лед из морозилки и налил по дюйму прозрачной жидкости. Протянул Мишель стакан, чокнулся и сделал глоток.

– Пьянство никогда не входило в число моих проблем.

Она выпила глоток, потом еще один. Ледяная и жгучая жидкость приятно и знакомо потекла в глотку.

– У тебя есть другие проблемы? – спросила Мишель.

– А у кого их нет?

– У меня они точно имеются, Бог свидетель.

Джаред поглядел на нее поверх края стакана и сделал еще глоток.

– Ты почти ничего не ешь.

– Ты что, моя мать?

Она рассчитывала оттолкнуть его этим резким вопросом, но Джаред лишь улыбнулся – медленной, спокойной улыбкой. Мишель невольно задумалась, почему он живет один в этом большом доме. Почему на его кухне не хлопочет сисястая брюнетка, а во дворе не бегают детишки?

– Позволь перефразировать мое замечание. Тебе надо есть.

– Я знаю. – Она вздохнула.

– Глядите-ка. Согласилась. А я думал, ты скажешь мне, что у тебя нет аппетита.

– Нет. Я не голодная.

– Голодная, я вижу. Ты похожа на тощую бездомную собаку – ребра выпирают, в глазах тоска.

Его слова задели, но Мишель сохранила бесстрастное лицо.

– Ты знаешь, как вскружить голову девушке.

– Ты сама мне сказала, что не хочешь, чтобы тебе вскружили голову. А если точнее – что ты не собираешься спать со мной.

– Ты говоришь женщине комплименты, только когда хочешь переспать с ней?

Он пожал плечами:

– Я мужик.

Что ж, хотя бы честно.

– Иногда проще пить.

– Пить всегда проще. Но это не значит, что так нужно делать. Если я принесу тебе что-нибудь, ты поешь?

Она хотела отказаться, но вместо этого кивнула.

– Ладно. Тогда я пойду, а ты можешь принять душ.

– Напекаешь, что от меня пахнет?

– Я более чем намекаю.

Он поставил стакан и вышел через заднюю дверь. Она услышала хруст гравия под его ногами и выглянула в окно над кухонной раковиной. Джаред шел пешком. Ну, она хотя бы не чувствовала себя виноватой, что он сел за руль.

Она допила водку в своем стакане и прошла к себе в комнату. Закрыв дверь, взяла чистую одежду, потом заперлась в ванной и включила душ.

Через двадцать минут она, уже чистая, смотрела на свою жизнь не так мрачно. Бедро все еще кричало от боли, при движении казалось, что концы сломанных костей трутся друг о друга, но все остальное было не так плохо. Она даже нанесла немного кондиционера на недавно подстриженные волосы, а когда вытерлась полотенцем, намазалась увлажняющим кремом. Такими темпами она через год-другой практически вернется в норму.

Ей не хотелось надевать купленную недавно одежду, и она натянула треники и футболку. Сушить волосы было выше ее сил, так что она быстро зачесала их назад и закрутила в толстую косу. Не слишком шикарную, но чистую. Этого достаточно.

Вернувшись на кухню, она обнаружила, что Джаред выкладывает на тарелки содержимое промасленных бумажных пакетов.

Запах ударил ей в ноздри, генерируя воспоминания – на этот раз хорошие.

– Ты ходил в «Арни»? – спросила она. Ее желудок заурчал впервые за недели, а то и за месяцы. Голод вытеснил неловкость. – Я не была там много лет. В старших классах мы торчали там постоянно.

Это было одно из немногих мест, где она бывала с друзьями. Большую часть времени она работала в отеле, но иногда все-таки забегала к «Арни».

Джаред вывалил на тарелки сэндвичи со свиной барбекю. Булочки уже пропитались соусом. Еще он купил тушеные бобы, капустный салат, жирные стейки и картошку.

Стол стоял в нише со скамьями по обе стороны. Мишель медленно, стараясь не потянуть бедро, втиснулась на скамью. Джаред наполнил

водой высокие стаканы и положил лед. Мишель посмотрела на бутылку.

– Потом, – заявил он, усаживаясь напротив, и протянул ей воду. – Ешь.

Она хотела было посетовать на его диктаторские замашки, но решила, что не стоит тратить на это силы, и протянула руку за сэндвичем.

Булочки были теплые, соус барбекю испачкал ее пальцы. Она вонзила зубы в толстые ломти свинины. Вкус был лучше, чем ей помнилось: пряный и острый. Она прожевала и проглотила, потом откусила еще. Голод нарастал, и ей захотелось съесть до крошки все, что было перед ней.

Джаред глядел, как она ела, и почти не ел сам, но ей было наплевать. Пускай наслаждается этим шоу. Пока она пожирала сэндвич, он выложил ей на тарелку бобы, капусту и большую часть стейка с картошкой фри.

Она съела все. Всю капусту, все до единого бобы, весь стейк. Облизала пальцы, прежде чем вытереть их о салфетку, и залпом выпила стакан воды.

Мишель съела больше, чем за всю последнюю неделю, и под утро наверняка пожалеет об этом, но сейчас ей было плевать. Она откинулась на спинку скамьи и вздохнула.

– Ох, как хорошо. Спасибо тебе.

– На здоровье.

Он доел свой сэндвич, съел немного стейка с картошкой, но остальное оставил ей.

– Ты наелся? – спросила она. – Я тебя не обожрала?

– Я не буду есть, если даже ты вернешь мне съеденное.

– Справедливо, – засмеялась она. – Сколько я тебе должна?

– Это был сэндвич, Мишель. Не новая тачка. Я угостил тебя.

– О'кей. Очень признательна.

Снова начался дождь. Она повернула лицо к окну и смотрела, как водяные струи текут по стеклу. Дни в середине мая были все еще прохладные, хотя солнце садилось уже в восемь вечера.

– Как жизнь в отеле? – спросил он.

– Мы все больше и больше заняты, и это хорошо. Мне нравится, что я вернулась. – Она посмотрела на него. – В основном.

- И что тебе не нравится?
- Работать с Карли. Я знала ее и раньше.
- Я знаю, кто такая Карли Уильямс.

Она подняла брови:

- Можно мне спросить, как так вышло?

Может, у него с Карли что-нибудь было в прошлом? Не успела она решить, волнует ли ее это, как он встал и взял бутылку.

- Мы живем на острове. Я знаю тут всех.
- Так ты никогда...
- Ты спрашиваешь про мою интимную жизнь?
- Она есть у всех.
- Нет. С ней ничего не было.
- Почему?
- Почему тебе не нравится работать с Карли?

Мишель смотрела, как он наливает в стаканы водку. Она взяла свой стакан, но не спешила пить.

– Мы были подругами. Когда-то давно. Там все сложно. Мы поссорились, потом снова помирились. И после встретили этого парня. Аллена.

Мишель посмотрела на Джареда, но тот молчал.

– Я балдела от него. Он был таким красивым и обаятельным, а я – такой одинокой. Но потом узнала, что он встречался еще и с Карли, и это разбило мне сердце. Я сказала, что он должен сделать выбор. Я не сомневалась, что он выберет меня, но ошиблась. А позже узнала, что он выбрал ее, потому что она спала с ним.

- Почему же ты не спала, раз он был так важен тебе?

Она глотнула водку.

– Я была девственницей. Спать с парнем казалось мне слишком серьезным шагом. Карли не заморачивалась насчет этого, поэтому он бросил меня ради нее, а потом случилась помолвка.

- Ох.

– Да. Это был удар. Но тяжелее всего мне было не терять Аллена – на него я смотрела уже другими глазами. Мне было тяжело терять ее. Она все еще была моей подругой, но я каждый день, каждую секунду думала о ней и о проклятой свадьбе. Мысли об этом просто въелись мне в кожу.

Она понимала, что говорит много лишнего и все эти детали вряд ли интересуют Джареда, но не могла остановить поток слов. Говорят, что алкоголь срыгает тормоза. Но водка ничто по сравнению с сэндвичами от «Арни».

– Моя мать ушла с головой в подготовку свадьбы, и это еще больше осложнило мне жизнь. Я должна была стать подружкой невесты. Мне было обидно.

Она замолчала, понимая, что не хочет продолжать. Но все-таки договорила до конца.

– За два дня до свадьбы Аллен явился ко мне. Он сказал, что ошибся – что на самом деле он любит меня и что с Карли у него все кончено. Он соблазнил меня, и я позволила ему и... – Она поглядела в окно. – Я была ужасно глупой.

– Ты была совсем юной.

– Ну, не очень. Карли застала нас, и Аллен наврал ей, что я виновата во всем. Что я обманом затащила его в постель.

Мишель до сих пор помнила, как он вскочил, совершенно голый, бросился к Карли и буквально зарыдал. Все было так убедительно. Мишель и сама чуть не поверила. Только вот она знала правду. Она чувствовала, что Карли тоже догадывалась, просто не хотела это осознавать. Карли винила во всем Мишель, Бренда тоже.

– В тот вечер я уехала в Сиэтл и записалась в армию. Мне хотелось оказаться где угодно, но только не там.

– Карли украла его у тебя, а ты забрала обратно. Вы квиты.

Она вытаращила на него глаза:

– Это не совсем так, как мне хотелось бы описать.

– Это не меняет того, что случилось.

– Может, и нет, но сейчас мне приходится с ней работать.

– Это случилось давным-давно. Теперь вы разные люди.

– Ты прав.

– По крайней мере, ты разрешила себе вернуться домой.

Она сделала глоток.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ни разу не приезжала за эти годы. Наказывала себя. Раз ты вернулась, значит, все уже позади.

– Черт побери, какого хрена ты...

Зазвонил ее телефон, и Мишель замолчала. Она так удивилась, что просто тупо уставилась на него. Ей никто никогда не звонил. Она даже не знала, зачем носит с собой эту дурацкую игрушку. На экране высветился номер Лос-Анджелеса.

Нажав на кнопку отбоя, она допила водку.

– На чем я остановилась? – спросила она скорее себя, чем его.

– Говорила мне, чтобы я не лез не в свои дела.

– Ты слушал меня?

– Нет.

– Типичный мужчина. Слышишь только то, что тебе хочется.

– Так проще. Ты скучаешь по матери?

– Не слишком деликатная смена темы. – Она протянула руку к бутылке.

Он налил ей.

– Я и не стремлюсь быть деликатным. Она умерла, когда тебя не было рядом. Совсем недавно, да?

– Несколько месяцев назад. Рак. Она сгорела быстро. В мое отсутствие.

– Разве тебе не надо было приехать к ней?

– Этого требуют приличия.

– Я похож на того, кто беспокоится о приличиях?

– Нет.

– Разве тебе не надо было приехать? – снова спросил он.

– Не знаю, – честно сказала она. – Я чувствую себя виноватой, что не была рядом, когда она умирала.

– А где ты была?

– В госпитале в Германии. Мне заменяли часть бедра.

Он молчал.

Она вздохнула:

– Я чувствую себя виноватой, потому что рада, что мне не пришлось принимать решение. Никому не хочется поступать плохо. Я просто не могу понять, что думаю о ней.

– И не надо. Ее уже нет. Живи дальше.

– Ты не слишком хороший психолог.

– Я занимаюсь лодками, Мишель. Спроси меня насчет высоты прилива, направления ветра или стоимости солярки. Я много всего не знаю, но умею слушать. Так в чем же настоящая проблема?

Мишель крепко сжала в руке стакан.

– Я спала с женихом моей лучшей подруги и убила человека. Не знаю, что из этого хуже.

Он подвинулся к краю скамьи и встал, потом нагнулся и поцеловал ее в макушку.

– Тебе самой придется с этим разобраться, детка. Спокойной ночи.

Он вышел из кухни, оставив ее наедине с ночью и бутылкой. Она осторожно встала. Выбросив бумажные пакеты, ополоснула тарелки, поставила их в посудомойку и заковыляла к себе. Водку оставила на столе. В тот вечер ей хватило и выпитого.

Глава 12

Утром в понедельник Карли с кофейником в руках ходила по столовой. Изабелла, старшая официантка первой смены, позвонила ей и сказала, что заболела, так что Карли заменила ее. Было начало десятого. Почти все гости позавтракали, а местные давно уехали на работу. Три немолодые леди сидели вместе и рассматривали карту городка, а возле окна Леонард что-то сосредоточенно печатал на нетбуке.

Карли подошла к нему и покачала головой, увидев перед ним нетронутую тарелку с едой. Леонард был типичным рассеянным профессором, совсем как в книгах и фильмах. Она удивлялась, как он ухитрялся дожить до вечера, не попав под машину и не шагнув в задумчивости за край скалы.

– Доброе утро, Леонард, – сказала она, остановившись возле его стола.

Он поднял голову, но его мысли витали где-то далеко.

– Ой, привет, – спохватился он, когда наконец его глаза сфокусировались на Карли.

– Ты ничего не забыл?

– Что?

– Завтрак. – Она показала на его тарелку.

Он секунду глядел на тарелку, потом снова на Карли.

– Правильно. Завтрак. Я должен поесть. Я тут наблюдал за журавлями. Все родительские пары заняты гнездами. Я подсчитал почти все яйца. Мы хотим сравнить число птенцов с количеством отложенных яиц. Я подсчитаю, сколько ожидается птенцов, а позже, когда они вылупятся, мы сможем уточнить данные.

«Интересно, – подумала она, – как долго он может говорить о своих журавлях и их птенцах». Потом решила, что даже не хочет это знать.

– Леонард? Ты все еще не ешь.

– Что? Ой, прости. – Он схватил вилку. – Спасибо за напоминание.

– На здоровье. – Она перевернула пустую чашку и налила свежий кофе, потом забрала остывший, к которому он не притронулся. – Приятного тебе дня.

– Да-да. Я ужасно рад, что подсчитал те последние яйца.

– Тогда удачи тебе.

– Спасибо.

Она пошла дальше, думая о том, что он, в сущности, приятный парень. Не для нее, но, может, для кого-то, кто способен оценить его научный энтузиазм. Всегда есть человек, созданный именно для тебя – во всяком случае, она надеялась, что это так.

Она вернула кофейник на место и обвела глазами зал. Леди собирали свои вещи и готовились уходить; скоро она сможет вернуться в отель.

Не успела она заглянуть на кухню и сказать Дамарис, что завтрак окончен, как в столовую приплелась Мишель.

Карли невольно огляделась, ища, куда бы сбежать. Так было бы намного проще. Она все еще не знала, что сказать Мишель. Их последняя стычка была перегружена эмоциями. Только этим можно объяснить, почему Мишель рассказала о том, что случилось с ней в Афганистане.

Мишель сообщила ей эту информацию, и Карли не знала, что с ней делать. Самой разумной реакцией было бы сочувствие, но перед ней была особа, серьезно испортившая ей жизнь и вдобавок ненавидевшая ее. Жизнь была бы гораздо проще, если бы они могли пойти каждая своей дорогой.

Мишель села за один из чистых столиков и бросила на него несколько листков. Карли осторожно подошла к ней.

– Кофе? – спросила она.

– Нет, спасибо. Нам надо поговорить. На выходных я занималась бюджетом и прогнозами. Тебе сейчас удобно?

В столовой остался один Леонард, но его интересовали только журавли, а не то, о чем собирались говорить женщины. Карли кивнула и села напротив Мишель. Та протянула ей пару листков.

– Вот сколько сейчас денег на расчетном счете отеля, а вот что мы должны в скором времени выплатить банку. С текущими платежами все нормально, но тут задолженность за шесть месяцев, а к ним еще и пени.

Карли взглянула на цифры и сразу поняла проблему.

– Мы не можем выплачивать это и покрывать наши расходы, платить зарплату и по кредитам.

– Вот именно. У меня есть кое-какие сбережения. Я могу погасить примерно половину долга, но нам нужно найти остальные средства.

Значит, надо сократить расходы.

– Мне не нужна прибавка. – Ей тут же захотелось взять свои слова назад. Отель ей не принадлежал – она лишь работала в нем. Мишель очень ясно дала ей это понять.

– Ценю твое предложение, но это ничего не решит, так что нет. Надо поискать другие возможности сэкономить. Для начала уберем из отеля обед. Мы конкурируем с большими ресторанами в городе. Судя по всему, обед для нас – финансовая воронка.

Карли подумала о том, как мало у них посетителей в конце дня и вечерней смене почти нечего делать.

– Я согласна.

– Хорошо. Потому что это лишь начало. Мы должны сократить около четверти нынешнего персонала. А лучше треть. – Мишель помолчала. – Мне бы хотелось, чтобы ты участвовала в этом. Ты лучше знаешь повседневные дела отеля.

Карли изо всех сил постаралась скрыть свое удивление.

– Конечно. Я посмотрю график занятости и посчитаю, сколько времени занимает выполнение каждой работы. Ясно, что некоторые вещи нельзя сокращать никак. Кто-то должен сидеть за стойкой регистрации с раннего утра и по крайней мере до десяти или одиннадцати. Но где-то можно увеличить нагрузку. Вечерний администратор может просматривать почту и рассылать подтверждения бронирования. Примерно так.

– Ты уже думала об этом, – сказала Мишель.

– Я знала, что нам нужно экономить. И составила список предложений.

– Мне интересно их услышать.

– Среда тебя устроит?

– Конечно. – Мишель что-то записала на листке.

После такой формальной, профессиональной беседы Карли почувствовала себя и лучше и хуже. Ей нравилось, что речь шла о работе. Там все открыто и не должно быть никаких недоразумений. Но на личном уровне было странно. Несмотря ни на что, она невероятно сильно переживала за Мишель. И ничего не могла с этим поделать.

– Еще нам надо подумать, как увеличить число гостей, особенно среди недели, – сказала Мишель. – В выходные у нас все нормально, по

крайней мере, до конца октября. Но вот заполнять отель на восемьдесят пять процентов каждую неделю будет трудно.

– У меня есть кое-какие соображения насчет недорогой рекламы, – кивнула Карли. – Тут полно региональных веб-сайтов, где публикуют в том числе информацию по туризму. Или телестанции – для начала. Я смотрела стоимость рекламы, она вполне разумная. Сегодня утром чуть попозже смогу все рассказать.

– Когда ты находишь время на все это?

– Я сделала это несколько лет назад, – призналась Карли. – Бренду это не интересовало. Еще есть сайты для бизнес-конференций. Мы не сможем устроить ничего масштабного, но маленьким группам у нас должно понравиться, и они часто устраивают мероприятия среди недели. Еще у нас могут проходить деловые встречи в неформальной обстановке.

– Все замечательно, – сказала Мишель. – Дай то, что у тебя есть, и я посмотрю. Я знаю, что мы прорвемся, если сосредоточим усилия на главном. По крайней мере, Эллен на нашей стороне. Если бы не она, у меня, вероятно, отобрали бы отель.

Карли опустила глаза. Она не была уверена, что Эллен их поддерживает. Ее воскресный визит показал, что ей интереснее отомстить, а не помочь.

– Что такое? – спросила Мишель.

– Будь осторожнее с Эллен, – ответила Карли, стараясь говорить нейтрально. – Не уверена, что она такая, как ты думаешь.

Мишель прищурила глаза.

– Почему ты так говоришь? Она помогала мне, встала между мной и проклятым комитетом, который хочет закрыть этот отель.

– Ты уверена? Ты проверяла?

– Зачем мне проверять?

– Затем, что Эллен заглянула сюда в воскресенье. И вела себя совсем не по-дружески.

– Я доверяю ей еще больше, раз она тебя не любит, – отрезала Мишель и встала.

– Ладно. Можешь злиться на меня, только не будь слепой. Думаю, Эллен преследует какую-то свою цель, о которой ты не догадываешься. Не уверена, что она хочет, чтобы у тебя хорошо шли дела. Говорю тебе, надо все проверить.

Карли велела себе замолчать. Какое ей дело, если Мишель потеряет отель? Хотя ее будущее тоже висит на волоске. Финансово она не готова уехать отсюда.

– Мы закончили, – сказала Мишель и повернулась, чтобы уйти. Перенесла свой вес на больную ногу, она подкосилась, и Мишель чуть не упала.

Карли вскочила и инстинктивно протянула ей руку. Мишель ухватилась за край стола и выпрямилась.

– Тебе помочь? – спросила Карли.

Мишель глянула на нее через плечо.

– Катись к чертям. Этим ты мне очень поможешь.

* * *

– Привет, красотка.

Карли подняла глаза от компьютера и растерянно заморгала. Перед столом администратора стоял огромный парень, высокий, с темной кожей. И хотя он был скорее мускулистым, чем красивым, выглядел он впечатляюще. Наверняка ему не раз приходилось слышать что-то вроде «возьми меня и не задавай лишних вопросов».

– Доброе утро, – сказала она. – Чем могу быть полезна?

Она надеялась, что он не гость. Холостые мужчины никогда не останавливались в их отеле, Леонард был исключением. Если этот парень был гостем, значит, он приехал с девушкой и флиртовать с ним просто глупо.

– Я ищу Мишель. – Парень улыбнулся Карли. – Я Манго.

– О'кей.

После его улыбки она смогла произнести лишь это короткое слово. Вспышка ослепительно белых зубов не должна была сразить ее, но сразила. Возможно, потому что футболка обтягивала огромные мышцы. Или потому что в его глазах промелькнул интерес к ней. Она не могла вспомнить, когда в последний раз на нее кто-то смотрел так. Не как на мебель, а как на женщину.

Потом до нее дошел смысл его слов, и она поникла, словно печальный воздушный шарик.

– Мишель. Да. Она у себя в кабинете. – Карли махнула рукой, показывая, куда идти.

Вместо того чтобы направиться туда, Манго наклонился к ней.

– Я ее физиотерапевт. Она обещала показать мне остров. Больше ничего. Мы просто друзья.

– О. – Ей было приятно это слышать. Она надеялась, что не выглядит слишком изголодавшейся по сексу.

Он положил локоть на стол. В темных глазах сверкнуло веселье.

– Так она здесь?

– Угу. – Она снова показала на коридор. – В своем кабинете.

– Спасибо, радость моя.

Он сказал это привычно, даже не думая. Когда он отошел далеко, она позволила себе хихикнуть. О'кей, это было приятное разнообразие среди монотонного дня. И вывод был очевиден: ее гормоны проснулись от спячки и заявили о себе.

Последние десять лет она не задумывалась всерьез о партнере. И не только потому, что не было никого, кто заинтересовал бы ее, но еще из-за Габби, требовавшей много внимания. Теперь дочка подросла, у нее появилась собственная жизнь, и Карли, пожалуй, пора было вспомнить и о своем теле. Сейчас оно все гудело, и после десяти лет монашеской жизни ей было приятно убедиться, что некоторые его части не умерли, не атрофировались. В конце концов, где есть жизнь, там есть и надежда.

Глава 13

К удивлению Карли, эффект Манго держался намного дольше, чем она ожидала. В тот день Габби обедала с подружкой, поэтому Карли воспользовалась редким свободным временем и поехала к Роберту в гараж. Они не виделись с тех пор, как он вышел от нее после завтрака. Хоть она и считала, что им обоим не стоит довольствоваться тем, что есть, и нужно искать другие варианты, это вовсе не означало, что она хотела выкинуть его из жизни. Он всегда будет членом их семьи. Это важно для нее и Габби.

Она поставила машину возле гаража и вошла внутрь через раздвижную дверь. Хотя было почти семь вечера, Роберт все еще работал, копался в двигателе. Она не успела придумать, что сказать, как он выпрямился и повернулся к ней.

По его лицу нельзя было понять, что он думает. Он смотрел на нее, а она лихорадочно искала, что ей сказать, и наконец остановилась на испытанной классике.

– Привет.

Он кивнул.

По его скованным жестам она поняла, что он по-прежнему злится или, возможно, обижен на нее за те неосторожные слова.

– Как дела? – спросила она.

– Нормально. А у тебя?

– Все о'кей. Хорошо. Мы с Мишель пока ищем общий язык. Чаше всего она злится на меня. А когда не злится, тогда злюсь на нее я сама. Получается такое красочное разнообразие.

С Брендой у нее тоже бывали напряженные ситуации, но теперь все иначе. Лучше, как ни странно, подумала она. С Мишель она может просто сказать – или проорать – все, что думает. И это, как ни странно, меньше напрягает.

– Я занят. – Он отвернулся и пошел вглубь гаража. Карли последовала за ним.

– Нет, – громко сказала она. – Я не хочу остаться без тебя.

Он повернулся к ней:

– Чего ты ждешь от меня?

– Честно. Абсолютно честно. Ты дядя Габби и самый близкий человек с отцовской стороны, какой будет в ее жизни. Я не хочу, чтобы ты просто исчез. Мы не хотим этого, и не думаю, что ты хочешь.

– Ты мне ясно дала понять, что я тебе не нужен.

– Прости, это было слишком резко. Но серьезно, Роберт, в чем-то я была права. Прошло десять лет. Не кажется ли тебе, что, если бы мы хотели безумной любви, это случилось бы давным-давно? Мы любим друг друга, но по-другому.

– Не говори за меня. Ты не знаешь, что я чувствую.

– Я знаю, что ты никогда даже не пытался меня поцеловать. Хотя ты и настоящий джентльмен, но разве страсть не должна была однажды взять верх?

Он крутил в руках промасленную ветошь.

– Я хотел дать тебе время.

– Десять лет?

Напряжение между ними, казалось, прошло.

– О'кей, да. – Он вздохнул. – Это долгий срок. Какое-то время я думал, что у нас... ну... понимаешь... все сложится, но этого так и не произошло.

– По какой-то причине я думаю, что мы отличные друзья. Я хочу этого. Хочу, чтобы ты был рядом. Но сходи на свидание. Потрахайся. Пора уже.

Уголки его рта поползли кверху.

– Интересное предложение, да еще от тебя.

– От шлюхи-девственницы? Да, я знаю.

Пару секунд они глядели друг на друга, потом он кивком показал вглубь гаража.

– Пойдем. Я угощу тебя содовой.

Через несколько минут они сидели в его подсобке и неторопливо пили содовую из холодных баночек, которые он достал из древнего холодильника.

– Как у тебя все-таки дела с Мишель? – спросил он.

– Когда как, бывают хорошие дни, бывают и плохие. Выглядит она пока еще ужасно. Ранение дает о себе знать.

– Тут нужно время.

– Да, я знаю. Ей бы отдохнуть. – Карли не стала упоминать, что в последние несколько лет ее собственная жизнь отдыха не

подразумевала. Вместо этого она подробно рассказала ему о разных происшествиях и проблемах, умолчав лишь о визите Манго, пробудившем ее гормоны.

– Мишель заблуждается насчет Эллен и не слушает меня. Скоро та укусит ее за задницу. Я чувствую это. Остается лишь надеяться, что я и сама не схлопочу рикошетом.

– Думаешь, Эллен до сих пор злится из-за школы?

– Я в этом уверена. Она явно живет не в нынешнем пространственно-временном континууме, и то, что случилось в школе, так же реально для нее, словно это было лишь вчера.

– Тогда ей нужно жить дальше, смотреть вперед, а не заикливаться на прошлом.

– Мужик ей нужен, вот что.

Роберт вскинул брови:

– Не интересуется. Она страшная.

– Точно? – усмехнулась Карли. – Я уверена, что она прикроет свои изъяны баксами, и тогда ты будешь как сыр в масле.

– Я воздержусь. – Он сделал глоток содовой. – Мишель образумится. Ты ей нужна.

– Она тоже мне нужна.

«Не только сейчас», – подумала она с грустью. Они всегда были нужны друг другу, но, когда начинались проблемы, их швыряло в разные стороны.

Карли утянуло в прошлое. Ей было семнадцать, когда мать ушла из дома. Она до сих пор помнила удивление и отчаяние, с которыми, вернувшись из школы, обнаружила, что мать бросила ее на попечение равнодушного отца-алкоголика. Оставила лишь короткую записку с объяснением, почему ей надо уйти.

Она заявила, что влюбилась, словно это что-то объясняло и оправдывало. Она обещала, что они будут видеться, но обманула; она клялась, что любит Карли, но это тоже была ложь. Она так и не вернулась, ни разу не позвала дочку вместе провести выходные. В дни рождения Карли получала поздравительную открытку, иногда звонок. И больше ничего.

Когда Карли обнаружила, что беременна, она дала себе клятву быть хорошей матерью. Ее ребенок будет чувствовать любовь каждый день. Ее ребенок будет жить в спокойной, стабильной обстановке.

Отцом ее дочери стал Аллен, что осложнило дело, но до сих пор Карли все-таки справлялась со всем. Габби росла веселой, здоровой и жизнерадостной.

Пожалуй, этого и достаточно, сказала себе Карли. Пожалуй, доказательство того, что она хорошая мать, можно найти в улыбке ее дочери.

* * *

Мишель шла по ресторану. Утром там было всегда многолюдно, даже среди недели. У них завтракали многие местные, прежде чем отправиться на работу. Тут ели гости отеля и люди, ночевавшие в соседнем мотеле. Запах яичницы, бекона и сосисок смешивался с животворным ароматом кофе.

Она поздоровалась с Изабеллой и пошла мимо столиков. Увидев пустую кофейную чашку, она сменила направление и взяла полный кофейник.

– Доброе утро, – поздоровалась она, вернувшись к столику бизнесменов и наливая кофе.

– Доброе, – буркнул один из них. Трое других даже не оторвали взгляда от ноутбука.

Она улыбнулась, ничуть не обижаясь, что ее игнорируют. Раз они не смотрят, не надо беспокоиться, что они увидят ее хромоту и придется отвечать на их вопросы.

Налив кофе в чашки, она прошла на кухню. Было еще рано, всего полвосьмого, и там царил хаос.

Дамарис взбивала до пены яичную массу, добавляла чуточку сливок, солила и выливала смесь прямо на горячую сковороду. Потом добавляла в шипящую массу сыр и овощи, взбалтывала и ловко накрывала омлет. Поставив чистую тарелку, спихивала омлет на нее. Завершала блюдо ежевика, и тарелка присоединялась к трем другим.

– Заказ готов, – объявляла она.

Официантка подсказывала и уносила его.

Дамарис читала следующий заказ, помешивая яичницу-болтунью.

– Пшеничный тост! – заорала она помощнице, потом подняла голову и увидела Мишель. – Доброе утро, малышка. Как самочувствие?

Знакомые слова, приветливая улыбка.

– Неплохо, в общем-то.

– Ты уже меньше хромаешь.

– Еще рано. Я превращаюсь в волочащего ногу монстра к трем часам. Если не прохожу физиотерапию – уже к полудню.

– Подвинь табурет. Составишь мне компанию.

Мишель налила себе чашку кофе, потом сделала, как ее просили. Она знала, куда сесть, чтобы можно было разговаривать, но не мешаться. Еще подростком она делала так сотни раз. Общаться с Дамарис всегда было безопасно. В отличие от Бренды, чьи эмоции были такими же непредсказуемыми, как очертания мчащихся по небу облаков, Дамарис почти всегда была уравновешенной.

– Ты спишь? – спросила Дамарис, не отрывая глаз от плиты.

Мишель сидела, обхватив ладонями чашку.

– Нет.

– Разве тебе не надо спать?

– Мне много чего надо.

Во время прогулки по острову Манго снова заговорил о том, что Мишель нужно посещать группу поддержки. Он напомнил ей, что привыкать к мирной жизни тяжело даже после одной командировки в зону боевых действий. А Мишель побывала там трижды.

– И почему ты этого не делаешь?

– Может, мне нравится быть упрямой.

– Одно из твоих лучших качеств. – Дамарис улыбнулась. – Мне нравится твоя рубашка. Ты слишком худенькая, но выглядишь неплохо.

Мишель покосилась на свою вискозную блузку, купленную за четырнадцать долларов. Разные оттенки зеленого закручивались вихрем.

– Тебе не кажется, что она слишком девчачья?

– А ты и *есть* девушка. Блузка подчеркивает твои глаза, и они кажутся темнее.

– Пожалуй.

Дамарис улыбнулась, не обращая внимания на ее мрачный тон.

– Рада, что вернулась в отель?

– Угу. Это хорошо. – По крайней мере, в основном. – Жалко только, что моя мама так глупо распоряжалась деньгами. Конечно, новая крыша нужна, но все остальное?.. Если уж ей хотелось что-то переделать,

почему было не начать с ванных комнат в номерах? Неужели нам нужна сувенирная лавка?

– Ты не по адресу.

– Знаю. Не обращай на меня внимания.

– Никогда такого не будет. – Дамарис поставила перед ней тарелку. Там был французский тост с беконом, любимое блюдо Мишель. – Ешь.

– Да, мэм.

Повариха погладила ее по щеке:

– Я рада, что ты вернулась, детка. Скажи, чем я могу тебе помочь.

– Спасибо, но у меня все в порядке.

Она откусила пару кусочков и прожевала. Дамарис продолжала готовить омлеты и оладьи, раскладывала по тарелкам сосиски и кричала, что заказ готов.

На кухне было тепло, жар поднимался от плиты и смешивался с паром от посудомойки. Сковороды стучали, кофе варился, тосты потрескивали. Ресторанная кухня совсем не тихое место, но звуки были привычные. Безопасные. Не то что выстрелы и взрывы.

Доев обильный завтрак, Мишель почувствовала себя лучше. «Еда и кофеин – приятная комбинация», – подумала она, поставив тарелку возле посудомойки и подливая себе кофе. Заказы поступали реже, и у Дамарис появилась минутка. Она подсела к Мишель.

– Ты хочешь мне что-то сообщить, – сказала Дамарис, держа чашку кофе. – Выкладывай.

– Мы собираемся отменить обеды. Они обходятся нам слишком дорого.

Дамарис вскинула свободную руку.

– Господи. Наконец-то.

– Ты не огорчена?

– Я всегда была против обедов. Это была идея твоей матери. Она собиралась получить лицензию на продажу спиртного, но потом обнаружила, что это слишком хлопотно и слишком большая конкуренция с городскими ресторанами. А держать персонал ради нескольких клиентов – напрасные траты.

– Я думала, ты расстроишься.

– Нет. Мне это тоже проще. Даже когда я не работала, они пару раз в неделю звонили мне домой с вопросами. Идиоты. – Ее глаза заплясали за стеклами очков. – Ты делаешь правильный выбор.

– Спасибо тебе за поддержку. Сегодня я объявлю об этом всем.
– У нас работает официантка, Кэмми. Спроси, хочет ли она работать днем. Она хорошая.

– Спасибо. – Мишель сделала себе заметку.

– Для тебя все что угодно.

Они быстро обнялись, и Мишель отправилась в отель. По дороге она посмотрела в окно на задний двор. Солнце боролось с утренними облаками, и было непонятно, кто победит. Дождь и солнце плясали на траве. Но ее внимание привлекла Габби. Девочка стояла в центре лужайки и кружилась, кружилась, раскинув руки и глядя в небо.

«Она босая», – подумала с улыбкой Мишель. Символ окончательно наступившего лета. Босые дети – какими были когда-то они с Карли.

Она вспомнила, как они беззаботно бегали по траве. Такие невероятно юные, полные надежд и не подозревавшие о том, что уготовит им жизнь.

– Я даже отсюда чувствую ее радость, – проговорил за ее спиной женский голос.

Мишель повернулась и увидела незнакомую женщину – высокую, хорошо одетую блондинку, спокойную и уверенную в себе.

– Полин Фарли, – представилась женщина, протягивая руку. – Мой супруг Сет и я – психотерапевты. Мы будем проводить здесь семинары.

– Да, конечно. Мишель Сандерсон.

Они пожали друг другу руки.

– Сейчас мы занимаемся с Карли бронированием комнат и составляем график занятий, – сказала Полин. – Все получается быстрее, чем мы рассчитывали. Спасибо вам.

– Благодарите за это Карли.

– Да, конечно, но поскольку это ваш отель, я хотела сказать вам, как мы признательны ей. Уезжать из дома всегда непросто, и, думаю, вам было приятно знать, что здесь остался компетентный человек, способный управлять делами.

Мишель наклонила голову.

– Получилось очень гладко.

Это, казалось, вызвало у Полины удивление, а не досаду.

– Переход к прощупыванию почвы? Рада, что вам понравилось.

– Вас кто-нибудь попросил поговорить со мной? Или меня выдал язык тела и вы просто не удержались?

– Последнее, – призналась Полин. – Мой дядя был во Вьетнаме. После возвращения он стал наркоманом и много лет то лечился, то снова скатывался. Я была ребенком, но запомнила наши семейные проблемы на всю жизнь.

– И поэтому стали психотерапевтом?

– Отчасти да. Я умею слушать и люблю работать с людьми. Я прошла специальный тренинг по ПТСР^[7], если вам это интересно.

– Нет.

Полин удивленно прищурилась:

– Решительный ответ. Впрочем, как бы то ни было, я буду рядом. И не хочу быть навязчивой.

– Получается наоборот.

– Ладно. Немножко. Во мне сидит потребность опекать ближнего.

Мишель подумала, что, если кто-то начнет ее опекать, это будет лучшей и худшей вещью, которая может с ней случиться. Ей хотелось спихнуть на кого-то все свои проблемы, но в то же время она не могла заставить себя настолько доверять другому человеку.

Несмотря на это, она подумала, что Полин ей нравится.

– Если передумаю, дам вам знать.

– Хорошо.

Они снова посмотрели на Габби. Девочка кружилась, пока не упала, и теперь лежала на траве, раскинув руки, и ее звонкий смех вливался в открытое окно.

– Я завидую ее самоощущению и свободе, – призналась Полин. – Мне так хочется снова стать раскованной.

– Мне тоже, – согласилась Мишель.

Дорога к нормальной жизни казалась ей извилистой и неровной. Но теперь, впервые за много лет, у нее появилась вера, что она все-таки сумеет вернуться. Может, не в то место, где жила Габби, но куда-нибудь по соседству, если получится.

Глава 14

Мишель понимала, что должна извиниться. Наорать на Карли было приятно, но несправедливо. Только вот сама мысль о том, что надо подобрать слова, а потом их произнести, ей не нравилась.

Ровно в десять Карли вошла в открытую дверь. В руке она держала папку.

– Садись, – сказала Мишель вместо приветствия.

Карли села напротив нее.

Мишель пыталась сообразить, как произнести те проклятые слова. Она никогда не любила извиняться, а в нынешней ситуации это было еще труднее.

– Погода вроде улучшается, – начала она.

Карли подняла брови, явно удивленная этими словами.

– Да, хорошо для ромашек и гербер.

Мишель откинулась на спинку кресла и закатила глаза.

– Надеюсь, что ромашки были идеей моей матери. Они всюду. Ладно, в саду они на месте, я не против. Но в помещении? Занавески, подушечки и эти чертовы картинки на стенах. Хуже не придумаешь. Я вздрагиваю каждый раз, когда их вижу.

Карли застыла и вскинула подбородок, а на ее щеках появилась краска.

– Я люблю ромашки и сама выбрала этот мотив для отеля. И сама нарисовала их на стенах. Сама. Своими руками. Работала несколько недель.

Черт побери. Блин, блин, блин.

Мишель с трудом сдержала стон досады.

– Прости, – выпалила она. – Я пыталась извиниться и... – Она помолчала. – Ты правда их любишь?

– Конечно. Они такие веселые.

– А их не многовато?

– Это твое извинение?

– Что? О, верно. Прости. Ромашки классные.

– Это было искренне. – Карли чуточку успокоилась.

– Я серьезно. Обожаю ромашки. Не будем ничего менять.

– Я рада, что ты согласна. – Карли неуверенно улыбнулась.

Они глядели друг на друга. Мишель думала, что это начало перемирия. Ведь перед ней сидела Карли, которая всегда знала ее лучше всех.

– Работа, – сказала она. – Нам надо поговорить о работе.

– Я готова.

Мишель кивнула.

– Утром я беседовала с Дамарис и сообщила, что мы отменим обеды. Сегодня я поговорю с вечерней ресторанной сменой и объявлю, что пятница – их последний день.

Карли раскрыла папку и вытащила лист бумаги. Когда она передавала его Мишель, шармики на браслете сверкнули. На том самом браслете Бренды.

Мишель не могла понять, как это получается: она осуждает мать, но в то же время ей досадно, что браслет с шармами носит Карли. Но она приказала себе игнорировать тяжесть в груди и взяла предложенный листок.

– Что это? – спросила она.

– Я поговорила с несколькими ресторанными менеджерами из города и записала, какие у них есть вакансии. Я объяснила, почему мы увольняем сотрудников, и дала рекомендации. Это наверняка поможет уволенным, да и отелю тоже. Не придется платить страховку по безработице.

– Спасибо, – пробормотала Мишель, сообразив, что сама должна была подумать об этом. Ей действительно нужно заново учиться работать. Неудивительно после такого долгого перерыва.

Она прочитала аккуратно написанные имена.

– Дамарис сказала, что нам надо спросить Кэмми, хочет ли она остаться.

– Я тоже об этом подумала. Все говорят, что с ней классно работать. Ты поговоришь с ней сегодня вечером?

– Обязательно.

Карли протянула ей список арендованного оборудования, которое можно было вернуть назад. В другом списке было оборудование, аренду которого они продлят.

– Вот мои предложения по экономии, – сказала она, отдавая Мишель еще три листка. – На первой странице – список, кого мы можем уволить и почему, а на двух остальных – предложения по

снижению расходов. Я много думала над этим. Некоторые чуточку странные, понимаю, но я записала все – может, это натолкнет тебя на какую-нибудь более конструктивную идею.

Мишель смотрела на аккуратный почерк и чувствовала, как внутри закипает досада.

– Как ты можешь работать здесь и не уметь пользоваться компьютером? – раздраженно спросила она, прежде чем успела себя остановить. – Ты говоришь, что умеешь, а сама никак это не подтверждаешь. Освой «Эксель». Это не так трудно.

Карли напряглась. Она опустила руки, и ее маленькие пальцы впились ногтями в ладонь.

– Я знаю «Эксель», – спокойно ответила она, вскинув голову.

– Тогда почему ты пишешь от руки? – Мишель помахала страничками. – Почему ты не можешь сделать это на компьютере?

– У меня нет компьютера.

– Как нет? В твоем кабинете стоит комп, – возразила Мишель. Ругаться хотелось все меньше.

– Нет. У того, что на столе администратора, не хватает софта. У нас возникли проблемы с некоторыми работавшими летом помощниками: они впустую тратили время, и Бренда убрала почти все программы. Обычно я пользовалась компьютером Бренды, но несколько месяцев назад она защитила его паролем и не поделилась им со мной.

Мишель терпеть не могла неловкие ситуации, а тут она оказалась в дурацком положении перед Карли, и это ее злило.

– Мы дадим тебе комп, – буркнула она. – Недорогой, с необходимым софтом. Иначе ты мне не помощница.

– Спасибо.

– Не надо благодарить. Я делаю это исключительно по эгоистическим причинам.

– Кто бы сомневался.

Мишель уставилась на собеседницу. Выражение лица Карли совершенно не изменилось. Оно оставалось бесстрастным и, пожалуй, слегка настороженным, но голубые глаза искрились весельем.

Мишель почувствовала, как у нее скривились губы.

– Что еще? – спросила она.

Карли кивнула на листки в руках Мишель.

– Мои предложения по экономии.

Мишель быстро просмотрела написанное.

– Ты предлагаешь сократить расходы на ведение хозяйства?

– Не весь персонал работает полный день, хотя мы всем платим за восемь часов. – Она подалась вперед. – Я перераспределила комнаты. Два больших люкса убирать дольше, но остальные номера не требуют особых хлопот. Я могу подключиться тоже – убирать два небольших номера три раза в неделю. Без проблем. Зато мы сможем обойтись без двух сотрудников.

Ее предложение понравилось Мишель, но она пыталась отыскать подвох.

– Ты будешь убираться?

– Я начинала горничной и знаю, что делать. Вот только проверять мою работу будет некому, – улыбнулась Карли.

– Я думала, ты была беременна, когда стала тут работать.

– Да, верно. На восьмом месяце.

– И Бренда сделала тебя уборщицей?

– Я готова была согласиться на любую работу. – Карли пожала плечами. – Не такая уж это нагрузка.

Мишель не очень много знала о беременности, но отмывать в таком состоянии целыми днями ванные комнаты – явный перебор. Еще недавно она бы не поверила, что может когда-нибудь посочувствовать Карли. Но черствость Бренды это изменила.

Они прошлись по остальным предложениям Карли. Все были хорошо продуманы и серьезно сокращали ежедневные расходы. Без сотрудников, обслуживающих обед, и двух горничных платежная ведомость сократится больше, чем надеялась Мишель.

– Я признательна тебе за это, – сказала она, преодолевая невыносимую боль в бедре. Долгое сидение ее только усилило. Не менее тяжело было вставать и ложиться.

– Я хочу, чтобы финансовое положение отеля улучшилось. Если его зацапает банк, это никому из нас не поможет. – Карли замолчала, словно понимая, что они приблизились к опасной территории. Говорить о банке означало говорить об Эллен.

Мишель догадывалась, что между Карли и Эллен что-то произошло. Когда-то в прошлом.

– Что с тобой? – спросила Карли. – Я вижу, что тебе больно. Помочь чем-нибудь?

Мишель покачала головой:

– У меня болит бедро. Оно заживает, но медленно.

– Разве тебе не дают обезболивающее?

– Дают, конечно. Но я стараюсь не принимать. От него туман в голове. – К тому же она лучше выпьет вечером водки. Даже она знала, что водка и обезболивающие – плохая смесь.

– Может, ты скорее поправишься, если не будешь мучиться от боли?

Мишель нахмурилась:

– Давай сменим тему.

– Не помню, чтобы до армии ты была такой раздражительной.

– Вот получи пулю в бедро, и я посмотрю, какой ты станешь. – Она махнула рукой. – Извини, я не очень терпеливая.

– Все в порядке.

Мишель рискнула сказать правду:

– Иногда мне кажется, будто ты забрала лучшее, что было у меня в жизни. И я осталась ни с чем.

– Это неправда.

– Чутьочку правда. Ты живешь в комнатах, в которых я выросла.

На лице Карли промелькнул испуг.

– Мы можем переехать, – быстро сказала она.

– Нет. Мне совсем это не нужно. Мне хорошо там, где я живу. Дистанция – то, что сейчас нужно. К тому же у тебя Габби. – Мишель сумела улыбнуться. – Она чудесная.

– Спасибо. Я тоже так думаю.

Карли поколебалась, словно пытаясь принять решение. Но потом кивнула и сказала:

– Зря я вышла за Аллена. Поверь, я дорого заплатила за это. Он украл у меня все по моей глупости. Я осталась ни с чем, беременная и без пенни в кармане. Без работы, без медицинской страховки, без всего. И все время тошнило. Бренда взяла меня на работу, дала жилье и не обращала внимания, что я еле ползала. Я не занимала твое место, Мишель. Я была в отчаянии и надеялась, что она спасет меня.

Мишель вдруг поняла, что жалеет Карли.

– Бренда никого не стала бы спасать, кроме себя.

– Я почувствовала это позже на собственной шкуре. – Карли вздохнула.

Уж в этом-то Мишель не сомневалась. Она росла, страдая от нарциссизма матери и ее непоследовательных правил. Какой-то проступок мог ее насмешить, а в другой раз оказывался поводом для строгого наказания. Мать судила обо всем с точки зрения пользы или вреда – для себя. Они редко бывали в ресторанах, но когда заходили туда, Бренда диктовала свои правила. Если они с Мишель заказывали разное, Бренда всегда завидовала дочери и забирала себе ее блюдо. А если заказывали одинаковое, Бренда утверждала, что у ее блюда странный вкус, отправляла его назад и требовала что-то другое. Она не разрешала тратиться на подарки к праздникам, но потом жаловалась всем, кто был готов слушать, что эгоистичная дочь никогда ничего ей не дарит.

Мишель совершенно не хотела признавать это, но понимала, что Карли действительно осталась совсем одна. Одна, совершенно беззащитная и к тому же ответственная за ребенка, который рос в ее животе.

Чем Бренда и воспользовалась. Не устояла перед искушением сделать кого-то обязанным. Чтобы потом выкручивать руки и постоянно изводить. Но Габби росла счастливой, и это доказывало материнскую любовь и заботу Карли.

– Мы нарвались на засаду, – сказала Мишель, не очень понимая, зачем говорит это.

Она велела себе замолчать, но слова все равно текли из нее.

– Там было несколько вооруженных парней и самодельное взрывное устройство. «Хаммер» взлетел на воздух. Взрыв. Некоторых из нас вышвырнуло на дорогу, но это полбеды. Беда была в том, что в нас палили со всех сторон.

Пока Мишель говорила, она разглядывала лежавшие перед ней страницы, аккуратный почерк и видела скорее контраст между чернилами и бумагой, чем историю, которую вспоминала.

– Мы уложили всех, кроме одного. Я последняя оставалась на ногах. В буквальном смысле. – Она невольно посмотрела на Карли. – Он попал мне в бедро, и я упала. Я все еще могла стрелять, но он был быстрее. Потом у него заклинило, или он расстрелял весь рожок...

Она снова ощущала жаркий воздух, кровь на ноге, слышала звуки выстрелов и крики. Пыль висела в воздухе и забивалась в легкие.

Она говорила о маленькой девочке, вцепившейся в отца. О том, как винтовка «М16-А2» налилась тяжестью в ее руках – возможно, из-за кровопотери. О том, как она поняла, что получила шанс на жизнь. Шанс на выстрел.

– Я убила его, а малышка по-прежнему цеплялась за него. Я выстрелила в него, и он умер.

Она замолчала – в основном потому, что остальные события расплылись в памяти. Девочка закричала и побежала прочь. Потом Мишель пыталась доползти до своих, помочь, где могла. Может, это были минуты, а может, часы.

Следующее, что она помнила, – склонившегося над ней медика; он говорил, что ей чертовски повезло. Когда ее уносили, она оглянулась на убитого мужчину. Он лежал там с остекленевшим взглядом.

– Ты поэтому не можешь спать? – спросила Карли.

– Отчасти да. Поверь мне. Когда говорят, что война – ад, это правда.

– Мне очень жаль. Прости меня.

Мишель пожала плечами.

– Я сама ушла в армию. И переспала с Алленом.

– Но ты ведь винишь меня.

Мишель позволила себе слегка улыбнуться.

– С ума сойти, да? Я спала с твоим женихом, и ты же оказалась плохой. Даже я сама этого не понимаю.

Карли повозилась с браслетом, растянула его и положила на стол.

– Он должен быть у тебя.

– Нет, спасибо.

– Его носила твоя мать.

– Она не зря подарила его тебе.

– Нет. – Карли встала. – Потом я принесу тебе остальную ювелирку.

– Брось. У вас с ней были более теплые отношения. У меня есть отель. Этого достаточно.

– Отель всегда был твоим.

– Я знаю.

Карли кивнула и ушла. Мишель прекрасно понимала, что ее подруга специально оставила браслет. Она взяла его, немного поизучала шармы и убрала в верхний ящик стола.

Глава 15

Остаток утренней смены Карли провела в хлопотах. Ей нравилось, что это отвлекало ее от разговора с Мишель – в основном потому, что она не могла решить, как к нему отнестись. Да уж, сложные у них отношения.

С одной стороны, бывшая подруга вела себя после возвращения как настоящая сука. Ведь Карли работала в отеле не покладая рук, изо всех сил старалась ладить с Брендой. С другой стороны, Мишель росла с истеричной матерью, переносила ее деспотизм и научилась выживать в невозможных условиях.

Мишель спала с Алленом – и это непростительно. Но Карли была готова признать, что Аллен, пожалуй, виноват не меньше. Может, и ее вина тут есть. В конце концов, они обе хотели с ним встречаться. Она победила, потому что спала с ним, а Мишель нет. Потом, после помолвки, она хвасталась своим кольцом, своими планами и всем остальным и настаивала, что Мишель должна радоваться за нее.

Все это было скорее вызвано восторгом от того, что она нашла человека, который будет любить ее, но при этом она чуточку радовалась возможности утереть нос Мишель. И это было не очень честно.

А теперь? Теперь они взрослые и ей надо решить, что важно, а что нет.

Карли закончила проверку убранных номеров и вернулась за стойку регистрации. Полин и Сет оставили маленькие подарки трем парам, которые должны были приехать днем. Она положила их в ячейки вместе с ключами от номеров.

Жизнь была бы проще, если бы Мишель всегда вела себя подло, думала она по пути в свой кабинет. Тогда она могла бы всей душой ненавидеть ее и работать кое-как. Но сейчас они обе вынуждены разбираться с ситуацией. Карли даже не чувствовала себя вправе негодовать. В конце концов, Мишель, хоть и спала с Алленом, служила в армии и рисковала своей жизнью.

Карли вошла в крошечное помещение, служившее ей кабинетом, и остановилась, увидев на столе две коробки. Первая была с ноутбуком, вторая – с принтером.

Она рассталась с Мишель меньше трех часов назад. Неужели та тут же бросилась покупать ей компьютер? Скорее всего. Такие вещи Мишель не стала бы надолго откладывать.

На коробке с ноутбуком лежал пакет программного обеспечения для Microsoft Office с запиской: «Надеюсь, ты не наврала, что знаешь “Эксель”».

– Не наврала, – пробормотала Карли, не зная, то ли рассмеяться, то ли швырнуть что-нибудь от злости.

Она села в кресло и уставилась на коробки. Зачем Мишель понадобилось проявлять такую любезность? Она уже собиралась вынуть из коробки ноут, но вдруг увидела конверт со своим именем.

Открыла конверт и уставилась на чек, лежавший внутри.

Хорошо, что она сидела. Иначе она упала бы в обморок и ударилась головой. А так у нее всего лишь перехватило дыхание. Она не могла ни моргать, ни говорить, только сидела и таращила глаза.

– Я...

Тело онемело, а мысли метались, замирали и снова принимались метаться.

Чек, позволявший снять деньги с личного счета Мишель Сандерсон, был на десять тысяч долларов.

Десять тысяч.

Десять.

Тысяч.

Карли попыталась встать и поняла, что у нее слишком сильно дрожат коленки. Она все-таки ухитрилась втянуть в себя воздух и сделать вдох, потом другой.

Правда это или жестокий обман? Потому что если правда, то она получит какую-то финансовую независимость, которой у нее не было никогда в жизни. Появятся деньги на черный день. Если она потеряет работу, то сможет переехать и внести залог за квартиру в Сиэтле. Она может учиться в местном колледже. Она может позволить себе оплачивать страховку.

Слезы жгли ей глаза, но она не сразу это поняла.

Зачем? Что это такое?

Она сумела встать и, сжимая в пальцах чек, заковыляла к Мишель. Распахнула дверь.

– Я не понимаю.

Мишель подняла взгляд от компьютера.

– Это все, что я сейчас могу.

– Я ничего не просила.

– Нет, но тебе причитается. Моя мать десять лет недоплачивала тебе. Хотя ты жила тут бесплатно и частично питалась, она платила тебе по минимуму. Она была не права. Извини. Это частичный возврат твоей зарплаты. Как я сказала, пока это все, что я могу себе позволить.

Ее слова скользили мимо сознания Карли. Неужели это правда?

– Вот прямо так? – спросила она.

Мишель пожала плечами:

– Вина – сильный мотиватор. Мне не нравится, как она обращалась с людьми.

Что она сделала с тобой. Мишель не произнесла вслух эти слова, но Карли их слышала.

– Спасибо, – прошептала она.

– Не за что.

Карли направилась к двери. Потом обернулась:

– И спасибо за компьютер. – Уголки ее губ приподнялись. – Я правда умею работать с «Экселем».

– Вот и хорошо.

* * *

По новому графику Мишель должна была во вторник днем дежурить за стойкой регистрации. Она оперлась на табурет, который притащила из кухни, и размышляла, готова ли она работать с гостями отеля. Все же в эти дни у нее было мрачноватое настроение.

Усталость ей не помогала. Она по-прежнему мало спала. А когда погружалась в сон, ей снились вещи, которые она предпочла бы забыть. Пока еще она могла списывать все на боль, но только зачем? Рано или поздно бедро заживет.

При виде подъехавшего автомобиля она нервно поправила на себе блузку. После возвращения она избегала встреч с гостями отеля. Она забыла, как с ними общаться, что полагается говорить. Карли никогда бы не поставила ее на ресепшен. Но это был *ее* отель, и, если она

намерена добиться его процветания, придется делать кучу некомфортных вещей.

Она увидела в окне дорогой седан и вышедшую из него пару. Женщине было под сорок, может, чуточку больше. Светловолосая, со стильной стрижкой. Мишель много лет не удосуживалась смотреть модные журналы, но по-прежнему опыту поняла, что одна лишь одежда женщины стоила четырехзначную сумму – и это не считая туфель или сумочки. На плечах мужчины был завязан свитер, и Мишель чуть не закатила глаза. Слишком выпендривается.

Она чуть не фыркнула, потом набрала на клавиатуре и распечатала список ожидавшихся сегодня днем гостей. Психотерапевтическая группа, поняла она, прочитав пояснение возле трех пар фамилий.

Мишель снова выглянула в окно и заметила, что, поднимаясь по ступенькам, они не разговаривали. Что женщина напряженно выпрямила спину, а мужчина казался растерянным и невыносимо печальным. Теперь их дорогая одежда и шикарный автомобиль уже не казались ей такими пугающими.

Позади седана остановился внедорожник, из него вышла еще одна пара того же возраста. Мишель собралась с духом и изобразила на лице улыбку.

– Добрый день, – сказала она, когда в отель вошла первая пара. – Добро пожаловать в наш отель. Я Мишель. Вы хотите зарегистрироваться?

Мужчина кивнул:

– Дуг и Уитни Фармер.

Мишель нашла их в списке.

– Мы вас ждали.

Она взяла протянутую кредитную карту и провела ею по платежному терминалу. После оплаты вручила им ключи от номера и оставленные для них упаковки. Потом сообщила часы работы ресторана и сувенирной лавки.

Дуг и Уитни молча выслушали ее, не сказав ни слова ни ей, ни друг другу. С первого взгляда она поняла, что их брак на грани катастрофы. Впрочем, она ничего не знала о терапии супружеских отношений. Возможно, она кому-то и помогала, хотя Мишель не думала, что любой брак надо спасать. Ее брак был катастрофой с самого начала, да к тому же огромной ошибкой. Они вообразили, что

любят друг друга, а реальность это опровергла. Но у них по крайней мере не было детей – минус повод для беспокойства. Меньше чем через четыре месяца после импульсивных клятв верности они подписали бракоразводные бумаги.

В вестибюль вошла вторая пара. Маленькая рыжеволосая женщина широко улыбнулась.

– Разве тут не прелестно? По-моему, очаровательно. Я люблю герберы и ромашки. Вы видели клумбы? Они такие красивые. Тут все будет чудесно.

У Мишель свело скулы от ее бойкости и задора. Как хорошо, что ей не надо присутствовать на их занятиях. Иначе она будет вынуждена прихлопнуть эту женщину, и это вызовет разговоры.

– Добро пожаловать, – проговорила она, начиная приветствие заново.

Роббинсы прибыли из Бельвю и были в *таком* восторге. Во всяком случае, Фэй. Мишель их тоже зарегистрировала.

Потом пришла Карли и вызвалась проводить всех гостей в их номера.

– В каждом из ваших номеров есть камин, – сообщила она, направляясь к лестнице. – Он газовый, так что вам нужно только щелкнуть выключателем. В шкафу лежат дополнительные подушки и одеяла. Если вы что-то забудете, просто звоните. Как я поняла, сегодня вы встретитесь с Полин и Сетом за обедом. Мы уже распечатали инструкции.

Карли поднималась по лестнице, и ее голос слышался все слабее.

Фэй и ее супруг на секунду задержались. Рыжеволосая коротышка сверлила взглядом мужа.

– Что? – настороженно спросил он.

– Ты смотрел на ее сиськи! Как ты мог?

С этими словами Фэй двинулась вслед за Карли. Ее плечи вздрагивали, словно от рыданий. Ее супруг постоял немного, опустив голову, и пошел за женой.

Не успели они уйти, как прибыла третья пара. Мишель зарегистрировала их тоже и отправила наверх к Карли.

Через несколько минут та спустилась в вестибюль.

– Как-то странно, – пробормотала она и оглянулась на лестницу, словно боялась, что ее подслушают. – Мне показалось или все эти люди

и правда грустные?

– У них проблемы с браком.

– Знаю. Хорошо, что они получают помощь, но это...

– Удручает? – спросила Мишель.

– Да, и я не могу понять почему.

Ни Карли, ни Мишель не росли в счастливых семьях, но Мишель сомневалась, что у их родителей или у них самих была бы такая реакция на разваливающийся брак и на возможность все исправить.

– Может, им помогут эти несколько дней, – неуверенно заметила она.

– Надеюсь, – пробормотала Карли, снова взглянув на лестницу.

– Тогда они будут возвращаться к нам каждый год и праздновать это событие.

– О'кей, мне нравится такой конец. – Карли рассмеялась. – Он счастливый. Вообще, семейная жизнь – непростая штука.

Мишель согласилась с ней.

Она вдруг осознала, что у Карли тоже распался брак. Только тут пострадал ребенок. Теперь маленькая девочка росла без отца. Мишель тоже была виновата в этом.

Она вздохнула:

– Прости, что я спала с Алленом.

Карли резко повернулась к ней.

– О'кей, – осторожно ответила она. – Спасибо. И я понимаю, что он тоже хорош.

«Раньше она не хотела этого признавать», – подумала Мишель. Она чувствовала облегчение: Карли сделала шаг к перемирию.

– Я злилась, – сказала Мишель, опираясь на табурет, чтобы ослабить давление на бедро. – Ты получила его, ты была помолвлена да еще хотела, чтобы я участвовала во всем. Может, ты вела себя как моя подруга, но мне казалось, будто ты утираешь мне нос.

– Так и было, – призналась Карли. – Чуть-чуть. Но вообще я была очень счастлива. Мне казалось, что я наконец нашла того, кто любит меня. А до этого я чувствовала себя такой сломленной и опустошенной. Раз Аллен любит меня, значит, со мной все нормально. Вот как я думала – мол, посмотрите на меня, я не лузер.

– Ты не была лузером. Что ты выдумываешь?

– Нет, была, – ответила Карли. – Он выбрал меня, а не тебя, только потому что я первая стала спать с ним. Думаю, ты ему больше нравилась. Правда.

Мишель даже не знала, как на это реагировать.

– Мы обе хороши. Но я хочу, чтобы ты знала, что мне очень жаль.

– Мне тоже.

«Мгновение хрупкого мира, – подумала Мишель. – Интересно, долго ли он продлится? В конце концов он разобьется, словно конфета из жженого сахара».

Ей хотелось сказать еще много всего. Она хотела подчеркнуть, что была невинной, а Аллен лишил ее девственности, так что она тоже пострадала. Но к чему это? Да, прошлое было. Назад дороги нет. Ничего не исправишь и не переделаешь. Остается лишь двигаться вперед в надежде, что там будет лучше.

Глава 16

Карли стояла на берегу и смотрела на серую воду Саунда. Дождь перестал, но порывистый ветер гнал волны по заливу. Низко летали журавли – то ли высматривали пищу, то ли затеяли какую-то сложную игру. Могут ли птицы играть? Считают ли они жизнь забавной? Она обычно не задавалась такими вопросами да и вообще нечасто думала о журавлях Пьюджет-Саунда. Но рядом с Леонардом говорить о чем-то другом было просто невозможно.

– Мы следовали за ними много миль, – пояснял он, привычно устремив взгляд на небо. – Они искали рыбу.

– Или морочили вам голову, – сказала Карли.

Леонард поглядел на нее, вытаращив глаза за стеклами очков.

– Зачем им так делать?

– Потому что они могут.

– Ты слишком высокого мнения об их способностях, – ответил он с улыбкой. – Следуя культурным традициям, мы любим очеловечивать все вокруг нас. Журавли лишены чувства юмора.

Она надеялась, что он ошибается. Смех украшает жизнь и делает ее приятнее.

– Тебе надо когда-нибудь отправиться со мной на лодке, – сказал он.

Она покачала головой и даже попятилась.

– Нет уж, спасибо. Я плохо переносу лодки. И воду.

– Ты живешь на острове.

– Я понимаю иронию ситуации, поверь мне. Но нет, водный транспорт не для меня. – Она посмотрела на Саунд. – Все это красиво, если смотреть издали, и я ничего не имею против моста или парома. Но что-то более мелкое? Нет, благодарю.

– Но ты ведь ходишь купаться? Плаваешь в заливе?

– Нет.

– Не купаешься или не умеешь плавать?

– И то и другое. – Она зябко пожала плечами. Ей всегда казалось странным, что она боится воды. Она не понимала причину, но не могла избавиться от страха. Сама мысль о том, что она шагнет во что-то глубже ванны, вызывала у нее волну страха.

– Я могу тебя научить.

До нее не сразу дошел смысл его слов и скрытый намек. Леонард жил в отеле почти три месяца. Они стали друзьями. Но не более того.

Она искоса поглядела на него. Высокий, широкоплечий, неглупый. Хороший парень. «Надежный, как Роберт», – подумала она. Ее окружали хорошие, надежные мужики, и ни один не интересовал ее. Пока что единственным, кто взволновал ее до дрожи, был Манго, но он слишком легко флиртовал и, как она подозревала, слишком часто.

– Леонард, – начала она, стараясь говорить мягко.

Он поправил на носу очки и кивнул.

– Не беспокойся, – ответил он. – Я догадываюсь, что ты собираешься мне сказать.

– Как это тебе удастся?

Он печально улыбнулся:

– Я не из тех, кто нравится девушкам. Особенно таким, как ты.

– Дело не в тебе. Я была уже замужем, и это было тяжело. Просто не представляю, смогу ли снова решиться на это.

– Ты все еще любишь его?

– Нет. Самое странное, что я вообще не уверена, любила ли его когда-то. – Она поколебалась, но все-таки добавила: – Он изменял мне.

– С Мишель?

– Что? Почему ты так решил?

– Она уехала и теперь вернулась. У вас напряженные отношения. – Он слегка покраснел. – Дамарис любит поговорить.

– Это точно. – Интересно, какими еще секретами повариха делилась с гостями отеля. – Все уже быльем поросло. Аллен был еще тот ходок и изменял мне со многими.

– Но ты все равно вышла за него?

– По глупости.

Если честно, то из-за беременности, но Леонард уже и так был наслышан о ее печальной истории.

– Он дурак, раз бросил тебя.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Я ценю твою поддержку. Но как бы мне ни хотелось спихнуть всю вину на Аллена, я тоже отчасти виновата в том, что у нас все разладилось.

– Если ты передумаешь, – неуверенно проговорил он, – ну, ты понимаешь, о чем я...

- Ты очень милый.
- Значит, нет. – Он вздохнул. – Что ж, могло быть и хуже. Ты могла сказать, что я хороший человек.
- Дурной знак?
- Даже не представляешь насколько.

* * *

Жара была мучительной сама по себе, но насекомые достали ее окончательно. Откуда ни возьмись появилась саранча и заполонила все. Хрустела под ногами. Врезалась на лету в лицо, запутывалась в волосах. Мишель ненавидела саранчу, ненавидела жару. Невыносимо горячий воздух обжигал ее, окутывал, словно толстое, дымящееся одеяло, вытягивал воздух из легких. Она хотела бежать прочь, но не могла. Заплетались ноги, не слушалось тело. Ей было жарко, слишком жарко. Перехватывало дыхание. Тогда она заорала. Она орала и орала до тех пор, пока не прошел кошмар.

Прерывисто дыша, она лежала в темноте и слушала стук конских копыт – это ее сердце стучало в грудной клетке. Пот покрывал каждый дюйм ее тела; несмотря на горевшую кожу, Мишель дрожала от прохладного ночного воздуха.

У нее путались мысли; она не могла сообразить, куда попала и все ли с ней в порядке. Возможно, она крепко спала – так крепко, что позволила кошмарам всплыть на поверхность. Возможно, все еще действовал алкоголь – она выпила немного перед сном. Значит, она заснула не так давно и не могла проспать очень долго.

Она машинально протянула руку вправо и включила лампу. Часы на столике показывали половину первого. Она спала меньше часа.

Сознание зарегистрировало эту мысль, и все прояснилось. Мишель узнала комнату, мебель, темную веранду за окном. Внезапно она услышала скрип двери и резко повернулась.

На пороге стоял Джаред. Босой, со взъерошенными волосами. На нем были только джинсы и больше ничего. Золотистая растительность покрывала его грудь и уходила вниз, за расстегнутый пояс джинсов. В другой ситуации Мишель, возможно, подумала бы, что он выглядит

сексуально. Но его глаза смотрели настороженно, не так, как мужчина смотрит на женщину, которую хочет.

– Какого хрена тебе тут надо? – сердито воскликнула Мишель, натягивая одеяло до подбородка. – Это моя комната. Если ты не будешь уважать мое личное пространство, мне придется съехать отсюда.

– Не тарахти. Я просто проверил, все ли у тебя в порядке.

– Зачем? Ты что, ловишь кайф при виде спящих баб?

– Не слишком. Мне надо было убедиться, что ты жива.

– Что могло со мной...

Тот кошмар, мрачно подумала она, вспомнив, чем он закончился. Ее криком. Значит, она кричала не во сне.

– Я разбудила тебя? – спросила она уже менее сердито, но по-прежнему была недовольна присутствием Джареда.

– Так иногда бывает. – Он пожал плечами.

В госпитале сиделки говорили, что она часто кричит во сне. Информация подавалась так, будто это было обычным делом. Вероятно, в отделении не одна она страдала от последствий того, что приходилось видеть и делать на войне.

– Часто? – спросила она.

– Несколько раз в неделю.

– Извиняюсь. – Она поморщилась.

– Не надо извиняться. Ты всякого там повидала.

– Лучше бы я вернулась домой с язвами. Так было бы тише.

– Пройдет, не переживай.

– Откуда ты знаешь? Какая-нибудь рыбка нашептала?

Он прислонился плечом к дверному косяку. Ее взгляд невольно задержался на расстегнутом поясе джинсов, затем на молнии, застегнутой в явной спешке.

В животе что-то защекотало. В самом низу. Что у Джареда под джинсами? Трусы-боксеры или слипы? Или вообще ничего?

– Я тоже служил.

Его слова шли вразрез с ее мыслями. Мишель даже не сразу вспомнила свой вопрос, а когда вспомнила, закрыла лицо руками.

– Прости. Правильно. Ведь я знала об этом. Просто у меня каша в голове. – Она опустила руки и взглянула на него. – И что ты там делал?

– Я был снайпером.

Снайпером...

Она мысленно выругалась. Чья бы корова мычала. И ведь это еще не все. До нее доходили всякие слухи. Местные сплетники любили душераздирающие истории, и Джаред тоже получил свои пятнадцать минут славы.

Он вернулся на остров с женой, молоденькой и красивой. Она была откуда-то с Восточного побережья или из какого-нибудь штата, начинающегося с гласной^[8]. Но то ли ей пришлось не по вкусу жизнь на острове, то ли не понравилось быть женой парня, который занимается лодками, – так или иначе, она исчезла с местного горизонта. Все это произошло как раз накануне отъезда Мишель.

– У тебя бывают кошмары? – спросила она. – Снятся те события?

– Уже нет. Я получил помощь. Тебе нужна группа.

– Я не хочу.

– Я не говорю, что тебе это обязательно понравится. Ты должна разобраться и понять, через что ты прошла. И как с этим справляться. Тебе нужен кто-то, Мишель. Найди себе группу.

Он говорил тихо, настойчиво. Сексуально.

Ее взгляд скользил по его голой груди, широкой и мускулистой. Властный парень, такие бывают в постели и хорошими и плохими – все зависит от подхода. Она чувствовала, что Джаред из хороших.

В ее животе снова что-то шевельнулось, стало щекотно.

Если позвать его, как он к этому отнесется? Придет? Она не была в этом уверена. Насколько ей было известно, он уже встречался с какой-то женщиной.

Но у нее были и другие причины. Во-первых, ей хотелось писать. Во-вторых, нужно было бы почистить зубы, и она не знала, как это сделать непринужденно.

– Подумай об этом, – сказал он.

Она с разочарованием сообразила, что он не о сексе.

Но все равно кивнула.

– Я могу дать тебе телефон, – добавил он.

– Ты что, хранишь информацию о местных группах поддержки ветеранов?

– Детка, ты у меня не первое родео. Где ты нашла информацию об этой комнате? На доске объявлений реабилитационного центра, так?

– Угу.

– Я специально это там повесил. Комнату я держу для вернувшихся с войны солдат. Чтобы у них было спокойное место для привыкания к мирной жизни. Я сам прошел через ад и хочу им помочь.

Она открыла рот. Закрыла. Просто отлично. Она думала о сексе, а он считал ее объектом благотворительности. Вот так всегда.

– Катись отсюда, – зарычала она.

Его усмешка удивила ее.

Она завела руку за спину и схватила подушку. Но когда швырнула ее, он уже ушел.

– Придурок, – пробормотала она, снова откинувшись на матрас и погасила свет.

Но она тоже улыбалась, и неожиданно темнота показалась ей скорее приветливой, чем опасной.

* * *

Карли расправила покрывало, отступила на шаг и обвела взглядом комнату.

Шторы были раздвинуты, и бледный солнечный свет лился на деревянный пол. Лампы стояли точно в центре двух тумбочек. Простыни свежие, пыль вытерта, полы пропылесосены.

У стены на узком столике – бутылки с водой, кофейник и пакетики с кофе, пачки печенья, парочка почтовых открыток и карта города. В ванной аккуратно висят пушистые полотенца, на крючках на обратной стороне двери – халаты, поперек ванны стоит поднос с мылом, солями и пеной.

Она уже успела забыть, какое удовольствие испытывала, готовя комнату для нового гостя. Ей нравилось, когда все сверкало чистотой, а на постели не было ни морщинки. Нравилось расставлять свечи и включать радио на классическую станцию. Она гордилась своей работой.

В эти дни она могла узнать, какой сорт кофе нравился гостям больше всего и какие лакомства они предпочитали. Убираясь в комнатах, она видела вскрытые упаковки печенья, где не хватало только одной штучки, словно они были слишком невкусными. В любом случае

угощения приходилось пополнять и лучше знать, что понравится гостям, а что они просто откроют и попробуют.

Она сделала пару записей в блокноте и сунула его в карман. Теперь трижды в неделю она убирала пару комнат после обеда. Это было в качестве помощи, но еще ее радовала возможность быть ближе к гостям.

Убедившись напоследок, что не забыла ничего убрать, она сняла перчатки и вышла из номера. В коридоре она услышала неровные шаги. Из-за угла вышла Мишель.

– Я не знала, что ты можешь одолеть лестницу, – сказала Карли вместо приветствия.

– Полный отстой, но я все равно решила подняться сюда.

Карли стиснула зубы и сжала в кулаке перчатки. «Не стоит и удивляться», – сказала она себе, отходя, чтобы Мишель могла зайти в только что убранный номер. Вся в мать.

Она знала, что последует дальше. Довольно откровенные оскорбления, намеки – короче, игра в босса и подчиненного.

Мишель захромала к ней, но остановилась и нахмурилась.

– Что?

– Давай, начинай.

– Что начинать? Я приперлась сюда, потому что еще ни разу не была тут после возвращения. Ты убираешь комнаты. Я могу лишь с трудом втащить сюда свою задницу и взглянуть на них. Вдруг моя мать и их превратила хрен знает во что? С ее ужасным вкусом можно ожидать чего угодно.

Напряженность растаяла, и Карли даже почувствовала слабость.

– О.

– О? Что происходит?

– Я думала, ты поднялась сюда проверить мою работу.

– Ты убирала комнату, Карли. Ты столько лет работала тут экономкой. Что мне проверять? – Мишель сдвинула брови и выругалась. – Дай угадаю. Еще одно наследие моей милой матушки. Она и надо мной так издевалась. Давала разные ценные указания. – Она кашлянула. – Например, что туалет надо мыть по часовой стрелке. Оно нравилось мне больше всего. Почему? Потому что сила вращения земли помогает руке, а если мыть против часовой стрелки, то будет мешать.

Карли рассмеялась:

– Она всегда говорила мне, что я неправильно раскладываю на подносе банные принадлежности. Один раз я даже записала ее слова, носила с собой бумажку и показала ей в следующий раз, чтобы она увидела, что я делаю все точно как она велела.

– Ого, как дерзко. Сомневаюсь, что она была довольна.

Карли вспомнился ледяной взгляд Бренды и ее слова, мол, Карли лучше бы поискать работу в другом месте. И как пришлось умолять Бренду не увольнять ее.

– Да, она разозлилась.

Мишель вошла в комнату и огляделась.

– Очень приятно, – сказала она.

– Тебе ведь не нравится постельное белье.

Мишель посмотрела на ткань в цветочек.

– Угу. Буквально каждый сантиметр, но это всего лишь мое мнение. Я уверена, что гостям это нравится.

– Ну, они не жалуются.

– Практически одно и то же. – Мишель приковыляла к окну и выглянула в него. – О, вижу, наши психотерапевты ведут занятия.

Карли присоединилась к ней. На дальнем краю лужайки возле моря сидели три пары. Им что-то втолковывали Сет и Полин.

– Они не создают нам проблем, – заметила она. – Утром встают и уходят на целый день.

– Да еще не занимаются сексом в постели. Это мило. А вот раньше я терпеть не могла находить презервативы в корзинках для мусора. Бррр.

– Согласна, – засмеялась Карли. – Но ведь мы не можем просить гостей, чтобы они забирали их с собой.

– Почему нет? Ведь они привозят их сюда. Пускай представят себе, что это пляж. Они ведь уносят с собой бутылки и упаковки, когда уходят с него. Пусть забирают и гондоны.

– Так не получится. Ведь они наши гости.

– Ты романтизируешь бизнес. Это плохо.

Они засмеялись.

«Вот так все и было когда-то, – подумала Карли. – Легко и просто». Когда-то давно, когда они дружили, когда жизнь еще казалась разумной и она понимала ее правила. Но потом все переменялось.

Ей захотелось вернуть те времена. Снова дружить с Мишель. Чтобы они доверяли друг другу.

Где-то на парковке стрельнул автомобиль. Карли поглядела в окно и увидела отъезжавшую машину.

– Кому-то нужно отрегулировать двигатель...

Мишель побелела как полотно и дрожала всем телом. По ее лицу струился пот.

– Что с тобой? – ничего не понимая, спросила Карли.

Мишель дико озиралась по сторонам, словно не понимала, где находится. Карли протянула к ней руку.

– Не трогай меня.

Слова прозвучали у нее где-то в горле, словно львиный рык. Карли попятилась, Мишель прижалась к стене.

– Ты иди, – сказала она. – У меня все нормально.

Карли колебалась.

– Катись отсюда!

Смех исчез, как и момент единения. Карли забрала перчатки и прочие принадлежности для уборки и ушла.

Глава 17

Все еще дрожа, Мишель скорее сползла, чем сошла вниз по ступенькам. Звук взрыва – нет, не взрыва, напрасно убеждала она себя, – все еще звучал в ее голове.

Она не помнила, как прошла через вестибюль, хотя точно проходила там, потому что, опомнившись, обнаружила себя в пустом ресторане. И отправилась на кухню, где Дамарис готовила ланч.

Подруга взглянула на нее и тут же подвинула к ней табурет.

– Сядь, – приказала она. – Немедленно.

Мишель шагнула к ней и тяжело плюхнулась на сиденье. Бедро буквально завопило – видимо, в знак протеста.

– Не говори Карли, что я держу это здесь, – сказала Дамарис, зашла в кладовку и вернулась с бутылкой виски.

Она налила немного в стакан, посмотрела на Мишель и добавила еще чуточку.

– Пей, – приказала она, подав стакан.

Мишель сделала большой глоток, позволив жгучей влаге стереть остатки страха.

– Что случилось?

Мишель вздохнула:

– Ничего. Глупости. Я была наверху, и стрельнул автомобиль. Но мне показалось...

Дамарис подошла к ней и обхватила руками.

– Бедная девочка. Ты прошла через такой ад. Неправильно это. Женщины не должны служить в армии.

Ее слова рассмешили Мишель.

– Ты отстала от жизни лет на семьдесят.

– Нынешние времена неправильные. Зачем ты вообще ушла из дома?

Мишель подняла брови.

– Ладно. Может, тебе хотелось уйти отсюда. Но почему сразу в армию? Да еще на десять лет? – Дамарис разжала объятия. – Погляди на себя теперь. Вся израненная и дерганая. Но ничего, ты уже поправляешься.

Мишель не поняла, вопрос это или утверждение.

– Стараюсь. – Она прикончила виски и поставила стакан на стойку. – Что сегодня на ланч?

– Жареный цыпленок и вяленые томаты на фокачче. С сыром. – Дамарис наморщила нос. – Тут ко мне зашли эти психологи.

– Сет и Полин?

Повариха кивнула:

– Они просили меня, чтобы в меню ланча было больше здоровых блюд.

– И твой ответ?

– Цыпленок.

Мишель даже не знала, стонать ей или смеяться.

– Разве ты не могла сделать салат?

– Салаты не еда.

С таким аргументом Мишель не могла согласиться.

Выглянув в окно, она увидела, как упомянутые психологи выполняли с группой новое упражнение. Женщины стояли лицом к мужчинам. Каждый раз, когда они делали какое-то движение, мужа копировали его.

– Глупости какие, – фыркнула Дамарис, проследив направление взгляда Мишель. – Ты вышла замуж, вот и живи с мужем. И все. Счастлива или нет – не имеет значения. Мужчина не может сделать женщину счастливой. Это все равно что просить кота, чтобы тот вырастил крылья. Это не в их натуре. Счастье у нас вот тут.

Она похлопала себя по груди.

– Чем скорее женщины примут то, что мужчины не меняются, тем счастливее они будут. Я вышла за своего в восемнадцать лет. Если бы я ожидала, что он сделает меня счастливой, то померла бы, так и не дождавшись. Ты должна наладить жизнь. Быть хорошей женой, родить детей. Вот в чем счастье. Погляди на своего отца. Он сделал твою мать счастливой? Нет, конечно.

– Он бросил ее.

– Вот именно. Жил тут, а потом взял и ушел. Она так и не смирилась с этим. Я не говорю, что он должен был поступить так, как поступил, но, когда он ушел, у нее был выбор.

Логика была так себе, но Мишель невольно согласилась со словами насчет Бренды. Мать могла бы справиться с тем, что случилось. А вместо этого предпочла быть вечной страдальцей.

– Мама тяжело это перенесла, – пробормотала она и подумала, какой была бы ее жизнь, окажись мать другим человеком. Хотя, может, глупо задавать такие вопросы? Все равно что мечтать о крылатом коте?

– Плевать мне на нее, – отмахнулась Дамарис, – хотя о покойниках не говорят дурное. Но я беспокоюсь за тебя. На тебя столько всего навалилось, да еще сразу. Твоя мать должна была заботиться о тебе. Вместо этого ты заботилась о ней.

«В основном из чувства вины», – подумала Мишель. Потому что в душе знала, что отец любил ее больше, чем жену, и даже ребенком догадывалась, что это неправильно. Хотя любовь к дочке не помешала ему уйти из дома.

Ей было шестнадцать, когда она застала отца в постели с матерью Карли. Та картина навсегда запечатлелась в ее памяти: двое взрослых, которых она любила и уважала, предали всех. Она до сих пор помнит, как прыгали голые груди Ланы, как она выгибала спину, как голова Фрэнка виднелась между ее раскоряченных ног.

Сначала Мишель даже не поняла, чем они занимались, и просто стояла разинув рот, пока ее постепенно захлестывали стыд и ужас. Должно быть, она издала какой-то звук, потому что они оба внезапно повернулись и посмотрели на нее. Шок на их лицах, вероятно, отражал ее собственный.

Она убежала. Слетела вниз по ступенькам, выскочила из отеля, еле дотерпела до края дороги и там блеванула. Потом снова бежала и бежала, пока холод и дождь не заставили ее остановиться.

По ее щекам лились слезы. Она все еще рыдала, когда отец ее отыскал.

– Мне жаль, что ты это видела, – пробормотал он.

Это было самое близкое к извинению, что он ей сказал. Он не поинтересовался, как себя чувствовала дочь, и даже не объяснил, почему он изменял жене с ее лучшей подругой – с матерью лучшей подруги Мишель. Вместо этого он бубнил о том, как важно, чтобы Мишель молчала.

– Твоя мать этого не поймет, – сказал он.

Мишель хотелось закричать, что она тоже этого не понимает. Что так делать неправильно.

– Ты моя хорошая. Мне нужно, чтобы ты хранила этот секрет.

Он стал объяснять, почему это так важно, но она не могла больше ничего слышать. Она согласилась – но не потому, что приняла его аргументы; скорее, не могла себе представить, как об этом рассказать.

Она всегда была папиной дочкой. Он укладывал ее спать, когда она была маленькой, поправлял одеяло, читал ей сказки. Ей было с ним уютно и спокойно.

Все это исчезло в тот день, когда она увидела его в постели с матерью Карли.

Мишель прикинулась больной и два дня не вставала с постели. Она не могла смотреть на отца и разговаривать с матерью. Медленно, очень медленно жизнь вернулась в привычное русло, и Мишель велела себе делать вид, будто ничего не случилось.

На следующий год, когда Карли и Мишель заканчивали школу, отец сбежал с Ланой. Они исчезли одним вечером, оставив записки. Их любовь слишком велика, чтобы ее отрицать, говорилось там.

Тогда Мишель рассказала всю правду Бренде и Карли. Она ожидала, что они будут горевать все вместе. Вместо этого Бренда и Карли обвинили ее. Мать утверждала, что, если бы дочь сказала ей правду, Фрэнк остался бы дома. Что Бренда придумала бы что-нибудь и остановила его. Карли соглашалась с ней.

Отношения с матерью никогда не были особенно теплыми, а после бегства Фрэнка стали еще хуже. Но куда больше Мишель огорчила ссора с лучшей подругой. Карли исчезла из ее жизни. Последний школьный год Мишель была совершенно одинокой – за считанные часы она потеряла отца, мать и подругу.

Дамарис подвинула к ней стакан.

– Пей, – снова велела она. – Зря мы завели речь об этом. У тебя и так хватает огорчений. Сейчас тебе не нужно вспоминать прошлое.

– Согласна, – пробормотала Мишель, понимая, что уже слишком поздно. – Он звонил мне.

– Кто? Твой отец?

Мишель кивнула:

– Пару раз. Не знаю, откуда у него мой номер.

– Не гляди на меня так. Я ничего ему не давала.

– Я знаю.

– Может, Карли.

Мишель сомневалась в этом.

- Разве она общалась со своей матерью?
- Откуда я знаю? Мы с ней редко разговариваем.
- Вы вместе работаете.

Дамарис фыркнула:

– Мы вместе работаем в отеле, но у нас никогда не было дружеских отношений. Она всегда приходит сюда и говорит, что мне делать. А я ее игнорирую.

«И это нужно прекратить», – подумала Мишель.

Карли своим трудом заработала право командовать в отеле. Взять, к примеру, написанные от руки карточки с приветствием гостям и заботу, с какой Карли убирала комнаты. Честно говоря, Мишель чертовски повезло, что Карли работала в отеле все эти годы.

Дамарис снова налила ей виски.

– Ты знаешь ее прошлое. Она была шалавой – так и останется ею.

– Нет, – твердо возразила Мишель. – Я знаю, что она не спит с кем попало. Карли слишком любит дочку, чтобы так рисковать. Она лучше многих знает, что это значит для семьи. К тому же она много работает. Когда у нее найдется время спать со всеми подряд?

– Ну, не сейчас, а раньше. В школе. А этот ее муженек? Он правильно сделал, что сбежал.

Дамарис энергично отстаивала свою правоту, но не слишком подкрепляла ее фактами.

– Школа давно в прошлом.

– Возможно, но Карли и сейчас такая же. Поверь мне.

«Да, проблема», – подумала Мишель позже, сидя в своем кабинете. Она доверяла Дамарис. Но доверяла и Карли тоже. Это ставило ее в неловкое положение: совершенно непонятно, кому верить больше.

* * *

– Надо закрыть все это к чертям, – пробормотала Мишель, стоя посреди сувенирной лавки.

– Не торопись и сначала подумай, – возразила ей Карли. – Seriously, нет смысла просто закрывать двери. Во-первых, придется что-то делать с товаром. Что-то можно вернуть, но мы должны будем заплатить сбор и точно потеряем деньги. И потом, пока мы не

придумаем, как использовать это помещение, мы не получим деньги за аренду.

– Деньги за аренду?

– А лавка разве не платит за аренду? В этом же все и дело. Она задумана как отдельный бизнес, не связанный с отелем. У Бренды была идея войти в ретейл.

Карли тогда возражала ей, мол, это будет распылением средств. Конечно, это было давно, когда она верила, что станет совладелицей отеля. Бренда клялась, что сувенирная лавка будет самостоятельной.

После открытия лавки Карли обнаружила, что ей нравится работать там несколько часов в неделю, но удачным бизнес-проектом лавка от этого не стала.

Мишель оперлась на кассовый столик и вздохнула.

– Она врала. Господи, я уже устала это повторять. Мы можем это прекратить? О чем бы мы ни говорили и какие бы планы ни обсуждали, если речь пойдет о моей матери – она врала. И да, мне очень жаль.

– Хорошо сказано: искренне, честно, немного жалобно. – Карли улыбнулась. – По-моему, ты идешь на поправку.

Мишель прищурилась:

– Ты смеешься над моим ПТСР?

– Нет. Только над тобой. Я уважаю твое ПТСР.

Мишель пристально смотрела на нее. Карли напряглась. Мишель может рассмеяться, и тогда они сделают еще один шаг к прежней дружбе, а может и швырнуть на пол какую-нибудь керамику с узором из ежевики.

– Поцелуй меня в зад, – усмехнулась Мишель.

– Мы никогда не были с тобой настолько близкими для этого. – Карли перевела дух. – О'кей. Давай к сути. Насколько я понимаю, судя по отсутствию денег за аренду, тут нет отдельной бухгалтерии и лавка не является самостоятельной?

– Нет такого счастья.

– Надо ли это менять? – Карли подняла руку. – И, по-моему, еще более важный вопрос – поможет это или навредит? Или, может, не стоит париться вообще, если мы собираемся закрыть ее. Как бы то ни было, я полагаю, что мы можем тут что-нибудь устроить.

Мишель обвела взглядом помещение:

– Ты права, просто закрыть двери глупо. Могу сказать, что мы все-таки зарабатываем тут немного, и я не хочу, чтобы эти метры пустовали. Вот только здесь целая тонна невостребованных товаров.

Карли положила на стол распечатки.

– Я прошлась по спискам и пометила товары, которые хорошо продаются, и те, что уже залежались.

– А колонка с безобразными есть? Тут их слишком много.

– Дай-ка я угадаю. Ты ненавидишь все, на чем есть ромашки и другие цветы.

– Да. Ежевика, по крайней мере, поддерживает экономику острова.

– Ромашки просто красивые.

– Ежевику можно есть.

– Ты считаешь ценным только то, что съедобно? Как тогда быть с местной бейсбольной командой?

– Парочка игроков и там довольно сочные, – засмеялась Мишель. – Зачет?

– Пожалуй. – Карли внимательно смотрела на распечатки. – Больше всего меня заботят куклы.

Она пошла к полкам. Мишель за ней.

– Они здесь не в тему, – продолжала Карли. – Среднему туристу это неинтересно, а серьезные коллекционеры не знают, что они продаются у нас.

– Тебе они не нравятся?

– Нет. По-моему, они жуткие. Гляди, какие у них маленькие руки. Я все боюсь, что они оживут ночью, явятся ко мне в комнату и выковыряют мой мозг.

– Правда? – Мишель наклонила голову.

– Нет, но я не увлекаюсь куклами. Я сделала несколько звонков и нашла в Беллингеме магазин игрушек. Его хозяйка заинтересовалась товаром. Она приедет и заберет их по нашей закупочной цене. Мы не заработаем денег на этой сделке, но и не потеряем их.

– Лучше бы заработать.

– Согласна, но за два месяца мы не продали ни одной куклы. Многие лежат у нас почти год.

– Глупая была покупка. – Мишель вздохнула. – Дай-ка отгадаю... Идея моей матери?

– Да, но я выбрала все, что с ромашками.

– Берешь на себя часть вины?

Карли захлопала глазами.

– Некоторые товары с ромашками у нас прекрасно продаются.

Мишель ткнула пальцем в коллекцию фарфора с узором из ромашек. В ней было несколько тарелок. Но большинство полок были заставлены солонками и перечницами, а также держателями для салфеток и блюдами для торта.

– Вот эти?

– Они очень хорошо продаются, так что да, мы можем расширить выбор. Заказать еще больше.

– Тебе это нравится, да?

– Немножко. – Карли похлопала ее по руке. – Ты просто говори себе, что все люди – сплошные фрики. И сразу станет легче.

– Боюсь, этого будет мало.

Карли хотела сообщить, что у нее тоже есть несколько таких изделий, но решила, что она уже достаточно подразнила Мишель. Ей нравилось, что они снова могут разговаривать друг с другом как коллеги, а не как враги. И что босс прислушалась к ее советам насчет одежды и даже стала чуточку пользоваться косметикой. Она была все еще болезненно худой, но это, скорее всего, пройдет, когда у нее не будет так сильно болеть бедро.

– О'кей, ладно. – Мишель вздохнула. – Мы оставим эти ужасные тарелки. Что еще?

Карли показала на рулоны ткани:

– Бостон Флемминг – местная художница по текстилю. Она вручную раскрашивает ткань. Очень эксклюзивно и очень недешево. Наша лавка – единственное место, где можно купить ее изделия. Когда она не работает для конкретных клиентов, то воплощает в жизнь новые идеи, а мы продаем результаты.

– Мило, – одобрила Мишель. – Выглядит дорого.

– Около ста долларов за ярд^[9].

Мишель моргнула.

– Ну, пока что я не собираюсь покупать новое покрывало на диван.

Они проработали весь перечень товаров. Согласились, что надо сохранить книги и добавить новые работы местных художников, поспорили насчет типичных сувениров вроде магнитов и ручек. Мишель хотела их убрать.

– Мы работаем на туристов. Бабушки часто хотят привезти что-нибудь внукам, – возражала Карли. – Эти мелочи приносят нам деньги.

– Ладно, – буркнула Мишель. – Ты права.

– Никогда не надоест это слышать.

Мишель открыла было рот, чтобы ответить ей, но перевела взгляд – и ее глаза распахнулись, а губы растянулись в удивленной и радостной улыбке.

Карли не успела сообразить, что случилось. Мишель проскочила мимо нее почти бегом и распростерла руки.

Карли повернулась и увидела, как она бросилась к высокому темноволосому мужчине, который только что вошел в сувенирную лавку.

– Я проигнорировал табличку «Закрыто», – сказал он и подхватил ее на руки.

– Ты приехал! – радостно воскликнула Мишель. – Даже не верится, что ты здесь.

– Я приехал повидать тебя. Как и обещал.

Они смеялись, и мужчина даже покружил Мишель. Карли чувствовала, как они привязаны друг к другу и как радуются встрече.

«Значит, в жизни Мишель есть мужчина», – подумала она, повернулась и тихонько вышла, оставив их одних. Видный мужчина с улыбкой в глазах. Везет же некоторым.

Глава 18

– Не могу поверить, что ты здесь, – сказала Мишель, снова обнимая Сэма. – Почему ты не сообщил мне, что приедешь?

– Я просто взял и приехал.

Его легкая усмешка, веселые морщинки вокруг глаз – все было так ей знакомо.

– Как я рада тебя видеть.

– Я тебя тоже.

Они вышли из лавки, и она повела Сэма через холл в ресторан. Ланч еще не начался, но она показала Сэму на столик и направилась за подогревавшимся кофейником.

– Ты сядь, – сказал Сэм, догоняя ее. – Я сам принесу кофе.

– Я так плохо выгляжу?

– Ты хромаешь. Не люблю, когда тебе больно.

Рядом с ним она впервые за много месяцев чувствовала себя под надежной защитой.

– Когда ты приехал на остров? – спросила она, когда он вернулся. – На утреннем пароме?

– Я тут уже несколько дней, – ответил он, усаживаясь напротив.

– Что? И ты даже не позвонил мне?

– Я хотел тут немного оглядеться. – Он подвинул к ней сахар. – Ты так много рассказывала об этих местах, и мне нужно было убедиться, что твой знаменитый Ежевичный остров в самом деле такой замечательный, как ты обещала.

– Ну и как?

– Мне тут нравится.

– И ты не мог сначала заглянуть ко мне? Надо было одобрить мой родной город?

– Я устраиваюсь тут на работу. Вот почему не явился к тебе сразу после приезда. Ты не против?

Его темно-синие глаза глядели на нее. Он ждал ответа. Она знала, что он уедет с острова, если она скажет ему. Он не сделает ничего, что может огорчить ее или обидеть. Он всегда был хорошим парнем.

– Что за работа?

На его лицо вернулась усмешка.

- Ты еще спрашиваешь?
- Шериф.
- Помощник. Но довольно скоро стану шерифом.
- Все точно пришли в восторг от твоего резюме.
- Оно их впечатлило.

Сэм служил в армии двадцать лет и почти все годы в военной полиции. Его опыту и квалификации мог позавидовать любой провинциальный шериф.

- Тебе нужна характеристика? – спросила она.
- Пока нет.
- И все-таки ты мог бы сообщить мне, что ты здесь.
- Мне хотелось сделать тебе сюрприз и сообщить, что я устраиваюсь на работу. Поэтому ждал результата. – Он взял ее за руку. – Как у тебя дела?
- Нормально.

Его улыбка померкла, темно-синие глаза пристально посмотрели на Мишель.

- Уфф. – Она высвободила пальцы. – Серьезно. Все нормально. А как у тебя? Готов к гражданской службе?

Он провел ладонью по волосам – пока еще коротким, по уставу.

- К каким-то вещам привыкаешь не сразу. Ты спишь?
- Почему мы говорим обо мне? Это не очень интересно.
- Мне интересно все, что касается тебя. Так ты спишь?
- Нет. Иногда. – Она обхватила кружку ладонями. – У меня кошмары. Уже достали.
- Ходишь в группу?
- И ты об этом, – простонала Мишель.
- Значит, нет.

Она посмотрела на Сэма из-под ресниц:

- Я сказала, что рада тебя видеть? Кажется, я поторопилась.
- Вовсе нет.

Сэм был прав. Он был одним из немногих людей, кому она абсолютно доверяла. Когда он был рядом, она знала, что ее спина надежно прикрыта.

- Если ты не хочешь говорить о своем эмоциональном здоровье...
- Не хочу, – перебила она.
- Как твое бедро?

– Лучше. Еще болит, и я устаю, но уже обхожусь без рецептурных обезболивающих. Теперь пользуюсь самыми обычными.

А еще теми, что булькают в бутылке, но ему не обязательно знать об этом.

– Например...

Она замолчала и посмотрела на него.

– Постой-ка. Раз ты на острове уже несколько дней, где ты остановился? Не у нас же.

– Когда я позвонил, мне сообщили, что нет мест.

– Надо было спросить меня. Я нашла бы для тебя что-нибудь.

Он засмеялся:

– Я тронут твоей заботой, но не беспокойся. Я живу в отеле «У прибоа» недалеко отсюда.

– Там плохие завтраки. У нас лучше.

– Вот я завтра и попробую.

– Вот-вот, давай. Я посмотрю бронирование. У нас должно что-нибудь найтись.

– Не беспокойся. Меня устраивает тот отель.

– Я настаиваю.

– Ну, раз это важно для тебя.

Она улыбнулась:

– Я рада тебя видеть.

– Потому что я такой красивый, да? Вечная проблема. Женщины от меня не отстают.

Она рассмеялась, откинувшись на спинку стула. Смех возникал где-то в ее животе и вибрировал в груди. Он наполнял ее, выливался наружу, и от этого затихала постоянная боль в бедре. Она хохотала так, что едва не задохнулась от нехватки воздуха.

– Спасибо тебе, – с трудом проговорила она, вытирая слезы.

– Это все мое обаяние.

– Ты прелесть.

Она спросила про его родителей-пенсионеров, живущих в Остине, и про сестру. Пока они разговаривали, она заметила, что его внимание было направлено куда-то за окно.

– Что? – спросила она и обернулась. – У нас тут три пары занимаются по какой-то терапевтической программе. Они делают там свои странные упражнения?

Но никого из гостей на лужайке не оказалось. Мишель увидела только Карли и Габби, рвавших цветы. Она снова посмотрела на Сэма.

– Их там нет.

– Что? Она клевая.

– Клевая? Seriously? Ты давно уже не школьник.

– Вряд ли ты захочешь услышать от меня что-то еще в ее адрес.

– Думаешь, меня это волнует?

– Тогда почему ты так сверкаешь глазами?

Мишель заставила себя расслабиться.

– Я не сверкаю.

– Ну конечно. В чем проблема? Она замужем?

– Нет. Но у нее есть дочка, как видишь.

– Я люблю детей.

– С каких это пор? Держись от нее подальше.

– Не уверен, что я тебя послушаю.

– Ты об этом пожалеешь.

– Почему?

Она не смогла ответить. Еще больше ее озадачило, что она точно не знала, кого пыталась защитить – Сэма, Карли или себя.

* * *

– Я понимаю, что выгляжу дурой, – сказала женщина дрожащим голосом. По ее щекам лились слезы. – Я должна быть сильной. Мне надо бросить его. Вы считаете меня идиоткой, да?

– Нет. Конечно же, нет.

Карли сочувственно похлопала женщину по плечу, надеясь, что и сама выйдет более спокойной, чем чувствует себя. Она зашла в павильон проверить, есть ли дрова в камине. Вечером Сет и Полин собирались устроить там занятия, но будет уже прохладно. Карли решила, что потрескивающий огонь согреет гостей и добавит обстановке немного романтики.

Кроме большого запаса дров она обнаружила в павильоне гостью – та сидела у окна и рыдала. Хуже того, Карли не могла вспомнить ее имя. Что-то на «М». Мэри? Марти? Нет. Там было больше слогов. Мартина? Карли спешно подыскивала вежливые слова.

Женщина – вероятно, ей было где-то под сорок – вытирала лицо.

– Он изменяет. Вот почему мы здесь. Моя мама уговаривает забрать вещи и уехать, но у меня двое детей. Они любят отца, а я не хочу быть матерью-одиночкой. К тому же в целом у нас неплохие отношения. Но я думаю, что у меня когда-нибудь лопнет терпение.

Снова хлынули слезы. Карли сидела рядом и понимала, что теперь уже неловко спрашивать имя женщины и тем более давать советы.

– Я такая неудачница, – сказала женщина.

– Нет, неправда. Просто вы попали в трудную ситуацию. Вы должны принять правильное решение для вас и ваших детей. Но это будет ваше решение. Не чье-то еще.

Женщина кивнула:

– Он любит меня. Я знаю это. Любит.

– Уверена, это так.

Женщина посмотрела на нее:

– Вы думаете, я обманываю себя. Если бы он меня любил, то не стал бы изменять.

– Я этого не говорила.

– Вам и не надо говорить. Я вижу это по вашим глазам.

– Значит, вы увидели не то, что есть на самом деле. Только вы можете знать, что происходит между вами и вашим мужем. И больше никто.

Женщина закрыла лицо руками.

– Какая я дура. Почему я все еще люблю его? Почему я такая глупая?

– Вы не глупая, и вы не одиноки. Мы все делаем вещи, которые другим кажутся странными.

Она уронила руки и взглянула на Карли.

– Не верю, что вы когда-нибудь делали такие ошибки.

– Не счесть. Мой муж изменил мне за два дня до свадьбы. С моей лучшей подругой. – Она пожала плечами. – Но я все равно вышла за него.

Тогда Карли чувствовала себя в ловушке. Ей казалось, что у нее нет выбора. Что выйти замуж за Аллена лучше, чем остаться одной.

Сколько было криков, подумала она, не в силах остановить поток воспоминаний. Сначала она наткнулась на них. Аллен стоял голый и

клялся, что он не виноват. Что его соблазнила Мишель, а он сам был пьян и ничего не соображал.

Карли приняла его объяснения, хоть и подозревала, что он врет. Но ругаться с ним и выяснять правду – ну, она не была уверена, что хочет этого.

– А он объяснил, почему так получилось? – спросила женщина.

– Он придумал свою версию. Я была уверена, что это ложь, но...

– У вас была на носу свадьба. Вы ничего не могли поделать.

– Но разве не важнее выйти замуж за правильного парня, а не за того, кто тебе изменяет? Все-таки отменить свадьбу проще, чем потом разводиться.

И еще остался бы отцовский дом. Если бы она не вышла за Аллена, у него не было бы шансов украсть у нее деньги.

– Дело прошлое, – сказала она. – Поступила бы я теперь по-другому? Не уверена.

Женщина прикусила нижнюю губу.

– Вы в конце концов ушли от него?

– О нет. Он меня бросил. И все забрал.

«Не нужно вдаваться в детали, – подумала она. – И так поделилась слишком многими неудачами для одного утра».

– Джон никогда меня не бросит, – сказала женщина. – Я точно это знаю. Он не такой.

Карли выдавила из себя улыбку:

– Значит, вам не нужно и беспокоиться насчет этого.

– Знаю. Пожалуй, мне надо радоваться тому, что есть, и не требовать от него верности.

Карли не думала, что вывод должен быть таким, но сочла за благо не возражать ей.

– Полин говорит, что мне надо научиться уважать себя и только потом принимать решения, – призналась женщина. – Как будто я знаю, что это значит.

Карли редко общалась с Полиной, но тут уважение к ней выросло. Себя уважать трудно. Она так и не научилась этому. Она сказала Роберту, что они не должны использовать друг друга, чтобы прятаться от жизни, но это не слишком приблизило ее к желанной цели.

– А это тяжело? Быть одной? – Женщина смотрела на нее.

– Временами.

– Вы приняли бы его назад? Простили бы?

– Нет.

– Вот в этом-то и дело, – призналась женщина. – Я не хочу его терять.

– Тогда и не теряйте.

– Пожалуй, вы правы. – Женщина улыбнулась. – Я не такая сильная, как вы, и не хочу остаться одна. То, что у меня есть, лучше, чем ничего. Спасибо, что выслушали меня.

Она встала и побрела к отелю.

Карли смотрела ей вслед.

У нее никогда не было успешных отношений с мужчинами, но «лучше так, чем никак» не казалось ей целью, которая может сделать ее счастливой.

* * *

В субботу Мишель прогулялась по саду. День выдался солнечный, температура держалась чуть ниже двадцати градусов. «Практически жара», – подумала Мишель, глядя на покачивавшиеся под легким ветерком цветы.

Так казалось или цветы на самом деле были ярче обычного? Красные, желтые, розовые, они практически горели на темно-коричневом фоне земли и зелени лужайки. Гостям они, несомненно, нравились, но что-то в этих проклятых герберах и ромашках действовало ей на нервы. Ей хотелось растоптать их или по крайней мере вырвать с корнем.

Конечно, она не сделает этого. Иначе придется уступить настойчивым уговорам и присоединиться к какой-нибудь группе поддержки ветеранов.

Распахнулась задняя дверь отеля, из нее, танцуя, выскочила босая Габби. Другими словами и не опишешь ее радостные движения: она кружилась и прыгала сначала по патио, потом по лужайке.

Под мышкой девочка держала толстую книжку. Даже на таком расстоянии Мишель узнала обложку книги про Гарри Поттера, только не могла определить, которой из них.

Увидев ее, Габби помахала рукой и побежала к ней по траве.

Мишель глядела на нее, завидовала ее легким движениям и вспоминала, какой была в этом возрасте. Жизнь тогда казалась гораздо менее сложной.

– Знаешь что? – крикнула Габби, прыгая перед ней на одной ножке. – Я три раза выходила сюда с книжкой и не брала с собой печенье, и журавли меня не беспокоили.

Она усмехнулась.

– Они приходили, смотрели и уходили, когда видели, что у меня ничего нет. Я рассказала об этом Леонарду. – Она наморщила носик. – Он считает, что они как-то сообщили друг другу, что у меня нет еды. – Она хихикнула. – Думаю, они раньше ко мне ходили как в продуктовый, только для птиц. А потом мы говорили о журавлях. Леонард знает много интересного про гнезда и птенчиков. Он сказал, что может показать мне малышей, но только для этого надо плыть к гнездам на маленькой лодке, а я боюсь воды, но я и журавлей раньше боялась, так что, может, воды бояться не нужно.

Она замолкла и перевела дух.

Мишель смотрела на нее и вспоминала испуганного ребенка, каким Габби была месяц назад.

Ей хотелось сказать Габби, что это всего лишь журавли и не бояться их не слишком большое достижение, но она не стала разочаровывать девочку. Она даже завидовала ее способности так быстро и легко избавляться от страха. Вот если бы и ей так уметь. И еще вернуть былую невинность. Ее взгляд задержался на босых ножках девочки.

– Я рада, что ты больше не боишься журавлей. Пожалуй, будет хорошо, если ты и воды перестанешь бояться. Все-таки мы живем на острове, тут кругом вода.

Карли всегда ужасно боялась воды. В детстве она отказывалась потрогать воду Саунда даже пальцами ног и не купалась в жару. Неужели Габби переняла это у нее?

– Видишь, какое сегодня солнышко? – спросила Габби.

– Ага.

– Я люблю солнечные дни. И мы собираемся смотреть летом кино. Мы будем ходить туда каждую неделю. – Она сказала это, пританцовывая на месте.

Они с Карли тоже ходили летом каждую неделю в кино, подумала Мишель. В единственный кинотеатр в городке. Стояли в очереди вместе с другими ребятами. Когда построили «Мультиплекс», многозальный кинотеатр, это было так круто. Десять фильмов на выбор одновременно.

В Габби она видела Карли. Та же фигурка, цвет глаз, улыбка. Были в девочке и черты Аллена, но они казались менее важными.

– Фильмы здоровские, – говорила Габби. – Мама обещает подарить мне блеск для губ, когда мне будет десять.

– Как хорошо.

Габби кивнула.

– Я хочу еще телефон, но мама не хочет. Правда, у многих моих подружек тоже нет телефона. – Она помолчала. – Я хотела сказать тебе, что мне жалко бабушку Бренду. Что она умерла, когда тебя тут не было. Тебе, наверное, грустно, что так получилось.

– Спасибо, – ответила Мишель, удивляясь, что Габби заговорила о матери. – Ты скучаешь по ней?

Габби задумалась.

– Иногда мама плакала из-за нее, и это мне не нравилось. Но она могла быть и хорошей. Думаю, мы были с ней друзьями.

Мишель ощутила одновременно сочувствие и злость. Ее мать творила зло даже из могилы.

Она положила ладонь на узкое плечико Габби:

– Все нормально, не переживай. Ты любишь маму и хочешь ее защитить. Она тоже защищает тебя. Можно вспоминать и добрые дела бабушки Бренды. Люди всегда сложные.

– Мне не надо было говорить об этом, – шепотом призналась Габби. – Так мама велела.

– Я никому не скажу.

Габби одарила ее широкой улыбкой.

Они направились к отелю. Габби трещала о своих подружках и о летнем лагере. Что ей не нравятся в нем прогулки, но зато там учат программированию. Они зашли внутрь, и Габби умчалась искать Карли. Мишель остановилась у стойки администратора и увидела, как в вестибюль заходит Эллен Сноу.

– Привет, – улыбнулась Эллен, когда они заметили друг друга. – Сегодня утром я бегаю по разным поручениям и решила узнать, как у

вас тут дела.

Мишель не поняла, обычный это визит или деловой.

– У нас все замечательно. Ни одного свободного номера.

– Я не удивлена, – сказала женщина. – У вас такое красивое место. Мне тут нравится. Всегда советую моим друзьям из Сиэтла останавливаться у вас, если им нужно хорошо отдохнуть.

– Я возьму это на заметку.

Они переместились к диванам возле фасадного окна и сели друг напротив друга. Эллен была в джинсах и легком свитере поверх приталенной рубашки. Каблуки на ее сапожках были сантиметров семь. Мишель сомневалась, что смогла бы в них ходить, но признала, что выглядят они круто.

– Я хотела прийти раньше, – сказала Эллен. – Просто времени не хватает. Может, мы могли бы вместе пойти на ланч или что-нибудь в этом роде.

– Конечно, – ответила Мишель, решив, что лучше быть вежливой, чем признаться, что она не слишком хочет «идти на ланч». Ей надо заниматься делами.

Эллен огляделась по сторонам и наклонилась вперед.

– У вас с Карли все нормально?

– Конечно. А что?

– Я знаю, что вы с ней не ладили. Да и кто вас осудит?

Мишель выпрямилась:

– Ты сама настояла на том, чтобы я с ней работала. Чтобы она осталась в отеле.

– Нет, – поспешно ответила Эллен и с сочувствием улыбнулась. – Не я. Наш комитет решил, что это важно. Я пыталась их отговорить. Но не могла говорить прямо, не хотела упоминать о прошлом Карли, так что мы с тобой тут в одинаковом положении.

Эллен положила ногу на ногу и пожала плечами.

– Я знаю, что на самом деле ты тут всем управляешь. Карли умеет лишь улыбаться гостям. Да еще спит с ними тайком. Думаю, это работает.

Мишель чуть не упала с дивана.

– Прости, что? Карли не спит с гостями.

– Ну, конечно, не со всеми, – засмеялась Эллен. – Но она, так сказать, не упускает удобного случая.

– Я тут уже несколько недель и могу сказать, что Карли хорошо работает.

– Ты удивительно верная подруга. – Эллен вздохнула. – Я восхищена. Что до меня, то я давно бы прекратила с ней все отношения. Помнишь, какой она была в школе? – Снова смех, на этот раз колючий. – Она переспала практически со всеми парнями.

– Это было давным-давно.

– Люди не меняются. – Лицо Эллен стало жестким. – Поверь мне, Карли осталась такой, какой была. Мне жаль, что тебе пришлось с ней работать. Я постараюсь это изменить при первой возможности, и тогда ты с удовольствием ее уволишь.

Мишель стало неловко. Эллен всячески показывала, что на ее стороне, но разговор был каким-то неприятным.

– У нас контракт, – спокойно сказала Мишель, хотя ее мысли метались.

– А у меня хороший адвокат, – усмехнулась Эллен. – Не беспокойся – мы с тобой подруги. Я никогда не заставлю тебя терпеть ее ни на минуту дольше, чем необходимо. – Она встала. – Мне надо сделать сегодня еще сорок миллионов дел. Я просто заскочила повидаться. Дай мне знать, если я могу тебе чем-то помочь.

Мишель встала и чуть не упала от пронзившей ее боли в бедре. Эллен быстро помахала рукой и вышла.

А Мишель осталась гадать, что же такого сделала Карли, за что Эллен так ее ненавидела, – и, странное дело, пытаться придумать, как исправить ситуацию.

Глава 19

Карли схватила стопку белья и, пятясь, вышла из кладовой. Она не видела, что у нее за спиной, и, когда наткнулась на что-то твердое, решила, что врезалась в стену. Но тут сильные теплые руки схватили ее за талию. Мужские руки.

От неожиданного контакта она вздрогнула. Повернулась посмотреть, кто дотронулся до нее, и увидела улыбающегося друга Мишель.

– Мне показалось, у тебя какие-то сложности, – сказал он; в синих глазах сверкали смешинки, а губы изогнулись в ленивой, сексуальной улыбке. – Мой священный долг – помочь леди в трудной ситуации.

Она сунула ему в руки белье.

– Вот и хорошо. Понесешь?

– Я создан для этого. Куда мы пойдем?

– В конец коридора.

– Я Сэм, – сказал он, шагая рядом с ней.

– Карли.

Он был высокий, худой, но очень мускулистый. Достаточно привлекательный, чтобы заинтересовать женщину, но не такой красивый, чтобы она беспокоилась, что он будет торчать перед зеркалом больше, чем она. Впрочем, больше всего Карли заинтересовала его уверенность. Он выглядел человеком, который может взять на себя ответственность. После стольких лет одиночества это казалось ей очень сексуальным.

Они пришли к подсобке, где горничные держали все необходимое для уборки.

– Можешь положить это на стол, – сказала она.

Он положил белье и отошел назад, а она занялась сортировкой.

– Вероятно, ты не знаешь, что еще спросить, – сказал он. – Позволь тебе помочь. Я друг Мишель и сейчас устраиваюсь на работу в городе. Только что демобилизовался после двадцати лет службы, в основном в военной полиции. Каждую неделю звоню моей маме, предпочитаю держать двери открытыми для женщин и считаю, что на первом свидании мужчина должен платить. Так что, пожалуй, это делает меня старомодным.

Карли отделила простыни от наволочек и аккуратно сложила. Проверила, достаточно ли полотенец, маленьких кусочков мыла и пакетиков шампуня. Наконец повернулась к Сэму.

Он стоял, уверенный в себе и в том, что предлагает. Она знала такой тип мужчин: он любил женщин и они любили его. Это могло бы напомнить ей Аллена. Вот только ее бывшего всегда интересовала собственная выгода, а она слышала, что не все мужики такие.

Забавно, что она прожила почти десять лет без секса и даже не вспоминала об этом, а тут за пару недель встретила двух парней, которые ей понравились. Ей даже захотелось станцевать и спеть что-то вроде «моя женская часть проснулась», но она понимала, что напугает всех вокруг.

– Ты считаешь себя обаятельным, – сказала она.

– Я слышал об этом пару раз.

– Женат?

– Развелся.

Она скрестила руки на груди и ждала.

– Дважды, – добавил он, пожав плечами. – О'кей, я не слишком быстро учусь. Оба раза действовал импульсивно. Теперь я поумнел. Устраиваюсь в новом городе. И, кстати, мне хотелось бы узнать о нем побольше. Вот ты местная и вообще... может, покажешь его мне? – Обворожительная улыбка вернулась на его лицо. – Просто по-соседски.

В его голосе слышался легкий акцент, словно он родился или долго жил на юге. У нее появилось ощущение, что его интересует не только прогулка по Ежевичному острову.

В последний раз она ходила на свидание еще в самом начале отношений с Алленом и потом больше не была ни разу. А сексом занималась в последний раз на шестом месяце беременности с ним же. После этого тянулась долгая, голая пустыня – ни мужчин, ни секса.

Манго напомнил ей о такой возможности. Сэм пробудил желание решиться на тест-драйв. Он заставил ее вспомнить, что у нее есть тело – особенно вышеупомянутая «женская часть». Ей захотелось закрыть дверь, бросить на пол свежие, чистые полотенца и позвать его. Но при этом она знала, что у нее немало причин сопротивляться искушению. Чтобы не выглядеть глупо, она отступила на шаг.

– Зачем такому мужчине, как ты, селиться в таком городке, как наш? – спросила она. – Как ты вообще нас нашел?

– Мишель много рассказывала мне о вашем острове. Мне стало интересно. Я приехал, посмотрел и решил остаться.

Мишель. Карли чуть не забыла о ней и о ее дружбе с Сэмом.

– А-а, ты с Мишель, – протянула она и сказала себе, что работа для нее важнее, чем любой мужик, хотя сама не поверила этому. Если только она не решит сменить род занятий, секс не позволит оплачивать счета. И что еще важнее, ей было неловко перед Мишель.

– Мы старые друзья. – Сэм поднял бровь. – У нас с ней ничего нет, если ты так подумала. Было что-то, но давным-давно. Жарко и тяжело минут пятнадцать. Я не пригласил бы тебя, если бы у нас по-прежнему были близкие отношения. Я не такой. – Он поднял руки. – Мы просто друзья, клянусь. Можешь спросить у нее.

– Это будет чуточку неловко, – пробормотала Карли. Хотелось поверить ему, но она все еще сомневалась.

Он опустил руки.

– Я хороший. Можешь спросить у моей мамы.

– Я не знаю ее.

Он достал сотовый:

– Мы можем позвонить ей.

– Лучше я спрошу у Мишель.

– Вот и спроси. Когда она подтвердит то, что я сказал, ты покажешь мне город?

– Конечно.

– Я буду ждать.

Он усмехнулся.

Карли тоже хотелось ждать, правда, она не была уверена, хорошо ли это или очень-очень плохо.

* * *

Каждый день начинался у Мишель одинаково. Она рано приезжала в отель, парковала грузовик, потом шла в ресторан и завтракала с Дамарис. У поварихи всегда были готовы для нее тарелка с едой и много-много кофе. Вкусная еда, хорошая беседа и кофеин. Что может быть лучше такого утра?

Сегодня она задержалась в зале ресторана и осмотрелась. «Все столы заняты», – радостно подумала она, буквально услышав звяканье монет, падающих в кассу. Гости беседовали под стук тарелок и тихую музыку.

На улице было облачно, но синоптик обещал по радио, что днем будет солнечно. И еще важнее, что День поминовения пройдет без дождя.

Мишель хотелось ему верить, но она выросла на этом острове. Дождь любил портить все большие летние уик-энды. И все же мысли о заполненном в солнечные выходные отеле оказалось достаточно, чтобы ощутить прилив радости.

Она шла на кухню, улыбаясь гостям. Когда она училась в школе, в зале было всего двенадцать столиков, рассеянно подумала она. Теперь их как минимум вдвое больше. Остановившись возле кухонной двери, она оглянулась и быстро посчитала.

Нет, не вдвое. В зале было тридцать два стола. Даже если предположить, что не все будут заняты, все равно это сорок восемь чеков в часы завтрака. А в выходные еще больше.

– Не говори мне ничего, – проворчала Дамарис при виде Мишель. – Что? Как нам справиться с завтраками? У меня слишком много заказов.

– Не забывай, это хорошо, – засмеялась Мишель.

– Для тебя хорошо. А для меня больше работы, – буркнула повариха, но тут же весело усмехнулась. – Сегодня утром тебе придется самой приготовить себе завтрак.

– Я не против.

Мишель налила кофе и взяла щипцами ломтик бекона.

– В эти выходные отель заполнен под завязку, – сказала она. – Не осталось ни одного свободного номера.

– Знаю. – Дамарис ловко перевернула оладьи, потом добавила в омлет сыр и авокадо. – Карли вчера сообщила мне об этом. Как будто я сама не могу сообразить, что у нас ожидается наплыв гостей.

Она разложила все по тарелкам и заорала:

– Заказ готов!

Потом снова повернулась к Мишель:

– Она хотела убедиться, что у меня достаточно продуктов и что я не забыла сделать дополнительный заказ. Зачем? Неужели двадцать

пять лет работы на кухне не в счет? Неужели я хоть раз что-то пропустила?

– Тут я виновата, – сказала Мишель, защищая Карли. – Я попросила ее проверить все в отеле еще раз.

– Ты часто ее защищаешь, – проворчала Дамарис. – Но она не заслуживает этого. Знаешь, что она вздумала? Устраивать по воскресеньям бранч. Представляешь?

– Кстати, неплохая идея!

Дамарис закатила глаза.

– Ты тут босс, а не она. Почему ты позволяешь ей командовать?

– Она делает свою работу. Дамарис, тебе нужно принять это.

Повариха буркнула что-то себе под нос и вздохнула.

– Ладно, но это не означает, что мне нравятся ее фантазии.

Мишель сунула хлеб в тостер и вспомнила про визит Эллен. Та явно ненавидела Карли. Дамарис тоже недолюбливала ее, но остальной персонал относился к ней неплохо. Так кто же прав?

* * *

– Тебя там никто не укусит, – сказала Карли. Она буквально толкала Мишель к распахнутой двери, жалея, что у нее не хватает сил.

– Кто их знает?

– Ты как ребенок. Это собрание общества «Бизнес-леди Ежевичного острова». А ты тоже бизнес-леди.

– И тоже здесь живу, – буркнула Мишель. – Все понятно. Но я не хочу туда идти.

– Ответ не принимается.

– Ты слишком много командуешь. Это некрасиво, понятно?

– Габби взрослее тебя, а ей всего девять, – вздохнула Карли.

– Почти десять. Кстати, она мечтает о блеске для губ. Она говорила мне.

Карли перестала толкать Мишель к двери и перевела дух.

– Я поблагодарила тебя за то, что ты помогла ей перебороть страх перед журавлями?

Мишель пожала плечами:

– Пустяки.

– Для нас это была проблема.
– Ладно, ладно, хорошо, – ответила со вздохом Мишель.
– Ты по-прежнему с трудом принимаешь комплименты, так что не сваливай все на ПТСР.

– А как насчет уважать мое состояние?

– Я уважаю. А вот у тебя проблемы с этим.

Мишель застонала:

– Чертов контракт. Как мне хочется тебя уволить.

– Ты пропадешь без меня.

– Пожалуй. – Мишель посмотрела на женщин, собиравшихся в конференц-зале отеля. – Объясни мне еще раз, зачем мы пришли сюда?

Карли засмеялась и впихнула Мишель в дверь.

Каждый месяц «Бизнес-леди Ежевичного острова» устраивали собрание и обсуждали все на свете. Карли присоединилась к ним пять лет назад и обнаружила, что группа может быть полезной и давать поддержку. Каждый месяц она предоставляла место для собраний, а Иветта, владелица пекарни «Морской бриз», приносила закуски.

– Всем привет, – сказала Карли, когда они с Мишель вошли в маленький конференц-зал. – Как видите, наша храбрая воительница вернулась. Все вы знаете Мишель Сандерсон – хозяйку этого отеля.

Мишель бросила на нее сердитый взгляд, обещая отомстить за «храбрую воительницу». Нисколько не обеспокоенная Карли подмигнула ей в ответ.

– Ты, конечно, помнишь Челси из нашей школы. Ей принадлежит местная студия йоги и пилатеса «Тянись к здоровью». Иветта держит пекарню. Ариэль управляет «Особняком на Холме». Ким открыла цветочную лавку, а Бекки – «Шик». Обычно здесь бывает еще Норман Флемминг, художница по текстилю, но у нее недавно родился ребенок.

Карли говорила все это, стоя рядом с Мишель. При всем своем шутливом тоне она понимала, что у ее босса множество проблем. И незажившее бедро – не самая большая. Слишком многие вещи, в том числе громкие звуки, могли в один момент вернуть ее на поле боя. Встреча с новой группой – стресс для любого человека, а для Мишель больше, чем для кого-либо.

Поэтому Карли держалась рядом с ней. Представив собравшихся, она сказала маленькую вступительную речь, отвела подругу на свободное место и села рядом.

Иветта, их неофициальный лидер, начала встречу с вопроса о летнем туристическом сезоне.

– Я заказала больше товаров, – сообщила Бекки. – Жаркая пора для бизнеса.

Бекки была рыжеволосая красотка; она одевалась как модель со страниц журнала «Вог». Рядом с ней Карли всегда казалась себе старомодной, не в тренде. Бекки могла сделать с одним только шарфиком больше, чем другие женщины с целым гардеробом.

– Этим летом на острове много свадеб, – сообщила Ким. – Прошлым летом было двадцать, а теперь тридцать шесть. Я наняла в помощь двух студенток колледжа.

Затем разговор коснулся нового светофора перед мостом и тяжбы органического ресторана с комиссией по зонированию. Ресторан добивался разрешения держать поросенка, чтобы кормить его остатками блюд.

Мишель слушала, тихонько пила кофе и отщипывала понемногу от брауни, принесенного Иветтой. Минут через двадцать она наклонилась к Карли.

– Спасибо, – пробормотала она.

Карли так и не поняла, за что благодарила ее Мишель – то ли за то, что привела ее на это собрание, то ли за то, что была рядом, но это не имело значения. Хорошо и то и другое.

Глава 20

Мишель припарковалась возле дома Джареда и направилась к задней двери. Ее бедро постепенно восстанавливалось. Меньше болело и немело. Терапия начинала приносить результат. Вот бы найти нечто подобное для головы. Чтобы она могла пусть с трудом, но выбросить из нее все кошмары и жуткие воспоминания. Перестать вздрагивать при каждом громком звуке. Конечно, в боли мало хорошего, но еще хуже чувствовать себя на краю пропасти в эмоциональном плане. Теперь ее уже не отвлекала постоянная боль, и на первый план вышли ментальные недуги.

Она подошла по пандусу к двери и вошла в дом. На кухне Джаред наполнял кулер льдом и пивом.

Они не виделись с той ночи, когда он пришел на крики в ее комнату. «Типичный мужик, – подумала она, глядя на него. – Завел ее и исчез». Хотя на самом деле это скорее она избегала его, но спихнуть вину на другого было легче, чем принять ее.

– Привет, – сказал он, глядя на нее. – Ты ходишь уже лучше.

– Да. Я поправляюсь.

Он был в застиранной футболке и старых джинсах. «Парню пора обновить гардероб», – подумала она, хоть и оценила, как тонкая ткань подчеркивает его мускулистые плечи и грудь. Он выглядел впечатляюще, черт побери. Какое сильное и ловкое тело. Даже хорошо, что он такой немногословный. По ее мнению, разговоры – дело пустое.

Ее волновало его присутствие, она помнила, о чем думала несколько дней назад. Как плохо, что нельзя просто подойти к нему и поцеловать. Ну, можно, конечно, но вряд ли его ответ окажется таким, как ей хочется. Он ясно дал ей понять, для чего использует часть своего дома и что она для него просто очередная пострадавшая, которой нужна помощь. Непохоже, что он готов с ней спать. И это печально.

– Я хочу выйти в море на лодке, – сообщил он. – Погода хорошая, и закат будет красивый. Хочешь составить мне компанию?

Она выглянула в окно. Тучи рассеялись, небо голубое. В это время года дни длинные. Даже если Джаред не хотел с ней близких отношений, он все равно хорошая компания. Рядом с ним было легко – не надо обдумывать каждую фразу и подыскивать слова. Она не знала,

почему ей так казалось, – или, пожалуй, знала. То, что она для него не более чем объект благотворительности, означало, что она может быть собой. Да, отсутствие к ней сексуального интереса огорчало. Но у этого были свои преимущества.

– Конечно, – импульсивно ответила она.

– Я захвачу сэндвичи на ужин. А ты пока переоденься.

Она покосилась на свои черные брюки и трикотажную блузку, в которых вышла утром из дома. Не самый подходящий наряд для лодки.

– Мне нужно десять минут, – сказала она.

– Я буду за домом.

Она торопливо пошла в спальню. Почти вся ее одежда и личные вещи по-прежнему лежали в ящиках в кладовой отеля. Она не трудилась их доставать. Все равно нет своей комнаты для книг или картин, а вся одежда велика на пару размеров.

Теперь она весила почти на девять килограммов меньше, чем десять лет назад, когда уехала с острова. Три килограмма она потеряла в учебке благодаря регулярной программе упражнений. Другие три ушли после ранения. После возвращения домой она, кажется, похудела еще на два с половиной. Еда ее просто не интересовала, она охотнее пила, чем ела.

С этой проблемой она когда-нибудь разберется, говорила она себе. Но не сегодня.

Она сняла брюки и блузку и намазала солнцезащитным кремом свою бледную кожу, потом выдвинула ящики и стала прикидывать как одеться.

Выбор был весьма невелик. Она остановилась на джинсах, кроссовках и майке-безрукавке. Выходя из комнаты, она прихватила еще и рубашку из шамбре – на воде будет прохладно.

Джаред уже вернулся и ждал ее на кухне.

– Ты ешь много сэндвичей, – заметила она, беря сумку, а он взял кулер с пивом.

– С ними меньше возни, а если я их не съедаю, они могут лежать пару дней.

– Тебе нужна жена.

– Одна уже была.

– О'кей, тебе нужна другая.

– Не думаю.

Они подошли к его грузовику. Она взглянула на кабину и засомневалась, что сможет подняться. Ее грузовичок был маленький, и она без труда садилась в него. У Джареда он был выше и с задним сиденьем. Она просто не поднимет ногу так высоко да и по наклонной доске тоже не сможет пройти.

Джаред подошел к ней, взял сумку с сэндвичами и швырнул за сиденья, потом схватил Мишель за талию, поднял и посадил на пассажирское кресло.

– Нормально? – спросил он.

Она кивнула. Разумеется, она не собиралась признаваться ему, что у нее гудело все тело от его прикосновения. Ничто ее не берет. Видно, на поправку шло не только бедро. Пора бы поставить массажный душ и позаботиться о себе.

Они ехали в марину «Сансет» на западном берегу. Мишель не знала, чего ей ждать – вдруг они выйдут в море на одной из больших чартерных лодок. Вместо этого он повел ее к тридцатифутовому каютному катеру фирмы «Бэйлайнер». Увидев его название, она застонала.

– Скажи мне, что ты купил подержанный, – сказала она.

– Да. А что? – удивился он.

– «Ромашка»? Твой катер называется «Ромашка»? Дай угадаю. Ты считаешь, что менять название судна – плохая примета?

– Нет. Просто мне было без разницы. Это всего лишь название.

– «Ромашка»? Я ненавижу ромашки.

– Кто вообще ненавидит цветы?

– Я.

– Ты не ноешь, как большинство женщин, но ты капризнее всех на свете.

– Это часть моего обаяния, – сказала она.

– Почаще говори себе это. Может, поверишь и сама.

Он взял у нее сумку с сэндвичами, поставил на кулер и подал ей руку.

Сердце снова замерло от прикосновения его теплых пальцев, но она тут же велела себе не дурить. Она не какая-нибудь девочка-подросток на первом свидании. Она зрелая баба. Что с того, что Джаред так возбуждает ее? Она справится с этим.

А вот справиться с причалом она не могла.

Деревянное сооружение покачивалось на воде, катер тоже. Нужно было подняться на две ступеньки, перекинуть ногу через борт и шагнуть вниз. Она посмотрела на неожиданную череду препятствий и покачала головой.

– Кажется, я не осилю.

Джаред проследил за направлением ее взгляда.

– Да, я тоже так думаю. Держись, детка.

Он потянулся к ней. Еще секунду назад она стояла, чувствуя тупую боль в бедре и готовясь к движению. И вот он подхватил ее на руки.

Потом он осторожно опустил ее, позволив встать. Мишель замахнулась и хотела ударить его в живот. Сильно. Но он успел перехватить ее кулак.

– Добро пожаловать. – В его глазах искрился смех.

– Все-таки надо предупреждать девушку, прежде чем распускать руки.

– Интересно, как ты собираешься сойти потом на берег?

Игнорируя его слова, она заковыляла к скамейке и села. Открыла пиво, выпила половину банки и сердито сверкнула глазами.

– А тебе ведь понравилось, когда я посадил тебя в грузовик.

– Я терпела. В этом разница.

Джаред хохотнул.

На все приготовления у него ушло три минуты. Потом он отчалил, и они направились к выходу из марины.

Мишель всячески делала вид, что игнорирует его. Она подставила лицо ветру и закрыла глаза. Морской воздух и теплое солнце успокаивали ее. Она поставила пиво в держатель и стала расплетать косу. Конечно, волосы спутаются, и потом она замучается их расчесывать, но в тот момент ей хотелось почувствовать себя свободной – словно она сбежала из плена, освободилась от чего-то, державшего ее на одном месте.

Джаред взял курс на Саунд. В нескольких милях от берега он заглушил двигатель и положил катер в дрейф^[10].

– Ты тоже поглядывай, – сказал он. – Сейчас мы не на трассах судоходства, но вокруг полно прогулочных лодок. Лучше не сталкиваться с ними.

– С чего ты взял, что я разговариваю с тобой?

– Ты не из тех, кто долго злится.

- Откуда ты знаешь?
- Я ошибся?
- Нет. Ну, на тебя я не злюсь.
- Вот Карли – другое дело.

Он протянул ей сэндвич, взял себе пиво и устроился напротив нее на скамейке.

Она развернула сэндвич и откусила от него.

– Ты мог бы выучиться на повара, – сказала она, прожевав и проглотив кусок.

- Мог бы, но не буду.
- Типичный мужчина.
- А ты сама-то готовишь?
- Кое-что. Побольше тебя.
- Это нетрудно.

Она посмотрела на него из-под ресниц:

- Ты встречаешься с кем-нибудь?
- Ты спрашиваешь о моих сердечных делах?
- Если они есть.

Он сделал глоток пива и помолчал.

- Сейчас у меня все запутанно.
- Потому что твоя бывшая разбила тебе сердце?

– Нет. Это осталось в далеком прошлом. Мы оба не подозревали, во что ввязались. Она ненавидела остров, а потом уже и меня. Мне было трудно перенести в Небраску бизнес, связанный с океаном. Никто из нас не был готов пойти на компромисс. Я слышал, что она вышла замуж за страхового агента и у них двое детей. Уверен, с ним она счастлива.

Мишель заметила, что он не ответил на ее вопрос. Значит, встречается с кем-то? «Все запутанно» не означает, что у него нет женщины. Мишель сказала себе, что это неважно, но все равно ей было любопытно.

Они ели, а катер плыл по течению. Над головой летели несколько журавлей. Мишель поглядывала на них и не верила, что они будут держаться подальше от катера.

- Как твой отель? – спросил он. – Заполнен до отказа?
- Да, все номера. Счастливые дни.

– Мы тоже заняты, – засмеялся он. – Чартеры на всех лодках. Круизы завтра и в субботу вечером. Надеюсь, что обойдется без дождя.

– Вроде не ожидается.

– Я тоже слышал об этом.

Они молча разделались с сэндвичами. Мишель подвинулась на сиденье, перенося вес тела на здоровую сторону, и посмотрела на небо.

Солнце еще светило, но уже плыло к горизонту. Журавли лениво кружились над водой. Она обнаружила, что наблюдает за ними скорее с интересом, чем с раздражением. Может, дело в том, что она поела. Или в пиве. В любом случае она была настроена более благодушно.

– Тебе нужно ходить в группу.

Спокойно произнесенная фраза разрушила все. Мишель напряглась и тут же пожалела, что съела сэндвич.

– Ты как заевшая пластинка. Иди к черту.

«Если я проведу с ним ночь, ничего не изменится».

– Ты по-прежнему кричишь.

От стыда и смущения у нее запылало лицо.

– Я могу съехать, раз для тебя это проблема.

– Я не говорю, что это проблема. Я сказал, что тебе нужно поговорить с кем-то о том, что случилось.

– Может, с тобой?

Она посмотрела на него. Он пожал плечами:

– Я всего лишь гоняю лодки. Тебе нужен человек, который проведет через весь процесс.

– Никакого процесса нет, – разозлилась она. – Есть моя жизнь, и я живу.

– Проще будет, если ты поговоришь об этом.

– Почему? Откуда ты знаешь?

– Если бы ты успешно справлялась сама, тебе не снились бы кошмары.

«Логично, – подумала она. – И так по-мужски использовать этот аргумент против меня».

– Со мной все нормально.

– Говори кому угодно, но только не мне.

Она с сердитым видом повернулась к нему:

– А ты, конечно, ходил в группу поддержки, когда вернулся?

– Нет. Это одна из причин, почему меня бросила жена. Жить со мной было несладко. Когда умер мой дед и его бизнес перешел ко мне, я не справлялся с ним. И ушел в запой на полгода.

Она посмотрела на пиво в его руке:

– Но ты же пьешь до сих пор.

– Алкоголь еще цветочки, детка. Я проснулся в тюрьме и абсолютно не помнил, как попал туда. Три адских дня я просыхал и еще шесть недель весь трясся от абстинентного синдрома. Тогда-то я и сообразил, что у меня есть выбор. Либо я разберусь с тем, через что прошел, либо стану одним из тех парней, которые живут на улице. – Уголок губ приподнялся. – Трудно впихнуть сорокафутовое рыбацкое судно в тележку из супермаркета.

– Мне не грозит стать бездомной.

– Может, и нет, но ты на пути к тому, чтобы пустить под откос все, что тебе дорого. На вас напали. Твои друзья были убиты. Ты застрелила человека и не с безопасного расстояния. Ты видела его глаза, когда он умирал. В тот момент, когда либо ты его, либо он тебя, это было простое решение. Только потом ты начала думать об этом.

«Он прав», – подумала она, сделав глоток пива. Потом она много размышляла, сомневалась, хотя и признавала, что у нее не оставалось выбора. Вот если бы там не было той маленькой девочки...

– Я подумаю, – сказала она, не желая ни с кем говорить о своих чувствах.

Она ожидала от него слов о том, что надо не только думать, но и что-то делать, но он промолчал.

– Ты делаешь это все время, – сказала она. – Даешь жилье какому-нибудь раненому ветерану. А что потом? Выпроваживаешь его? Ты и меня выставишь, как только я смогу спокойно проспать всю ночь?

Джаред пристально посмотрел на нее темными глазами. Она не могла понять, о чем он думает. Может, и к лучшему. Ей хотелось, чтобы он мечтал увидеть ее голой. Но на самом деле он, возможно, думал о том, что она слишком проблемная и сломленная.

– Я никого не прогоняю, – сказал он. – Ты уйдешь, когда будешь готова к этому.

– Говоришь почти как экстрасенс.

– Как могу, так и говорю.

У нее зазвонил телефон. Она достала его из кармана и огляделась.

– Где тут вышка?

– Вон там. – Он показал на каменистый островок к северу от них. На нем к небу поднималась металлическая конструкция. – Она поставлена для береговой охраны и службы спасения. Местные рыбаки пользуются этим, звонят и сообщают о своем возвращении.

Телефон продолжал звонить.

Она посмотрела на дисплей и увидела номер. Отец. Она нажала на кнопку отбоя.

– Когда-нибудь ты ответишь на этот звонок, – сказал ей Джаред.

– Ты не знаешь, кто это был.

– Я вижу, что ты кого-то избегаешь. Это никогда не работает. Рано или поздно ты столкнешься со своими демонами.

– Убью или буду убита? – спросила она, стараясь говорить весело. Вышло не очень.

– Если понадобится.

– Я не могу его убить.

– Тебе и не нужно. Иногда достаточно взглянуть демону в глаза.

Ей хотелось секса, а он хотел говорить про демонов. Идеальная пара.

– Что еще посоветуешь? Ты вряд ли годишься мне в сэнсэи, а я не твой ученик.

– Но я могу многому научить, – засмеялся Джаред.

– Только не меня.

Неожиданно он помрачнел. В его глазах сверкнуло что-то жаркое и голодное, но тут же пропало. Мишель решила, что ей просто померещилось. Что она приняла желаемое за действительное.

– Может, ты и права, – сказал он, вставая. – Ну что, будем возвращаться? Ты готова?

Не очень. Здесь, вдали от всего, она была спокойной и цельной. Словно раскол ее личности был просто неудобством, а не перманентным состоянием.

– Конечно, – сказала она. – Дашь порулить?

– Нет.

– Ты жадина? – усмехнулась она.

– Когда речь идет о моей лодке? Конечно!

Глава 21

День поминовения и выходные не обманули ожиданий Карли. Все номера в отеле были заняты, городок наполнили туристы, некогда было даже перевести дух, не то что думать о чем-то постороннем. Она то приносила свежие полотенца, то рекомендовала гостям городские рестораны, то бронировала номера и организовывала пешие экскурсии.

Габби проводила субботний день с подружкой и ее семьей. В воскресенье утром она будет с Робертом, а днем к ней придет Бриттани, ее любимая нянька. В понедельник днем в парке состоится молодежный праздник, и подросшая Габби наконец-то сможет туда пойти.

– Все превосходно, – сказала миссис Митчелл, взяв у Карли карту острова. – Мы с удовольствием приезжаем сюда. В прошлом году мы жили в жутком маленьком мотеле неподалеку и каждый раз, проходя мимо «Ежевичного острова», досадовали, что не забронировали у вас номер.

– Мы рады, что теперь вы выбрали нас, – ответила ей Карли. – Пожалуйста, дайте нам знать, если мы можем что-либо сделать, чтобы вам понравилось у нас еще больше.

– Непременно. – Супруги собрались уходить, но тут миссис Митчелл спросила: – У вас тут есть по соседству питомник растений? Мне так нравятся ваши герберы и ромашки. Я смогу купить что-то похожее?

– Конечно. – Карли дала ей адрес, потом помахала супругам рукой.

К стойке администратора подошла Мишель.

– Я слышала.

– Вот видишь, не всех раздражают ромашки.

– Некоторые и реслинг считают настоящим спортом, а не развлечением.

Карли подняла руки ладонями к Мишель.

– Мне плевать, что ты говоришь – у меня прекрасное настроение. Отель переполнен, у нас милые гости, и они тратят кучу денег в ресторане и сувенирной лавке. Я тут точно на своем месте, все как велит дзен-буддизм.

– То есть тебе весело.

– Я стараюсь.

– Уверена, что наши гости ценят это. Что у нас с бронированием на ближайшие недели? Думаю, Сэм предпочел бы остановиться здесь.

Карли прошла за стойку к компьютеру.

– Выходные заполнены. А на неделе у нас есть свободный номер.

– О'кей. – Мишель вздохнула. – Конечно, я не хочу вышвыривать гостя с бронию.

Карли складывала в стакан лежавшие на стойке ручки и прятала лицо.

– Хм-м... Сэм кажется... милым.

– Да. Я познакомилась с ним четыре, может, пять лет назад. В баре была драка, и он вмешался. Кто-то схватил меня, и Сэм встал между мной и тем типом.

– Романтично, – заметила Карли, вглядываясь в лицо Мишель в надежде понять их отношения с Сэмом.

– Не очень, но он оказался отличным парнем. Я доверяю ему на все сто, он никогда не ударит в спину.

– Ну а кроме этого? – не выдержала Карли.

– Не очень. Один раз кое-что было. Мы предпочитаем оставаться друзьями. Ладно, Сэм, конечно, интересный, но надо поговорить о других вещах.

– Конечно. Что такое?

Мишель положила возле клавиатуры несколько листков.

– Проблема с рестораном.

– Ты о чем? Там все прекрасно. Он заполнен каждое утро.

– Да. Знаю. В этом и проблема. У нас тридцать два стола. Это как минимум тридцать два заказа на завтрак. Но некоторые столы заказывают больше. Гости приходят по-разному, кто раньше, кто позже. Так что, думаю, надо рассчитывать на сорок пять или сорок восемь заказов.

– Разумно.

Мишель ткнула пальцем в список чеков:

– Вчера их было ровно тридцать два. И накануне тоже.

Ресторанный опыт Карли сводился к тому, что она при необходимости помогала официанткам и наливала гостям кофе. Там всегда единолично распоряжалась Бренда. Карли несколько раз

пыталась вникнуть в работу кухни, но Дамарис давала ей понять, что она выходит за рамки своих полномочий.

– Я проверила чеки за месяц, – сказала Мишель. – Их всегда столько, сколько столов. Не могу поверить, что у нас никогда не было дополнительных заказов.

– Кто раздает чеки официанткам? Или они берут их сами?

– Этим занимается Изабелла.

– Поговори с ней.

– Не могу. Она невестка Дамарис. А Дамарис никогда не позволит вредить ресторану. Она заботится обо мне и об отеле.

Карли не стала спорить. Дамарис действительно любила Мишель, это очевидно. Но, похоже, кто-то все-таки жульничал в ресторане.

– Может, Дамарис ничего не знает. Может, Изабелла тут ни при чем. Хотя она и должна выдавать чеки, может, она не делает этого. Они могут просто где-то лежать. Тогда кто-то из официанток может просто не выдавать чеки, когда гости платят наличными.

Мишель кивнула.

– Я не подумала об этом. Мне надо... – Она уставилась куда-то мимо Карли. – Сейчас вернусь.

Карли оглянулась и увидела шедшую по дорожке Изабеллу. Мишель направилась к ней. Карли посмотрела по сторонам, увидела, что в холле и вестибюле никого нет, и вышла следом за Мишель.

Изабелла шла навстречу Мишель и улыбалась. Ее темные волосы блестели на солнце.

– Сегодня вечером мы устраиваем барбекю, и я мариную ребрышки. Мне надо сбегать домой и перевернуть их. – Она засмеялась. – Я отлучусь на десять минут. Только на десять минут.

– Можешь сделать перерыв, – ответила Мишель. – Не беспокойся. Но перед этим я хочу спросить у тебя одну вещь.

– Конечно.

– Насчет ресторанных чеков.

– Это тех, которые официантки используют для заказов?

– Да. Тех. Как это делается? Ты раздаешь их?

Карли наблюдала за Изабеллой и готова была поклясться, что женщина застыла, услышав этот вопрос, хотя продолжала улыбаться.

– Да. Они лежат в подсобке рядом с кухней. Я беру их каждое утро.

– Они как-то регистрируются? Ты знаешь, у какой официантки какие номера?

Улыбка пропала.

– Нет. Я просто оставляю пачку на рабочем месте. Официантки берут их по мере надобности. А что?

– Просто спрашиваю. Хочу знать, сколько столов обслуживаются каждый день. Какой там оборот.

– Небольшой. Иногда бывает много посетителей, и мы используем столик повторно. Чаще в завтраки, чем в ланч.

Изабелла выглядела раздраженной, а Мишель, казалось, подыскивала следующий вопрос. Карли подошла ближе.

– Ты записываешь первый и последний чеки? Ставишь номера? – спросила она.

Изабелла мрачно посмотрела на нее, потом повернулась к Мишель, ясно давая понять, с кем хочет говорить.

– Номеров нет. И это никогда не было проблемой. Почему ты спрашиваешь?

– Ты фиксируешь все заказы? – спросила Карли. – Ты единственная, у кого есть доступ к кассе?

Изабелла поджала губы. На щеках появились пятна.

– О чем ты говоришь? – Она повернулась к Мишель и сверкнула глазами. – Карли что, мой новый босс? Почему она так разговаривает со мной? Я думала, что работаю на тебя, а не на нее.

Теперь обиделась Карли:

– Мы обнаружили непонятные вещи с ресторанными чеками.

Изабелла вытаращила глаза:

– Вы обвиняете меня в том, что я ворую? Я бы никогда этого не сделала. Я просто закрываю кассу, как и всегда. – У нее задрожали губы. – Поверить не могу. Что она такое говорит? Я хорошо работаю. Спроси у Дамарис. Мы честно работаем у тебя, Мишель. Заботимся об отеле.

Карли хотела добавить, что делает то же самое, но промолчала. Сейчас это было неважно. Проблема была в отсутствующих чеках.

– Я знаю, что это правда, – сказала Мишель. – Извини. Зря я затеяла этот разговор.

– Что? – возмутилась Карли. – Ты извиняешься? Кто-то ворует, а ты извиняешься?

– Это не Изабелла.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я знаю Дамарис. – Она похлопала Изабеллу по руке. – Иди проверяй ребрышки.

Изабелла кивнула и поспешила прочь.

Карли подождала, когда та отошла на достаточное расстояние.

– Ты с ума сошла. Она заявляет, что это не она, и ты ей веришь? Просто так? А если она врет?

– Нет, не врет.

– О, замечательно. Твой военный опыт помогает тебе судить о людях? Изабелла только что призналась, что у нее одной есть доступ к кассе.

– Это тебе не банковское хранилище, – огрызнулась Мишель. – Есть ключ, который нужно повернуть. Вот так. Это может сделать кто угодно.

– Может, один раз. Но ты говоришь, что чеков не хватает регулярно. Если это кто-то делал, как Изабелла могла не заметить?

– Могла, если официантки уничтожали чеки гостей, которые платили налом. Если гость оставляет деньги и не требует сдачу, следов не остается. Когда заказ выполнен, копия чека просто выбрасывается.

– Значит, нужно внести изменения в такой порядок. Ввести учет чеков. Выписывать их и гасить. Еще нумеровать, и тогда будет легко определить, какие чеки были использованы, а деньги не поступили.

Мишель посмотрела на воду залива, потом на отель.

– Это не Изабелла. Дамарис никогда бы не позволила ей вредить мне.

– Тогда мы не обидим ее, если наведем порядок с чеками и балансом.

Конечно, надо было бы сказать Мишель, что бизнес есть бизнес и чьи-то чувства здесь неважны. Но общепринятые правила не действовали, если речь шла о Дамарис.

– Хочешь, чтобы я этим занялась? – спросила Карли.

– Нет, я сама, – ответила Мишель и снова посмотрела на отель. – Лучше, если это будет исходить от меня.

– Только не прояви слабость, – сказала Карли. – Действуй жестче, чем сейчас.

Мишель даже не взглянула на нее.

– У всех бывают осечки.

Глава 22

В половине третьего в понедельник уехали последние гости. Карли стояла на крыльце и глядела, как за поворотом скрывается последний автомобиль, а потом подчинилась усталости и рухнула в плетеное кресло.

С утра она уже организовала экскурсию по городку, продумала маршрут для супругов, возвращавшихся в восточную часть штата Вашингтон, выписала уезжавших гостей, сделала уборку не в одном и не в двух, а в трех номерах и подтвердила заказ на постельное белье. Мишель вышла на дневную смену в сувенирной лавке, так что и ей было не расслабиться.

Они были на ногах с пятничного утра; отель заполнили гости, наслаждавшиеся редкой солнечной погодой в длинный уик-энд. Накануне позвонила одна из горничных и сообщила о проблемах с автомобилем; это означало, что, помимо обычных забот, Карли убирала в воскресенье десять номеров. У нее ломило спину и болели ноги. Больше всего она мечтала принять ванну и проспять десять часов в своей постели.

В пять она заберет Габби и выслушает рассказ о том, как дочка провела день. Хорошо бы она как следует напрыгалась там и устала, тогда они обе лягут спать в восемь.

– Надо двигаться, – пробормотала она, надеясь, что к ней вернутся силы. Где-то часа в четыре придут новые гости. Но вместо этого она откинула голову на подушки и вздохнула. Неудивительно, что гости любили тут сидеть вечерами. Так приятно.

Она сбросила туфли и положила ноги на оттоманку. Глаза закрылись сами собой. Она слышала крики журавлей и далекий смех. Мускулы расслабились. Она поплыла куда-то, поплыла...

Что-то мягкое и теплое коснулось ее губ.

«Поцелуй», – лениво подумала она. Вдохнула запах мяты и солнца, понимая, что не хочет открывать глаза, что ей хорошо вот так и лучше уже не будет.

Поцелуй продолжался, он сделался чуть настойчивее. Но теперь она поняла, что не спит – и это не сон. Какого черта?

Она открыла глаза и увидела перед собой Сэма.

– Эй, Спящая красавица, – проговорил он с усмешкой. – Нельзя так соблазнять мужчину.

Она раскрыла рот, но тут же закрыла, поняв, что онемела от удивления. Хотела отпрянуть, но ей мешала спинка кресла.

Сэм немедленно выпрямился и выставил перед собой ладони.

– Прошу прощения. Я не хотел тебя смущать. Все нормально?

Она ощущала возбуждение в местах, которые не видели ласки много лет, с середины беременности. Это считается нормальным?

– Все о'кей, – пролепетала она.

Он стоял перед ней, словно хотел в этом убедиться.

– В самом деле, – сказала она более твердым тоном. – Это было неожиданно.

Она улыбнулась и добавила:

– Но приятно.

Сэм покачал головой.

– Ответ не принят. Никакому мужику не хочется услышать, что он «приятный».

Она улыбнулась шире.

– «Приятный» – это все, что у меня есть для тебя.

– Проклятие. – Он сел в кресло рядом с ней. – Ты меня убиваешь. И сама это знаешь, верно?

– Извини.

– Как прошли выходные? – поинтересовался он.

– В хлопотах. Отель был полон. Начинается летний сезон. Теперь до самого Дня труда^[11] будет настоящее безумие. Но хорошее безумие. Мы должны заработать столько, чтобы продержаться в скудные зимние месяцы.

«Как белки запасают орехи», – подумала она, не желая говорить о финансовой ситуации отеля. Она не знала, насколько откровенной Мишель была со своим другом, и не собиралась выбалтывать секреты.

– А ты что делал? – спросила она.

– Вчера вышел в море на лодке. Много лет не был на рыбалке. – Он взглянул на нее смеющимися глазами. – Слишком много заданий было на суше.

– Тебе надо было пойти во флот.

– И не говори.

– Заклятые враги?

– Они не настолько хороши.
– Мне почему-то кажется, что они говорят о тебе то же самое.
– Возможно. Качки не способны мыслить оригинально.
– Если ты останешься здесь, сможешь регулярно рыбачить. Может, купишь лодку.

– Если я останусь здесь, я смогу много чего делать.

Он с ней флиртует? Она была одинокой так долго, что не могла точно сказать. Она металась между Габби и работой, и у нее не было времени на романы, хотя, может, она и не отказалась бы. Не считая Роберта и Леонарда, большинство мужчин приезжали в отель на выходные с кем-то. Встречаться с местными парнями она не хотела. Многих из них она знала по школе, и это означало, что они ожидали от нее вещей, которых она не собиралась делать. А всех приличных парней, которые появлялись на острове, быстро расхватывали. Хотя они ее не слишком интересовали.

– О чем задумалась? – спросил он. – Ты хмуришь брови.

– Так, ничего особенного. – Ей казалось глупым рассказывать о том, что у нее напрочь отсутствует личная жизнь. – Как тебе нравится наш город?

– Приятный. Люди приветливые. Но ты все-таки должна устроить мне экскурсию.

– Конечно, только не сегодня. – Она пошевелила пальцами ног. – У меня не осталось ни кусочка тела, который бы не болел.

– Три дня на ногах, да?

«Дольше», – подумала она, игнорируя неутихавшую пульсацию в сокровенном месте.

– Это часть моей работы.

Сэм встал с кресла и, прежде чем сесть на оттоманку, взял и положил себе на колени ноги Карли. Не успела она их убрать, как он взял в свои большие ладони ее правую стопу и стал осторожно растирать нежную кожу.

Она хотела остановить его, сказать, что они сидят у всех на виду и что это непозволительно для сотрудницы отеля. Но его пальцы нажали на подушечку стопы, отыскивали болезненное место и принялись его растирать.

– Как ты хорошо массируешь, – прошептала она, сдерживая стон.

– У меня была большая практика.

– Две жены, о которых ты упоминал.

– В том числе. – Он рассмеялся. – Ты удивишься, как хорошо мужики умеют растирать ступни.

– Соблазнение посредством массажа?

– Угу.

Он сжал ее пальцы, потом сильно нажал на пятку.

– Я понимаю, как это получается, – пробормотала она и, закрыв глаза, расслабилась.

Через несколько минут она попросит его остановиться. Она возьмет себя в руки. Но пока что сил на это не находилось. У любого человека есть свои слабости, вот и она не могла устоять против массажа стопы.

Она знала таких мужчин, как Сэм, – скорее интуитивно, чем на практике. Обаятельный и интересный – сейчас. Не из тех, кто остановится на одной женщине. Но ведь и она не ищет идеального мужчину. И если она согласится на то, что он предлагает, нужно будет помнить, что все это хорошо на время, и не более того.

Он принялся за другую ногу, повторил процесс и заставил ее расслабиться окончательно. У нее отяжелели веки, и она снова поплыла в сон.

Ей было тепло и комфортно, солнце играло в прятки с деревьями. Ласковый ветерок гладил ее кожу. Тихий смех вернул ее к реальности.

Она открыла глаза и увидела, что Сэм встал.

– Пойдем, – сказал он, протягивая руку.

– Что?

Она заморгала, ничего не понимая. Ее ноги были уже в туфлях. Когда это произошло?

– Ты заснула. Тебе нужно поспать.

– Я не могу. У меня много работы.

– Не сегодня.

Она позволила ему поднять ее на ноги. Встав, она осознала, что он сидел недалеко от нее, а теперь оказался очень и очень близко. Настолько близко, что она видела разные оттенки синего в его радужке. Настолько близко, чтобы видеть крошечные шрамы над его бровью и на подбородке. Настолько близко, чтобы чувствовать жар его тела. И жар манил, искушал, вызывал желание пойти по очень опасной тропе.

– Может, мне и *надо бы* лечь, – пробормотала она, отходя от Сэма и пытаясь восстановить дыхание.

Это было безумие, сказала она себе. Да, конечно, она давным-давно не была с мужчиной, ну и что? Она уже привыкла обходиться без этого. И что с того, что она стояла рядом с Сэмом? Но вот только она обнаружила, что ловит каждый его вдох, малейшее прикосновение его руки. Ее мозг наполняли соблазнительные картины – как он обнимает ее, ласкает. Она хотела – нет, *жаждала* – близкого контакта, кожа к коже. Чтобы мужчина лег на нее, вошел в нее, взял ее.

Она задрожала, когда осознала свой голод. Ее охватило смятение. Несмотря на свою репутацию, она никогда особенно не стремилась к сексу. Ну, не считая сегодняшнего дня.

– Тебе холодно? – спросил он, обнимая ее за плечи. – Где твои ключи? Хочешь поехать домой? Может, тебя отвезти?

– Я живу тут, – ответила она. – В задней части дома.

Пожалуй, учитывая ее состояние, было глупо говорить ему об этом, подумала она, когда он повел ее внутрь.

– Показывай дорогу, – велел он.

Они шли по коридору. У двери с табличкой «Приватная зона» она повозилась с замком, но сумела открыть его.

Сэм провел ее внутрь и встал посреди комнаты.

– Учитывая все обстоятельства, я остановлюсь на этом, – сказал он. – Если я начну укладывать тебя спать, это станет испытанием, которое я точно провалю.

Он шагнул к ней и взял ее за талию.

– Но, когда ты почувствуешь себя лучше, я буду рад, если ты покажешь мне все.

Она не поняла, что он имел в виду – то ли город, то ли что-то еще. Она знала, чему ей хотелось верить, но сомневалась – может, она принимала желаемое за действительное.

Он заглянул ей в глаза и нахмурился.

– Только один разок, – прошептал он. – Можешь врезать мне по роже, если хочешь, но я...

Он наклонился к ней. Карли видела это и еще успевала отойти. Но она подумала – будь что будет, подняла руки и обняла его за шею.

Ей показалось, что он намеревался лишь повторить тот, предыдущий поцелуй, но не знала, скоро ли она еще раз обнимет

мужчину, и решила воспользоваться ситуацией.

Когда их губы встретились, она была готова. Запрокинула голову и прижалась к Сэму всем телом.

Господи, какое у него твердое, мускулистое тело. Она уже забыла, как это волнует, когда тебя обнимает мужчина, когда тебя держат сильные руки, а властные губы касаются твоих губ.

Сэм понял ее призыв, и поцелуй утратил прежнюю сдержанность. Она приоткрыла рот, почувствовав, что его язык коснулся ее нижней губы, и ответила ему своим языком.

У нее между ног бушевала до боли жаркая кровь. Грудь потяжелели, соски затвердели как камешки. Голод взорвался. Желание нарастало, наполняло ее, она была готова вцепиться в Сэма и умолять о близости. Если бы получилось проглотить его, она бы так и сделала. Но, как бы то ни было, она могла только сдерживать себя и молиться, чтобы поцелуя оказалось достаточно.

Он чуть отстранился и взял ее лицо в ладони.

– Карли, ты...

Уверена? Готова? В настроении? Она не знала, что он собирается сказать, и внезапно ей захотелось наплевать на все. Он был нужен ей *немедленно*. Голый, страстный – и как можно скорее. Чтобы он не сомневался в ее намерениях, она стянула через голову тонкий свитер, отбросила его прочь и расстегнула лифчик. Схватила мужчину за руки и прижала его ладони к своим голым грудям.

– Ты в моем вкусе, такие мне нравятся, – прошептал он и подкрепил свои слова таким страстным поцелуем, что у нее согнулись на ногах пальцы.

Оказалось, что он тоже был в ее вкусе. Шестнадцать секунд он смотрел на нее голую, потом запер дверь, разделся и повел ее к софе.

Он покрыл поцелуями все ее тело, ласкал ее между ног. Она выгнулась, ощущая идеальный ритм его языка, а потом забылась в оргазме, который захлестнул ее волной жидкого удовольствия.

Он стал ласкать ее груди, сосал их, щекотал языком твердые соски и одновременно играл пальцами с ее клитором. Она снова кончила, на этот раз дольше и сильнее. Когда он наконец полез в карман джинсов за презервативом, она затаила дыхание и толкнула его, чтобы он лег на спину рядом с кофейным столиком.

Он натянул резинку, она села на него верхом и двигалась до тех пор, пока они оба не застонали.

Пот покрыл ее спину, стекал между грудей. Ей казалось, что все тело пылает, а местами и болит. Быстрый взгляд на часы сообщил ей, что прошло всего десять минут с момента, как они с Сэмом вошли в комнату. Вероятно, ей должно быть неловко. И ей будет. Завтра. Но сейчас было слишком хорошо.

Она соскользнула с него и села на ковер. Всюду валялась одежда. Возле ее коленки лежала пустая обертка от презерватива. Она взяла ее и протянула Сэму.

– Бывший бойскаут?

Он сел рядом с ней и вытянул голые ноги.

– Традиция. Я ношу с собой одну упаковку с тех пор, как был полным надежд подростком.

– Не одну и ту же, а?

Он ответил ей самодовольной усмешкой.

– Нет, не одну и ту же.

Она знала, что после беременности у нее остались растяжки, а груди не такие крепкие, как десять лет назад. Что ее живот не плоский и – ох! – как большинство женщин, она ненавидела свои бедра. Но прямо сейчас ее это не волновало. К тому же тело Сэма было достаточно хорошо для них обоих.

Она понимала, что ей, пожалуй, нужно что-то сказать. Объяснить, что она не занимается сексом с незнакомыми мужчинами и что обычно она не такая... оргазмическая. Но потом она решила, что это не имеет значения. Они оба взрослые, одинокие, пользуются презервативом. Так что это никого не касается, кроме них.

– Мне нужно вернуться на работу, – сказала она.

– Может, сначала оденешься? Я не говорю, что вашим гостям-мужчинам не понравится такое зрелище, но не уверен, что почувствуют их жены.

– Справедливое замечание. Сначала оденусь, потом на работу.

Он встал и поставил ее на ноги, потом прижал к себе и снова поцеловал.

– Спасибо, – сказал он.

– Тебе тоже. Я нуждалась в этом.

– В любой момент, когда тебе снова будет нужно, дай мне знать.

– Какой ты щедрый.

– Да, я такой.

Она была благодарна ему за непринужденный тон. Сознание было все еще затуманено оргазмом, и она решила помалкивать. Сэм был великолепен, и она была от него в восторге, но сомневалась, что ей понадобится продолжение. Лучше уж проявить осторожность, хотя, может, и зря.

Они оделись, потом он поцеловал ее в последний раз и тихонько выскользнул из квартиры. Она решила выйти через несколько минут.

Выжидая, она прислонилась к двери и улыбалась. Все было замечательно, в ногах еще осталась небольшая слабость. Что бы там ни было, это был хороший день.

* * *

В понедельник вечером Мишель задержалась, чтобы проверить денежные поступления за минувший уик-энд. Все было хорошо, по всем аспектам. В сувенирной лавке они выставили на распродажу многие товары. Без огромных скидок – десять-пятнадцать процентов. Объявления о распродаже были очень заметными и сработали. Они принесли почти три тысячи долларов.

Ресторан был набит до отказа. Люди стояли в очереди на завтрак и ланч. Перед каждой сменой Карли нумеровала чеки и раздавала их официанткам. Насколько Мишель могла судить, теперь они все проходили через кассу, и это было для нее облегчением. В это утро банковский счет отеля заметно пополнился, а это означало возможность заплатить по счетам и отложить что-то на зиму.

Карли вошла в ее кабинет с бутылкой красного вина в одной руке и двумя бокалами в другой. Подняла обе руки в воздух.

– Давай выпьем, – сказала она. – Я угощаю.

Мишель поколебалась, но кивнула и выключила компьютер. Потом вышла следом за Карли на задний дворик.

Было около девяти. Солнце только что село, и на небе смешались розовые и синие краски, лишь над горизонтом тянулась оранжевая полоса. Ветер стих, и воздух был не очень прохладный.

Между двумя уличными креслами стоял маленький столик, на нем Мишель увидела тарелку с печеньем и штопор.

– Мило, – сказала Мишель. Она села и вытянула ногу. Ноющая боль отступила и сделалась почти терпимой.

– Я собиралась сегодня пораньше лечь спать, – сообщила Карли, беря в руки штопор. – Мы с Габби испекли это после ужина. Она устала после праздника и заснула, а я внезапно обнаружила, что не устала.

Она вручила Мишель бокал вина, устроилась в своем кресле и протянула руку за печеньем.

– Без орехов, – сказала она. – Я помню, что ты их не любишь.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности. – Карли потихоньку пила вино, потом откусила печенье. – У нас был потрясающий уик-энд.

– Да, я согласна. Ресторан классно поработал. Ты тоже молодец – контролировала чеки у официанток.

– Все деньги поступили?

– Угу.

– Хорошо. Я подумала, что к нам приедет много туристов. Зачем терять деньги?

– Завтра я хочу сделать выплату по кредиту, – сказала Мишель. – И оплатить часть задолженности. Меня это доканает, но оно того стоит.

Карли бросила на нее виноватый взгляд.

– Мне очень жаль, что Бренда столько всего напортила. Честное слово, жаль. Если бы я могла ее остановить!

Мишель медленно кивнула:

– Я тебе верю. Иногда я списываю это на ее глупость, а временами мне кажется, что она все делала нарочно. Отель всегда был важен скорее для меня, чем для нее. Я видела в нем свое будущее, а она – ловушку.

– Ты работала тут как лошадь, – сказала Карли. – Я помню школьные годы. Как только заканчивались уроки, ты бежала домой и вкалывала до ночи.

– У меня не было выбора.

– Теперь ты вернулась. Все идет прекрасно. Ты выплатишь долги и сможешь расслабиться.

Мишель кивнула, откусила печенье и теперь смаковала влажную, сладкую массу. За этим последовал глоток вина, и она поняла, что

приблизилась к блаженству.

– Я знала, что моя мать не будет ни о чем заботиться, – призналась она. – Вот и это подтвердилось. – Она вздохнула. – Ты правильно делала в школе, что тусовалась с мальчишками.

– Я предпочла бы тусоваться с тобой, – ответила Карли.

– Ты приходила и помогала мне тут.

– До старшего класса.

«Когда все полетело к чертям», – подумала Мишель.

Вероятно, Карли подумала то же самое, потому что сказала:

– Мы обе облажались.

– Думаю, так бывает у многих подростков, когда исчезают родители.

– Тебе надо было рассказать нам.

Слова Карли, пять простых слов, ударили Мишель под дых. Она выпрямилась и, поставив ноги на землю, посмотрела на нее.

– Даже не начинай, – негромко проговорила она; хорошее настроение испарилось как туман на солнце.

– Почему нет? – Карли тоже выпрямилась. – Мы могли бы их остановить.

– Как? Нам было по семнадцать лет. Что мы могли сделать? Приковать себя к машине? Они всех обманывали. Они свалили ночью, не сказав никому. Я ничего не могла сделать.

– Знаю, – согласилась Карли. – Я и сама говорю себе это. Но когда мама ушла, жить стало ужасно.

– Думаешь, мне было лучше? – огрызнулась Мишель. – Я осталась тут с Брендой.

– Она обычно игнорировала тебя.

– Твой отец делал то же самое. Он слишком много пил и не замечал, рядом ты или нет.

Мишель спохватилась, и ей захотелось забрать свои слова назад. Говорить о пьянстве было у них одним из табу. Она дружила с Карли и знала, как она стыдилась своего пьяного отца.

Карли поставила бокал и вытерла пальцы о джинсы. Потом встала.

– Он не всегда напивался. Он начал бить меня, когда она сбежала. Орал, что я виновата. Что она не любила меня. Говорил, что она поэтому сбежала. Из-за меня. И он никогда меня не любил. – Карли посмотрела на небо, потом снова на Мишель. – Вот почему я так

делала. Вот почему я гуляла с теми мальчишками. Так я заставляла себя поверить, что я кому-то нравлюсь, что у меня есть друзья.

Мишель собиралась сказать, что она всегда переживала за Карли, но ее отвлекли слова подруги.

– Ты спала со всеми подряд.

Губы Карли скривились в подобии улыбки.

– Нет, – спокойно ответила она. – Я дразнила мальчишек, многое позволяла им, но секса не было. Я никогда не шла до конца. – Она нахмурилась. – Аллен был у меня первым. Я пожертвовала своей невинностью, чтобы добиться его и отобрать у тебя. Конечно, сделка вышла хреновой.

С этими словами она повернулась и пошла к отелю.

Мишель глядела ей вслед и чувствовала, как в ней закипают гнев и разочарование. Ей хотелось закричать, что Карли обманывает ее, но она понимала, что той нет смысла лгать.

Аллен в буквальном смысле поимел их обеих. Этот никчемный ублюдок стал их первым мужчиной. А они были в смятении и растерянности из-за поступков родителей, поэтому вели себя так неразумно. Всю жизнь они поддерживали друг друга, а в критический момент, когда больше всего нуждались в своей дружбе, разбежались, пошли каждая своей дорогой.

Мишель сидела в сгущавшейся темноте и боролась со своей беспомощностью. Она научилась справляться с чем угодно, кроме этого. Вскочив на ноги, она схватила винную бутылку и швырнула ее изо всех сил. Бутылка упала в траву и не разбилась.

Этого было мало. Ей нужно было сделать что-то еще, дать волю бурлившей в ней злости. Все было неправильно. Она не могла даже определить проблему, не то что решить.

Она озиралась по сторонам, отыскивая врага. Чтобы обвинить его, обидеть, уничтожить. А потом увидела их.

Ряды за рядами ромашек, маргариток и гербер. Их счастливые лица глядели в ночное небо.

Сначала она бросилась к вазону и схватила цветы горстями, близко к корню. Рванула их кверху – изо всех сил. Они с треском выдернулись, и это ее обрадовало. Она пошла к следующему вазону, еще к одному, потом переключилась на клумбы.

Она швыряла через плечо стебли, листья и землю. Бедро болело от неудобной позы, но ей было наплевать. Она дергала, срывала, швыряла, пока все они не легли на траву – изуродованные цветы, словно умирающие солдаты на поле битвы. И тогда она зарыдала.

Глава 23

Карли проснулась рано утром с головной болью. Хотелось списать это на вино, но вчера она выпила мало и почти не опьянела, так что вино было ни при чем. Нет, причина головной боли лежала глубже. В прошлом Карли и в том, что она так и не смогла полностью оправиться от старых ран.

Она ворочалась всю ночь и заснула с трудом. Ее хорошее настроение и томная нега после секса с Сэмом были выжжены безобразной реальностью и тяжелыми воспоминаниями. Не стоило связываться в разговор с Мишель о прошлом и, хуже того, обвинять ее в бегстве их родителей. Не нужно было рушить их хрупкие отношения. Ради чего? Ради правоты?

Карли села в постели, провела ладонями по лицу и подумала: вот бы стереть с такой же легкостью и те воспоминания.

– Мама, мама!

Габби вбежала в комнату босиком и в пижаме с котятками и прыгнула на постель. Карли обняла дочку.

– Доброе утро, – поздоровалась она, прикидывая, сколько принять ибупрофена, чтобы не болела голова.

– Как ты спала? – спросила Габби, все еще теплая после сна. – Я спала хорошо, а на улице солнышко. Видишь? Будет солнечный день.

Карли посмотрела на окно. Свет лился сквозь занавески.

– Я рада, что сегодня хорошая погода, – сказала она.

– Да, я тоже. После школы я помогу Леонарду считать журавлиных птенцов. Мы будем осторожны, потому что они совсем еще маленькие.

Габби прыгала на постели – как всегда, сгусток утренней энергии. Карли изо всех сил старалась не морщиться; ей казалось, что где-то внутри головы работают отбойным молотком.

Габби сползла с постели.

– Завтракать, завтракать! – Ее громкий, звонкий голосок казался настоящей мукой.

– Я скоро приду на кухню, – пообещала Карли, сдерживая гримасу боли.

Габби помчалась к двери, но тут же оглянулась.

– Мамочка, ты заболела?

Вот так. От нее ничего не скроешь.

– У меня болит голова.

– Ой. – Габби понизила голос до шепота. – Я буду вести себя тихо.

– Спасибо, доченька. Спасибо.

Карли прошла на кухню. Она включила кофейную машину, потом насыпала в миску мюсли и залила их молоком. Габби положила хлеб в тостер, а Карли собрала фрукты.

Знакомый ритуал успокоил ее. Да, прошлое было ужасным, но теперь у нее была Габби. Дочка была ей дороже всего на свете. Конечно, эти эмоции не назовешь уникальными. Разве не все родители любят своих детей? Но не все из них показывают это на деле. Отец Мишель обожал дочку, рассказывал всем, кто готов был его слушать, что не может без нее жить. А потом бросил ее. Мать Карли сбежала, не позаботившись предупредить об этом. Прошло три года, прежде чем Карли что-то услышала от нее. Но даже теперь они созваниваются пару раз в год и обмениваются открытками на Рождество – и все. Лана только один раз видела свою внучку.

«Как все сложно», – подумала Карли, подходя к окну с кружкой кофе. Ее жизнь – сплошные сложности. Она отодвинула занавеску и чуть не выронила из рук кружку.

Из кухни она видела восточную часть заднего двора и кусок сада. Вместо ярких цветочных рядов там остались лишь кучки земли и поломанные растения, которые она так лелеяла.

Босая, в длинной футболке, она подошла к задней двери и открыла ее.

– Мама, ты куда? – спросила Габби.

– Останься дома, – крикнула Карли.

Она дошла до угла отеля. Перед ней лежал задний двор.

Пропали все цветы. Они были выдраны с корнем, растерзаны и брошены умирать. Стебли, листья и цветки покрывали лужайку красно-бело-желто-зеленым ковром. Вазоны тоже опустели, в них уцелели лишь несколько сломанных стеблей. Они выглядели так, словно не понимали, что произошло.

Карли знала, что случилось и кто это сделал. Мишель хотела причинить ей боль и устроила этот ад. Карли пошла назад, к дочке, она не хотела, чтобы Габби увидела эту катастрофу. И только подойдя к двери, поняла, что плачет.

Мишель поставила машину на банковской парковке. В это утро ей не хотелось ни с кем разговаривать. Ночь прошла тяжело, и она еле заставила себя встать. Лишь мысль о том, что она выплатит половину просрочки по кредиту, заставила ее шевелиться. Да еще три чашки кофе.

Каждый раз, когда она вспоминала о том, что произошло накануне вечером, ей делалось тошно. Горький вкус стыда наполнял ее желудок. Мало того что она поступила как идиотка, теперь это еще и могли видеть все окружающие.

Будут вопросы. Вырванные с корнем цветы невозможно не заметить. Что все подумают? Нет, не все, поправилась она. Что подумает Дамарис? И Габби? Она уже знала, что Карли увидела ее послание. Мишель разрушила то, что было так дорого ее бывшей подруге. Не надо быть опытным психологом, чтобы это понять.

Она взяла конверт с чеками и вылезла из кабины. Бедро болело сегодня сильнее обычного. «От сознания вины, – подумала она. – Или из-за того, что она ползала по траве, вырывая цветы».

Она вошла в банк и направилась к кабинету Эллен. Та сидела за своим столом и при появлении Мишель подняла голову.

– Доброе утро, – проговорила с улыбкой Эллен. – Как дела? Я знаю, что у вас были прекрасные длинные выходные. Видела, сколько машин стояло на вашей парковке. Я рада за тебя.

– Все прошло неплохо. – Она села на указанный Эллен стул, радуясь, что сняла нагрузку с бедра. Положила конверты на стол и подвинула их к Эллен. – Вот. Июньские платежи и половина всех предыдущих задолженностей.

Эллен подняла брови.

– Впечатляет. – Она открыла конверт и вытащила чеки. – Я дам тебе квитанции.

– Пойми меня правильно, но я буду счастлива расстаться с этим банком.

– Что ты имеешь в виду?

– Все эти правила. Если я выплачу долги, они не будут действовать.

Эллен покачала головой.

– Боюсь, это не так. В течение ближайших двух лет будут действовать другие условия. – Улыбка вернулась. – Разве я тебе не объяснила? Это указано в бумагах, которые ты подписала, когда брала кредит. Ой, подожди. Твоя мама подписала вместо тебя, верно?

Мишель захотелось швырнуть что-нибудь о стенку – желательно Эллен. Значит, она обречена иметь дело с этим банком еще пару лет? Даже если выплатит все долги?

– Извини. Мне надо было объяснить тебе в тот раз, когда мы разговаривали. Я думала, что ты знаешь. – Эллен вздохнула. – Очень жаль. Теперь так много новых правил и инструкций. Правительство все так усложнило. – С озабоченным выражением лица она наклонилась вперед. – Как там Карли? Тебе тяжело с ней работать? Я говорю «работать», но мы с тобой знаем, что она не очень это любит.

– На самом деле она работает. Мы с ней сократили расходы, и она взяла на себя больше обязанностей. Несколько раз в неделю она убирает комнаты, просто в качестве помощи.

– Я готова заплатить, чтобы это увидеть, – рассмеялась Эллен.

– Почему ты не любишь ее?

– Мы с тобой знаем, какая она. Карли из тех женщин, которые проходят по жизни и берут все, что хотят, не обращая ни на кого внимания. Ты помнишь, как она вела себя с Алленом. Как хвасталась перед всеми своим кольцом.

Мишель-то, конечно, помнила, но ее удивило, что такое поведение Карли запечатлелось в сознании Эллен.

– Я и не подозревала, что ты так хорошо ее знала.

– От Карли трудно скрыться. Но хватит о ней. Давай поговорим о более приятном. Например, о том, как ты классно управляешь отелем. Я в восторге. На прошлой неделе у нас заседали правление банка и я сообщила всем о твоём статусе. Что ты вернулась и все взяла под свой контроль. – Она схватила банковские чеки и помахала. – Вот ты и завоевала доверие этого «плохого» банка.

– Я ценю, что ты на моей стороне, – сказала Мишель, хотя и засомневалась, так ли это на самом деле.

– Целиком и полностью. Для меня важнее всего мои клиенты. А у нас с тобой общее прошлое. Теперь, после твоего возвращения, я надеюсь, что мы снова будем дружить.

– Эм... конечно, – ответила Мишель, хотя не помнила, чтобы они когда-либо были подругами.

– Замечательно. Давай пообедаем вместе. Может, на следующей неделе?

Мишель кивнула и поспешила сбежать от Эллен. На обратном пути она решила первым делом найти документы по кредитам и изучить. Речь идет о ее бизнесе, и ей не нужны сюрпризы.

Что до Эллен – ну, Мишель все-таки не была уверена, действительно ли та относится к ней по-дружески или есть что-то еще. Она пожалела, что у них нет контракта об отношениях и она не может прочесть написанное мелким шрифтом.

Что касалось остального... Ей казалось невозможным извиняться перед Карли. Но она должна что-то сделать. И поскорее.

* * *

– Думаешь, это сделали подростки? – спросил Леонард, складывая в мусорный контейнер погибшие растения.

– Я не знаю. – Карли сама не понимала, зачем лжет. Глупо защищать Мишель. Но она просто не могла заставить себя сказать всем правду.

– Они выдрали все цветы до единого, но только здесь, на заднем дворе. Совершенно непонятно.

Карли предполагала, что Мишель исчерпала свой гнев или, может, у нее слишком заболело бедро и она остановилась. Либо это было послание для Карли, и Мишель не хотела огорчать гостей.

Она взяла еще одну охапку мертвых цветов и потащила в контейнер.

Столько трудов пропало, думала она, вспоминая, сколько часов она провела за компьютером, когда искала рассаду по питомникам, находила нужные сорта и заказывала. Сад был ее любимым детищем. Цветы каждый день поднимали ей настроение, расцвечивали яркими красками территорию отеля. Теперь тут ничего не осталось, кроме бурой земли и сознания того, что Мишель хотела причинить боль ей лично.

– Что с тобой? – спросил Леонард, поправляя на носу очки.

– Мне грустно из-за всего этого.

– Я помогу тебе посадить новые. Конечно, прежней красоты не вернуть, но, может, получится тоже хорошо.

Она вымученно улыбнулась.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны. Не знаю, когда смогу их заменить, но дам тебе знать, когда соберусь.

– А что сказала Габби, когда это увидела?

– Она не видела.

Карли отправила дочку в школу через отель. Когда Габби вернется, надо будет придумать какое-то объяснение, но пока ничего не приходило в голову.

– Тот, кто это сделал, был серьезно раздражен. Или пьян. – Леонард огляделся по сторонам. – Либо и то и другое.

«Мишель не очень опьянела, – подумала Карли. – Но она постоянно злилась». Карли понимала, что была самым очевидным объектом для этой злости, хотя, учитывая их прошлое, у кого из них больше на нее прав?

– Ты в порядке? – снова спросил Леонард.

– Я приду в себя. У меня напряженный день.

Он неловко стоял рядом, словно хотел сказать и сделать что-то еще. Карли похлопала его по руке.

– Спасибо за помощь. Ступай к своим журавлям. Кто знает, что им грозит, когда ты не с ними?

– Я могу и остаться.

Она покачала головой:

– Нет, у меня все нормально.

Или будет нормально. Как бы то ни было, жизнь научила ее держаться в самых тяжелых ситуациях. Сегодняшняя неприятность не самое плохое, через что ей доводилось проходить.

Леонард ушел. Карли откатила мусорный бак на место, пошла к себе и приняла душ.

Утро она провела в сувенирной лавке – помогала покупателям с выбором и продолжала инвентаризацию. Вместо проданных товаров нужно заказать новые. Прекрасная возможность отвлечься.

Она принесла с собой ноутбук; пользуясь затишьем в торговле, напечатала свои соображения и отправила их Мишель. После ланча поднялась вверх – проверить перед заселением новых гостей

убранные номера. Зайдя в первую комнату, она заметила на улице какое-то шевеление, подошла к окну и выглянула наружу.

Мишель сидела на лужайке, окруженная лотками с цветами. Дюжинами, а то и сотнями гербер и ромашек. Не такими разнообразными, какие Карли отыскала за много лет, но яркими и веселыми. В руке Мишель держала маленький совок и старательно сажала каждое растение.

Карли прислонилась плечом к оконной раме и смотрела. Головная боль немного утихла, как и напряжение в теле. Еще недавно она гадала, извинится ли перед ней Мишель. Но так было даже лучше. Поступок вместо слов.

Она не понимала, почему Мишель выдрала цветы. Может, ей и не нужно было понимать. Достаточно того, что она сажала новые.

* * *

После завтрака Мишель сосчитала чеки, и результат ей не понравился. Она велела Изабелле регистрировать бланки и нумеровать их по порядку, но та не сделала этого. Номера были поставлены как попало, некоторые бланки отсутствовали, их было меньше, чем она ожидала. Творилось что-то не то.

Раньше работать в отеле была проще, думала она, когда шла через опустевший ресторан на кухню. Не было сувенирной лавки, да и ресторан был крошечным. Возни было не меньше, но все было понятнее. Теперь начались осложнения. Конфликты. Драмы.

Она вошла на кухню. Дамарис перевела взгляд от чеснока, который резала, и подняла руки.

– Что? – спросила она и усмехнулась. – Ты пришла вышвырнуть в мусор мои кастрюли и сковородки?

– Очень смешно.

– Я впечатлена тем, как ты расправилась с ромашками. Жаль, что ты посадила их назад.

Она не то чтобы посадила их назад. Вырванные цветы уже не спасти. Взамен она купила новые и посадила их. Это на несколько дней вывело из нормы ее бедро. Манго орал на нее, говорил, что

цветоводство не помогает выздоровлению. Она не стала объяснять, что это была разовая акция.

– Не впечатляйся, – ответила ей Мишель. – Я просто сорвалась. Тут нечем гордиться.

Она и сама до сих пор не понимала, зачем так поступила.

«Вот если бы я могла спать, – подумала она. – Когда меня перестанут терзать те сны? Когда я перестану напиваться, чтобы забыть пережитое? Или вздрагивать от громкого шума, или что-то делать, а потом отвлекаться и не понимать, где я нахожусь».

– Возьми рулет с корицей, – предложила Дамарис.

Несмотря ни на что, Мишель улыбнулась.

– Еда не решает всех проблем.

– Должна решать.

Мишель взяла маленькую тарелочку и положила туда рулет с корицей и ежевикой. Он был покрыт густой коричной глазурью и испачкал пальцы. Она откусила кусочек.

– Восхитительно.

– Рецепт я держу в секрете. Без меня ты пропадешь.

Ее слова прозвучали эхом недавней реплики насчет Карли. Карли, которую она обидела без причины, чья главная вина была в том, что она заботилась об отеле.

– Из ресторана пропадают чеки, – сказала Мишель. – Я просила Изабеллу держать все в порядке, но она не делает этого. Она еще и не регистрирует их, поэтому я не знаю, какая официантка какой выдала.

Дамарис принялась чистить полдюжины луковиц.

– Ну и что?

– Так деньги же пропадают.

Дамарис не отрывала глаз от разделочной доски.

– Ты уверена? Изабелла – хорошая девочка. Я доверяю ей. Может, это кто-то из официантов. Или Карли. Она все время тут крутится.

– Когда? Я никогда не вижу ее в ресторане, если она не подменяет Изабеллу.

– Она могла это сделать. – Дамарис посмотрела на Мишель. – Ты слишком много беспокоишься. Мы зарабатываем деньги, клиенты довольны. Управляй отелем и оставь ресторан мне. Я на твоей стороне, Мишель.

– Я знаю.

Мишель доверяла Дамарис, а Дамарис доверяла Изабелле. Получалось прямо-таки математическое уравнение. Если A равно B , а B равно C , тогда A равно C . Значит, она должна была доверять Изабелле. Но только она не доверяла ей.

Глава 24

Мишель наблюдала, как Полин и Сет жмут руки последней уезжающей паре. Мужчина и женщина, которые еще несколько дней назад почти не разговаривали друг с другом, теперь весело смеялись. Они постоянно касались друг друга. Пока Мишель смотрела на них, мужчина интимным и привычным жестом провел свободной рукой по задку супруги. В этом жесте была такая внутренняя связь, что Мишель стало больно, и не из-за заживающих ран, а из-за тоски, более глубокой, чем плоть и кости.

Супруги сели в спортивный автомобиль и умчались прочь. Сет что-то сказал Полин, вытащил телефон и посмотрел на экран. Хотя Мишель стояла слишком далеко и не слышала, о чем он говорит, она увидела выражение его лица. Оно означало, что ему надо ответить на звонок.

Подчиняясь импульсу, Мишель вышла из отеля и направилась к Полин. Та при виде нее улыбнулась и помахала рукой, потом встретила с ней на веранде.

– Очередной успешный заезд? – спросила Мишель.

– Да. Очень. Большинство пар, приезжающих к нам, действительно хотят наладить отношения. К сожалению, они вязнут в непродуктивной ругани и не знают, как из этого выбраться. У нас есть несколько простых методик, которые показывают им, что любовь все еще жива.

– А если нет?

– Тогда им предстоит сделать трудный выбор. – Полин показала на кресла на веранде. – Сет отошел на несколько минут. Давайте присядем, если у вас есть время.

– Хорошо.

Они устроились в мягких креслах. Мишель вытянула ноги и почувствовала приятную ломоту в бедре. Она говорила не о боли, а о выздоровлении.

– Вы стали легче ходить, – заметила Полин.

– Мне уже лучше. По крайней мере, физически.

– А как дела с остальным?

– Мне не нужна терапия.

– Конечно, нет.

– Я общаюсь. Вежливо. И ничего больше.

– Вижу.

Мишель посмотрела на собеседницу, пытаясь понять, искренне она говорит или слегка насмешливо. У Полин был твердый взгляд, а в голубых глазах светился интерес и больше ничего. Проклятые мозгоправы-профи, мрачно подумала Мишель. У обычного человека нет никаких шансов их понять.

– Я вырвала цветы, – сказала она неожиданно для себя; слова просто выскочили из нее. – Это сделала я.

– А я удивлялась, кто это мог так изуродовать сад.

– Я была пьяна и вообще ненавижу ромашки и герберы.

– Согласна, они могут раздражать.

– Теперь вы скажете мне, что я сошла с ума. – Мишель вздохнула.

– Нет, вы здоровы. Ну как, разочарованы?

Мишель задумалась над вопросом.

– Я не могу решить.

– По крайней мере, вы честно признались, – улыбнулась Полин. – А ваша мать любила ромашки?

– Да, любила. Не так, как Карли, но... – Она помолчала, потом выругалась. – Откуда вы знаете про мою мать?

– Я на сто процентов уверена, что вы не вылупились из яйца. – Полин пожала плечами. – Иногда я заглядываю на кухню в неурочное время, чтобы попросить у Дамарис кекс. Она любит поговорить, а я умею слушать.

– Что еще она вам рассказала?

– Она считает, что Изабелла слишком рано приучает ребенка к горшку.

– Вы знаете, что я имела в виду.

– Да. Знаю.

Мишель подождала немного, но Полин молчала. Мишель вздохнула.

– Мне хотелось обидеть Карли, вот я и выдрала цветы. Может, я хотела обидеть и мою мать. Отомстить за все плохое, что она мне сделала.

Она кратко рассказала о финансовой катастрофе, с которой столкнулась после возвращения.

– Сейчас некого в этом винить, – добавила она. – Карли делала все, что могла.

– И вам это не нравилось. Вы остались без врага, которого можно одолеть. У вас столько энергии, а применить ее некуда. Вот и подвернулись однажды вечером эти несчастные цветочки, дразнившие вас.

– Значит, вы тоже понимаете, что цветы могут дразнить? – усмехнулась Мишель.

– Образно говоря, да. – Полин взглянула на нее. – Нет ничего плохого в том, чтобы испытывать какие-то эмоции. Мы все их испытываем. Но когда мы выходим за рамки нормального поведения, это нехорошо. Вы это понимаете. И даже чувствуете, что это для вас нехорошо и бесполезно. Вы чувствуете себя униженной, если кто-то видит то, что вы считаете слабостью или потерей контроля. Но посмотрите с другой стороны. Вам был нужен звонок будильника, и вы его получили. Так что теперь вы прикинете, как вам лучше контролировать эмоции. Вы посадили цветы и извинились. Можно поддаться минутному порыву. Но главное то, как мы ведем себя потом. Тогда и становится видно, что мы собой представляем.

Впервые после возвращения на родной остров Мишель почувствовала, что на ее глаза навернулись слезы.

– Спасибо, – прошептала она.

Полин сжала ей руку.

– Пожалуйста, Мишель, обратитесь за помощью. Вы на грани срыва. У вас пока еще есть выбор. Думаю, мир покажется светлее, если вы найдете дорогу к прежней жизни. Не становитесь одной из потерянных душ. Их и так у нас слишком много.

* * *

Мишель ходила по заднему двору и разглядывала цветы, но понимала, что если вырвет их из земли во второй раз, то сразу перейдет из категории «со странностями» в разряд «чокнутых». Она была признательна Полин за совет и даже планировала ему последовать. Потом.

У нее появилось доказательство. Не из тех, с каким можно пойти в полицию, но для нее достаточное. Теперь она знала, кто ворует деньги и как.

Общее количество чеков падало в те дни, когда работала Изабелла. Мишель подождала еще неделю, прежде чем пришла к такому выводу. Она проверяла число занятых столиков каждый день во время завтрака. Она знала, сколько из них обслуживались не один раз и сколько должно быть чеков. Менялись официантки, дни недели – но всегда была Изабелла.

Единственным разумным выбором было ее увольнение, но Мишель понимала, что для Дамарис это станет ударом. Изабелла – член ее семьи. Конечно, Дамарис верит своей невестке. Начнутся слезы, обвинения, и, честно говоря, Мишель скорее была бы готова снова выйти в патруль, чем разбираться со всем этим.

– У тебя суровый вид, – сказал Сэм, появившийся из-за угла отеля. – Мне нравится.

– Выключи свое обаяние. Я не в настроении.

– Для обаяния всегда есть место. Оно как «Джелло»^[12]. – Он пригладил свою шевелюру. – Давай, Мишель. Расскажи дяде Сэму, что там у тебя.

– Фи, – буркнула она. – Не говори, что ты мой дядя. Жуть берет.

– Справедливо. Тогда расскажи все старому другу, который заботится о тебе.

Мишель вздохнула:

– Личные проблемы. Не хочу говорить о них.

Она смерила его взглядом. Симпатичный мужчина. Как жаль, что ей не хочется с ним спать. Он бы с радостью поудовлетворял ее пару дней и пошел своей дорогой. Без вопросов и обещаний. Вот только в этом плане он ей не интересен.

– Я забросила тебя, да? – спросила она, гадая, начнет ли когда-нибудь список ее ошибок уменьшаться, а не увеличиваться. – Ты сколько уже здесь? Две недели? Дольше? И мы ни разу даже не встретились. Извини.

– Не извиняйся. Я тут не скучал.

– Я должна спросить ее имя?

– Дело не в женщине. – Сэм усмехнулся. – Я получил работу.

– Что? – Она бросилась к нему и обняла за шею. – Вот здорово. Ты согласился? Это официально? Обмоем это дело?

– Согласился, да, и обмоем, конечно. Выхожу на следующей неделе. Я снял жилье, а из Техаса уже везут мое барахло.

Они подошли к креслам в патио, и он жестом предложил ей сесть. Сам сел напротив и вытянул свои длинные ноги.

Минувший год Сэм провел на военной базе Форт-Худ. Техас все-таки далеко от Тихоокеанского Северо-Запада.

– Думаешь, сможешь привыкнуть к дождям? – с насмешкой спросила она.

– Я могу привыкнуть к многим вещам. Я готов стать снова штатским.

– Ты ведь служил двадцать лет. Откуда ты знаешь, что тебе это понравится?

– Раньше-то мне все нравилось. К тому же теперь я могу спать, когда хочу.

– Правда?

Его взгляд лениво скользнул по ее лицу.

– Спать? Конечно. А ты нет?

– Пока еще нет.

– Кошмары?

Она кивнула.

– Все еще вздрагиваю от громкого шума.

– Я тоже, но научился это скрывать. Не так просто пройти через все то, через что ты прошла, и вернуться сюда. Из прошедших десяти лет ты большую часть времени провела в Ираке или Афгане. Там было опасно делать даже такую женскую работу, как твоя.

– Я не делала женскую работу. – Она сердито сверкнула глазами.

– Делала, и ты сама это знаешь.

– Я никогда не попадала в прямые столкновения, – призналась она. – Но ведь и ты тоже.

– Мне хватало стрессов и так.

Она лишь однажды оказалась в смертельной опасности, но он говорил не только о засадах. Он напомнил ей, что их постоянно обстреливали ракетами и что канонада никогда не затихала.

Она выросла здесь, на Ежевичном острове, где жизнь регулировалась сменой времен года и туристами, которые мигрировали

как птицы. Она никогда не думала, что ей придется раз в три месяца подтверждать квалификацию по стрельбе, переносить жару в сорок градусов в тени и отыскивать в своих шмотках смертельно ядовитых фаланг.

Хотя ее работа заключалась в обеспечении бесперебойных поставок провианта и обмундирования, ей никогда не удавалось расслабиться и сделать вид, что она дома. Армия превратила ее в солдата, но сердце и душа оставались штатскими. Она надеялась, что благодаря этому ей будет легче вернуться к обычной жизни, но ошибалась.

– Ты поступила правильно, – сказал ей Сэм. – Что убила его. У тебя не было выбора.

– С ним была его дочка. Цеплялась за него. Она вырастет, помня об этой смерти, и это моя вина.

– Лучше, если бы он убил тебя?

– Нет, но...

– Тут нет никаких «но». Только два варианта. Ты убьешь его – или он убьет тебя. Вот зачем он оказался в тот день там. Ведь он не на базар ехал и не к другу в гости. Он был там, чтобы напасть на солдат врага и убить их. Это он взял с собой ребенка. Какой нормальный отец так сделает? Почему он не оставил девочку дома? Дело не в тебе, Мишель. Ты берешь на себя вину, и из-за этого тебе трудно жить дальше.

Она знала, что он прав, но его слова не приносили ей облегчения.

– Тебе нужно поговорить с кем-нибудь, – сказал он.

– Ты не первый, кто дает мне такой совет.

– Ты всегда была упрямой. Чаще всего это полезное качество. Но сейчас ты портишь себе жизнь. – Теперь он говорил серьезно и решительно. – Ты знаешь, что важна для меня, да?

– Да.

– Тогда послушай. Я видел, как это бывает. Ты начинаешь поскальзываться в мелочах и можешь это исправить. Может, пьешь чуть больше прежнего, или балуешься наркотой, или гоняешь на тачке. Потом сползаешь дальше. Не успеешь оглянуться, как оказываешься по уши в дерьме и у тебя куча других проблем. Ты балуешься?

– Что? Наркотой? Нет. Я пью.

Она поморщилась, потому что не собиралась признаваться в этом.

– Обратись за помощью. Если бы ты могла справиться сама, ты бы уже это сделала.

Он был прав, Полин тоже. Очевидно, кто-то пытался что-то ей сообщить.

– Я знаю. Найду что-нибудь.

– Дай угадаю. Скоро. Когда решишься. Начнешь утром в понедельник.

– Ты всегда такой настойчивый? – поинтересовалась она, надеясь его отвлечь.

– Нет, но ты никогда еще не была в такой нехорошей ситуации. Ты разваливаешься на глазах. Любая мелочь может толкнуть тебя через край.

Она ожидала, что почувствует приступ гнева. Он придаст ей сил. Но вместо этого ее внезапно захлестнула волна печали. Она почти ожидала увидеть перед собой дементоров из книжек про Гарри Поттера. По крайней мере, летающие существа, которые высасывают счастье, были бы более простым объяснением, чем правда.

– Но если мне не станет лучше? – спросила она, борясь со слезами. – Что, если я ничего не смогу с собой поделать?

Сэм закатил глаза:

– Потому что ты вот такая особенная? Подними задницу, займись делом, и все получится.

Она вскочила и пересекла небольшое пространство между ними. Занесла руку и сжала кулак. Она не понимала, как ударит его, но знала, что ему будет больно.

Он вскочил на ноги раньше, чем она ожидала, схватил ее кулак и слегка повернул его, используя против Мишель ее же силу. Уже через долю секунды она оказалась прижатой к его телу, полностью скованной, с рукой, давящей на ее грудную клетку.

Тихий смех наполнил ее левое ухо.

– Ты в плохой форме, раз пытаешься меня стукнуть.

– Ты меня вывел.

– Понятно. – Он отпустил ее и дотронулся до ее щеки. – Обратись за помощью.

– Ладно, – буркнула она, сомневаясь, что это правда.

Он обнял ее, и она повисла на нем, подпитываясь его силой. Когда он отпустил ее, она подняла голову, собираясь поблагодарить. Но его

внимание было направлено не на нее. Он смотрел на отель.

Нет. Не просто смотрел. Высматривал кого-то. Она проследила за его взглядом и увидела мимолетное движение. Карли проверяла комнаты.

– Что ты... – Она замолкла и вытаращила глаза.

Она узнала этот взгляд, медленную, сексуальную усмешку, ожидание в глазах. Чертов кобель.

– Ты положил глаз на Карли? – сердито спросила она.

– Конечно. Почему бы и нет? Ты видела ее?

– Она меня уже достала, – пробормотала Мишель, понимая, что Карли привлекательна. Маленькая блондинка с выпуклыми формами, женственная. Ей не надо говорить, чтобы она правильно одевалась, она не просыпается ночью от собственного крика и не пьет водку. – Ненавижу ее.

– Нет, неправда.

– Я должна ее ненавидеть.

– Она твой деловой партнер и подруга.

– Не морочь мне голову. Я не могу поверить, что ты хочешь с ней встречаться.

На его лице промелькнуло самодовольное выражение. У Мишель отвисла челюсть.

– Ты уже спишь с ней? – Ее голос зазвенел от ярости. – Когда? Как? Вот черт!

– Иногда, – признался он.

– Но ты хочешь чаще. Она работает здесь.

– И что?

– И... ну... у нее ребенок.

– Я люблю детей.

– Когда ты в последний раз был рядом с ребенком?

– Что за вопросы? – спросил он. – В чем проблема?

Она не знала, и ей было трудно ответить. Хотелось сказать, что это неправильно, что ему нельзя встречаться с Карли – но если она так скажет, Сэм лишь рассмеется.

– Почему ты расстроилась?

– Я не расстроилась.

Он молча посмотрел на нее.

– Нет, не расстроилась, – повторила она. – Просто это странно. И мне не нравится.

– Тогда не смотри.

Она толкнула его.

– Я уже говорила, что ты мне ужасно не нравишься?

– Ты любишь меня, а я люблю тебя. И всегда буду любить. Но это не значит, что ты можешь вмешиваться в мою личную жизнь.

– Я понимаю, – вздохнула она.

* * *

Карли тщательно посыпала карточку блестками и помахала ею в воздухе, чтобы высох клей. Она пачками заготавливала заранее приветственные карточки и обязательно писала внутри несколько слов для каждого гостя. Летом, когда отель почти всегда был переполнен, ей не хватало на это времени.

На столе лежали сорок готовых карточек. Она убрала в коробку ножницы, клей и все остальное и сунула ее на нижнюю полку книжного стеллажа.

Письменный стол и стеллаж были ее. Остальное пространство служило дополнительной кладовой. Там хранились коробки с бумагой, картриджи для принтера и сезонный декор.

Одно время Карли хотелось кабинет побольше, ну, более удобный, может, даже с окном. Но потом решила, что ее устраивает и этот. Не огромный, но тут достаточно места для того, что ей нужно делать. По правде говоря, она охотнее сидела за стойкой администратора, общаясь с гостями, чем возилась тут с цифрами. Острая потребность выглядеть важной персоной у нее почти исчезла.

Отчасти это произошло из-за того, что работать с Мишель было проще, чем с Брендой. У Мишель были свои недостатки – это показал инцидент с цветами, – но ее вспышки злости не были неожиданными или подлыми. У Бренды Карли всегда была мишенью. У Мишель – просто одним из раздражителей.

Карли поставила на стол ноутбук и включила. Пока тот жужжал и гудел, она думала о том, как Мишель выдрала все цветы. Карли казалось, что это все еще должно ее расстраивать, но она отпустила

ситуацию. Мишель ненавидела ромашки. В тот момент ей хотелось выместить на них свое раздражение, вот она и дала рукам волю.

Это могло бы стать большим скандалом, но не стало. Вероятно, потому что было сделано совершенно открыто. Бренда любила выискивать слабые места и бить неожиданно. А Мишель атаковала напрямую, не оставляя сомнений насчет своих намерений и смысла действий.

Ноутбук наконец-то загрузился. Вспыхнул экран, на заставке было фото Габби, державшей в руках ромашки. Карли даже засмеялась. О'кей, пожалуй, она чуточку перестаралась с этими цветами. Может, ей нужно знать меру.

К ней вошла Мишель, слегка постучав в дверь.

– У тебя найдется секунда?

– Конечно. – Карли показала на узкое деревянное кресло возле стола. – Что такое?

Мишель долго смотрела на нее.

– Мне жаль, что так вышло с цветами. Я немного спятила.

– Расправилась ты с ними впечатляюще.

– Ты обиделась?

– Нет. Я почти понимаю тебя. Может, цветочная тема тебя утомила.

Я постараюсь ее сгладить.

Мишель скривила губы.

– Не говори так. Ты наверняка злишься на меня.

– Знаешь, нет. Я правда понимаю. Во всяком случае, насколько мне это удастся, учитывая обстоятельства.

Мишель прищурила темные глаза:

– Ты просто невыносима, блин. Хватит расточать любезности. Я чудовище, а ты все еще здесь, все еще прикрываешь мне спину. Ради бога, не будь идиоткой.

– В чем проблема? – спросила Карли, вставая.

– Ни в чем. Во всем. Я не могу...

Она тихо выругалась и достала что-то из заднего кармана. Положила на стол, повернулась и ушла.

Карли взяла сложенный листок бумаги, развернула и увидела фото.

– Не может быть, – прошептала она. Ее бросило одновременно в жар и в холод. Фотокарточка дрожала в ее пальцах.

Снимок был простой. Мишель в кружевном платье и с букетом невесты в руке. Рядом – высокий мужчина в костюме.

«Свадебное фото», – подумала Карли, не в силах в это поверить. И женихом был Сэм.

Глава 25

Карли удалось отлучиться из отеля после ланча. Габби должна была вернуться часа через два-три, а первые гости обычно не приезжали до трех. Она позвонила Сэму и попросила встретиться с ней в «Кофейном домике» возле марины. Когда она пришла, он уже ждал ее.

Попросив добавить побольше шоколада в свой мокко латте, она села к нему за уличный столик. День был серый, но довольно теплый. В небе с криками кружились журавли. «Интересно, далеко ли сейчас Леонард», – подумала она и пожалела, что он не привлекал ее как мужчина. Тогда ее жизнь была бы менее запутанной.

Сэм встал, когда она подошла, и выдвинул для нее стул.

– Наконец-то, – сказал он. – Я уж думал, что ты прийдешь мне сообщение, а сама не придешь.

Он мог бы и сам позвонить ей и пригласить куда-нибудь. Она бы согласилась, но при ее загруженности на работе и из-за Габби не смогла бы выбрать день и время. В основном потому, что не была уверена, хочет ли встретиться с ним снова. Рядом с Сэмом ее тело вытворяло фокусы, которые ей не нравились. Или, может, нравились чересчур. Было важно себя контролировать. Она хотела быть ответственной сотрудницей отеля и хорошей матерью. Неожиданный секс на ее диване был не самым разумным поступком.

Она протянула ему сложенную фотографию. Он развернул ее и усмехнулся.

– Я видел это и раньше.

– Неудивительно, если учесть, что на снимке стоишь ты сам. – Она поставила кофе и наклонилась к нему. – Ты был женат на Мишель.

– Это утверждение или вопрос?

– Утверждение. Ты был женат на ней, а мне не сказал.

– И что с того?

– Не думаешь, что мне хотелось бы об этом знать?

– Тогда почему ты не орешь на Мишель? Она тоже ничего не сказала.

– Я не ору. – Она нарочно понизила голос, потом посмотрела по сторонам и убедилась, что никто не может слышать их разговор. – К

тому же я не спала с Мишель. Я спала с тобой. Она мой босс. Неужели ты не понимаешь, как полезно мне было бы знать об этом?

– Понимаю. Виноват. Но тут нет никаких секретов. Мы с Мишель расстались три года назад. Но остались друзьями. Так лучше для нас обоих. И вообще нам не следовало жениться.

«Он говорит об этом так небрежно», – угрюмо подумала она. А ей хотелось кричать, что он лгал ей. Технически, конечно, не лгал, но умолчал о важном.

– Она в бешенстве? – спросил он.

– Ну, во всяком случае, ее это не обрадовало. Скажем так.

– Ей обычно наплевать, с кем я сплю. – Он нахмурился.

– У нас с Мишель сложное прошлое.

Это ведь продолжение темы Аллена. Неужели Мишель думает, что Карли спала с Сэмом, чтобы поквитаться? Ситуация не та же самая: бывший муж – не жених, но связь все-таки была.

– Ты должен был сказать мне, – повторила она.

– Разве это изменило бы результат?

– Да.

– Тогда я рад, что не сказал. Ты мне нравишься, Карли. Я хочу встречаться с тобой.

– Я не могу.

– Почему? Из-за Мишель? Но при чем тут она?

– Я работаю у нее.

– Ну и что?

– Она моя подруга. Все это слишком странно.

– В этом отношении я ей совершенно не интересен. И нельзя же строить свою жизнь с оглядкой на то, что произошло давным-давно.

– Я должна помнить об этом. Не хочу ее огорчать.

Он встал и бросил фотографию на стол.

– Ты сильно преувеличиваешь. Поверь мне, ей все равно.

– Возможно, но мне нет.

Он смерил ее долгим взглядом.

– Тогда ладно. Думаю, мы еще увидимся.

Он ушел и не оглянулся. Карли смотрела ему вслед. Она знала, что приняла правильное решение. Может, Мишель его не оценит, но оно правильное. Важно помнить о моральных принципах. Карли устала

объяснять свои поступки и оправдывать прошлое, которое она не могла изменить. Лучше поступить правильно с самого начала.

* * *

В среду утром Мишель стояла возле задней двери отеля и смотрела на лужайку, где занимались три новые супружеские пары. У одного из супругов были завязаны глаза, другой или другая вели первого. Полин уже объяснила Мишель, что это «упражнение на доверие», оно соединяет пары. Мишель хотелось усомниться в этом, но она уже видела доказательства, что методы психологов работают.

Карли подошла к ней.

– Что происходит?

Мишель показала на пары:

– Ты бы стала так делать? Позволить какому-то мужику завязать тебе глаза и водить по кругу?

– Конечно. Почему бы и нет?

– Я бы не смогла решиться. Мужики – идиоты.

Карли засмеялась:

– Пожалуй, но повязка на глазах – чепуха. Когда ты замужем, ты все время уязвима. Твой муж может убить тебя ночью.

– Знаешь, это извращенная логика.

– Часть моей блестящей личности. Кстати, я не встречаюсь с Сэмом. – Она протянула фотокарточку. – Я поговорила с ним и сказала, что мне это не интересно.

Мишель игнорировала протянутый снимок.

– Зачем ты это сделала?

– Потому что ты была замужем за ним.

– Я никогда не говорила, чтобы ты с ним рассталась.

– Это подразумевалось.

– Нет, неправда.

Карли вздохнула:

– Нет, правда. Я просто говорю тебе, что мы больше не будем встречаться.

– Если не из-за меня, тогда ладно.

Карли подвинула к ней снимок:

– Так ты возьмешь его назад или нет?

– Ты раздражена.

– Потому что ты серьезно меня злишь. Ясно как день, что тебе не все равно, встречаюсь я с ним или нет. Иначе ты бы нашла другой способ сообщить мне, что вы когда-то были женаты. Ты выбрала шоковый вариант. Он сработал. Будь счастлива.

Мишель не могла вспомнить, когда в последний раз была счастлива. Сейчас она вообще ничего особенного не чувствовала. Разве что легкую тревогу. И гораздо меньше – боль. В основном это было оцепенение – как будто место, где рождались эмоции, онемело или даже отмерло. Она убеждала себя, что это признак выздоровления, но в глубине души подозревала, что это еще один шаг по дороге в никуда.

– Можешь с ним встречаться, – медленно проговорила Мишель, понимая, что говорит вполне искренне. – Это твое право. В тот раз я погорячилась. Но не по злости, это точно. Скорее из-за неожиданности. Когда узнала, что ты спишь с ним.

– Я вовсе не собиралась, – пробормотала Карли, покраснев.

– Сэм – сексуальный парень.

– Да, это точно. Но все уже позади.

– Как знаешь.

– Как мне хочется тебе врезать.

– Что ж, попробуй. – Мишель улыбнулась.

– Пожалуй, не буду, – ответила Карли. – У тебя профессиональная подготовка и вообще.

– Вот именно. – Мишель отвернулась от окна. – Мы с Сэмом были вместе всего пару месяцев. Поженились спонтанно, но быстро поняли, что слишком похожи. Это предпосылка для настоящей дружбы, а не для прочного брака.

– Спасибо за откровенность, – буркнула Карли.

Мишель пристально посмотрела на нее.

– Ладно. Поговорим о работе. Я собираюсь уволить Изабеллу.

– Что?

– Это она ворует. – Мишель до последнего пряталась от правды. – Когда она работает, у нас меньше выручка, чем не в ее смену. Я пыталась выяснить, кто бы еще это мог быть, но не смогла. Дамарис будет в ужасе.

– Очень жаль. Когда ты собираешься с ней расстаться?

Мишель взглянула на часы.

– Сейчас. Перед дневной сменой.

– Я пойду с тобой. Для моральной поддержки.

Мишель не стала отказываться. Пожалуй, хорошо, если рядом кто-нибудь будет. Более объективный.

Они прошли в ресторан. Изабелла говорила по телефону. При виде них она закончила разговор и сунула телефон в карман.

– Дамарис на кухне, – сообщила она.

– Мы пришли не к ней, – сказала ей Мишель. – Нам надо поговорить.

– Ладно.

Мишель не хотелось это делать – говорить, обвинять, считаться с последствиями. Не хотелось вести себя по-свински. И почему только Изабелла не могла просто делать свою работу и собирать чеки?

– Я собираюсь расстаться с тобой, – спокойно сказала Мишель. – Я знаю, что ты крадешь деньги в ресторане. Я знаю, что ты берешь деньги у клиентов, которые платят наличными, и кладешь их в карман. Я проверила всех, кто тут работает, и все сходится на тебе.

В темных глазах Изабеллы вспыхнул гнев, но она не сказала ни слова. Просто повернулась и быстро ушла на кухню. Через несколько секунд вернулась, таща за собой Дамарис.

– Что такое? – спросила повариха, вытирая руки о фартук. – Я занята. Я готовлю суп.

– Скажи ей, – обратилась Изабелла к Мишель, скрестив на груди руки. – Скажи это ей.

Мишель переводила взгляд с Дамарис на Изабеллу, не зная, что и думать.

– Я увольняю Изабеллу за воровство.

– Говорила я тебе, что она все заметит, – сказала Изабелла свекрови. – Я говорила, что надо остановиться, но разве ты послушала? Нет. Ты всегда делаешь по-своему. – Она сердито взглянула на Мишель. – Ты такая глупая. Это не я. Это она. Я делаю то, что она мне велит. Так заведено в нашей семье. Да, я оставляю наличные у себя. И это была не моя идея.

Мишель ничего не понимала. Да, конечно, в этих словах был смысл, и она даже могла поверить, что Изабелла была скорее

исполнительницей, чем инициатором, но Дамарис? Нет. Такое просто невозможно.

– Успокойся, – сказала Дамарис. – Сейчас я все объясню.

Изабелла схватила свою сумочку и с гордым видом направилась к двери. Мишель посмотрела на женщину, которая была ее подругой много лет.

– Как ты могла?

Дамарис поправила очки и выставила перед собой руки.

– Подожди секундочку. Твоя мать годами использовала меня. Ты знаешь, как мало она мне платила. А ведь у меня семья. И благодаря мне люди приходят сюда. Чтобы вкусно поесть. Я говорила ей, а она отвечала, что, если я хочу уйти, она меня не держит. Но я не хотела. – Дамарис дотронулась до руки Мишель. – Я осталась здесь из-за тебя.

Мишель ощутила знакомый ужас, он сопровождал каждое воспоминание. Только на этот раз не было ни стрельбы, ни ужасающей жары. Была ложь. В чем-то более смертельная, чем пуля.

– Я повысила тебе зарплату, – проговорила Мишель онемевшими губами. – Я говорила с тобой о том, что тут происходит.

– Я знаю. Надо было остановиться и не брать так много. Я не думала, что ты заметишь. В этом моя ошибка.

Карли подошла ближе.

– Нет, Дамарис, твоя ошибка не в этом. Твоя ошибка в том, что ты воровала у работодателя. Бренда и Мишель доверяли тебе. Я допускаю, что Бренду ты просто не уважала. Но ты всегда твердила, что любишь Мишель. Что все делаешь в ее интересах. И вот – пожалуйста!

– Тебя это не касается, – огрызнулась Дамарис. – Я не работаю на тебя.

– Что ж, это упрощает дело, не так ли? – Голос Карли звучал спокойно, словно она полностью владела собой.

Мишель была рада, что кто-то из них держит себя в руках. Сама она еле дышала. Ей не хотелось тут стоять, не хотелось разбираться с этим.

– Ты уйдешь тихо, – сказала Карли. – Скажешь всем, что устала работать на одном месте. Ты не будешь обращаться за пособием по безработице. И не скажешь ничего плохого об отеле или ресторане, Изабелла тоже. Если ты не согласишься с этими условиями, Мишель пойдет в полицию и тебя арестуют.

На щеках Дамарис вспыхнули пятна.

– Не угрожай мне. Мишель никогда этого не сделает. – Она снова повернулась к Мишель. – Скажи ей. Скажи ей, что я тебе не чужая. Да, согласна, не надо мне было брать деньги. Больше не буду. Но я не могу тебя бросить. Я нужна тебе.

Если бы Мишель нужно было составить список тех, кому она может доверять, Дамарис была бы в самом верху. Скорее всего, Сэм был бы на первом месте, но Дамарис была бы вторая или третья. А где оказалась бы Карли, было неясно. Пока.

Но реальность резко изменилась, и это лишило ее равновесия. Ей нужно было на что-то опереться. Подождать секунду и понять, что происходит.

– Ты ей не нужна, – веско заявила Карли. – Ей нужны люди, которым она может доверять. Тебе пора уйти.

Дамарис прижала руки к губам.

– Правда?

Мишель тряхнула головой, обиженная и невероятно грустная. Нет, хуже.

– Ты не можешь остаться. Ты это сделала, и я не хочу видеть тебя рядом.

Дамарис сорвала с себя фартук и швырнула на пол.

– Без меня ты не продержишься. Ресторан прогорит.

– Я напишу письмо, – сказала Карли. – Завтра в девять вы придете с Изабеллой и подпишете его. Если нет, я обращусь в полицию.

– Ты не можешь так поступить.

– Могу. Посмотри мне в глаза, Дамарис. Ты сомневаешься в моей готовности посадить тебя за решетку?

Дамарис шагнула к Мишель.

– И ты позволишь ей так поступить? Со мной?

Решительный настрой Мишель улетучился, и теперь она дрожала всем телом. Бедро болело так, как не болело уже давно. Она не знала, то ли упадет сейчас в обморок, то ли ее стошнит.

– Убейся.

Дамарис выругалась, потом повернулась и ушла на кухню.

– Я посмотрю, чтобы она что-нибудь не сломала, – сказала Карли и пошла следом за поварихой. – Ты в порядке?

– Конечно, – с трудом ответила Мишель.

Она подождала, пока Карли пройдет через вращающуюся дверь, потом повернулась и стремительно направилась прочь – через вестибюль и холл в свой кабинет. Закрывает дверь и шагнула к столу.

Ее руки дрожали так сильно, что она с трудом выдвинула нижний ящик. На скоросшивателях лежала початая бутылка водки. Мишель отвинтила пробку и пила, пока не прекратилась дрожь.

Глава 26

Карли стояла в центре кухни и убеждала себя, что ей все по силам. Что она сумеет организовать ланч в ресторане и без штатного повара. И старшей официантки. Что ж, по крайней мере, остальные официантки на месте.

На висевшей на стене доске перечислялись «блюда дня». Сегодня были киш и куриный суп с тортильей. Быстрая экскурсия к холодильнику сказала ей, что киши уже сделаны и готовы отправиться в духовку. На плите варился на медленном огне бульон, а ингредиенты для супа были на разной стадии подготовки. Дамарис никогда не готовила по рецептам, но они хранились в компьютере. Карли точно это знала: Бренда донимала поварику, чтобы она держала их там на случай, если вдруг заболит.

Карли подошла к древнему компьютеру в кладовой и отыскала рецепты. Распечатала те, что понадобятся, и дважды проверила время приготовления кишей в духовке.

– Привет.

Она повернулась на голос и увидела стоявшую в дверях рыжеволосую официантку Кэмми. Миниатюрная женщина уже надела форму перед обеденной сменой.

– Я слышала, что случилось. Тебе нужна помощь?

– Так быстро разнесся слух? – Карли велела себе не удивляться.

– У нас с Изабеллой есть общая подруга. Она позвонила мне и спросила, знаю ли я что-нибудь об этом. И я пришла сразу сюда. Решила, что тебе понадобится помощь.

– Спасибо. – Карли кивнула в сторону кухни. – Нужно приготовить ланч. Ты, случаем, не шеф-повар под прикрытием?

– К сожалению, нет, но я могу приготовить сэндвичи.

– Тогда ими и займемся.

Они принялись за дело. К счастью, меню было простым. Много сэндвичей и салатов, «блюда дня» и несколько горячих. Карли понимала, что с чем-нибудь сложным ей не справиться, и составила перечень того, что исключается из меню. Кэмми умела готовить во фритюрнице, и это могло помочь. С молитвой и немалой долей удачи

они как-нибудь справятся. Но вот как выкручиваться завтра и послезавтра?

Карли схватила телефон и позвонила Мишель в кабинет.

– Что?

– Нам надо найти временного повара...

– Вот и займись, – сказала Мишель и оборвала разговор.

– Ладно. – Карли положила трубку и задумалась.

Они жили на острове. Тут не позвонишь в местное агентство по трудоустройству, чтобы получить к обеду пару-тройку кандидатов. Тем более в разгар туристического сезона. Все, кто хотел устроиться на работу, уже это сделали, а тут еще надо уметь готовить. Даже когда Дамарис брала отпуск, начинался кошмар. За исключением прошлого года...

Карли снова повернулась к компьютеру, нашла то, что искала, и схватила телефон.

– Алло?

Голос прозвучал так же отрывисто и звучно, как и когда-то.

– Хелен?

– Да?

– Это Карли Уильямс из отеля «Ежевичный остров». Вы работали у нас в прошлом году, когда наша сотрудница ушла в отпуск.

– Я помню. Хотя я и давно на пенсии, молодая леди, но голова у меня ясная. Что, ваша повариха снова в отпуске?

– Не совсем.

Карли объяснила, что Дамарис уволилась неожиданно и им требуется срочная замена.

Хелен была когда-то учительницей, но любила готовить. Бренда вышла на нее через общих знакомых.

– На какой срок вы меня приглашаете? – спросила Хелен.

Карли растерялась.

– Хм, может, на месяц?

Тогда у них будет время найти кого-то на постоянную работу.

Хелен помолчала.

– Мне бы хотелось номер в отеле. С красивым видом. И еще придется захватить с собой кота. Я не могу оставлять мистера Усача на такой срок с чужим человеком.

О господи. Они полностью забиты в выходные, а тут надо будет кому-то отказывать. Гости обидятся, выберут другое место. Да еще кот в отеле? Как это будет выглядеть? В ее голове закрутились цифры: Карли подсчитывала, что хуже – обидеть гостей, которые больше никогда не вернутся, или потерять часть дохода от ресторана. Математика, возможно, не была ее коньком, но Карли все-таки знала ответ.

Потом, когда Мишель пригрозит убить ее, она припомнит ее же слова – «Вот и займись».

Карли и Хелен договорились о жалованье и часах работы. Хелен обещала приехать на следующий день к ланчу, и это было хорошо. Они не имели права даже просить об этом. Карли согласилась забрать кошачий лоток мистера Усача и наполнитель и закончила разговор, надеясь, что приняла верное решение.

Следующий час пролетел молниеносно. Карли с беспокойством поглядывала на часы, пока разогревалась духовка. В одиннадцать пятнадцать киши были почти готовы.

На кухню вошла Мишель, бледная, пошатываясь и хромая так, как не хромала давно.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Почему ты здесь?

– Мы готовимся к ланчу.

– Просто закрой ресторан. – В ее глазах мелькнуло уныние. – Какая теперь разница?

– У нас испортятся продукты, а люди готовы платить за ланч, – ответила Карли. – Вот в чем разница. Сейчас мы не можем позволить себе этого.

Она схватила Мишель за руку и потащила в кладовую. Закрыв дверь, повернулась к своему боссу.

– Я не буду закрывать ресторан. Нам нужны деньги, и он их приносит.

– Но без Дамарис...

– Она не единственная повариха на планете. Я справлюсь с ланчем. Кэмми мне поможет.

Мишель прислонилась к встроенным полкам и моргала, словно не понимала сказанного.

– Ты собираешься готовить ланч?

– Да. Я уже сказала. – Карли всмотрелась в нее. – Ты пьяная?

– Нет. Возможно. Разве это важно?

Карли подумала, что это очень важно, но только зачем говорить сейчас об этом?

– Мне жаль, что так вышло с Дамарис, но нам надо продержаться. Я знаю, мы сможем. Я уже наняла временную замену. Та женщина уже выходила вместо Дамарис в прошлом году. Она придет к нам на месяц. – Карли вздохнула и с трудом добавила: – Она хочет комнату. С красивым видом. И еще привезет с собой кота.

Карли уже приготовилась к взрыву ярости, но Мишель лишь кивнула.

– Конечно. Как знаешь.

– Что с тобой?

Вместо ответа Мишель вышла на кухню.

– Дай мне какое-нибудь дело.

– Ты можешь делать сэндвичи, – сказала ей Карли, подумав, что надо поскорее все нарезать ей самой. Не стоит сейчас давать Мишель нож. Господи... Вот влипли...

Она понимала, что ее подруга просто раздавлена предательством Дамарис, но не понимала ее реакцию. Мишель, с ее взрывным темпераментом, скорее швырнула бы стул в окно. Но пьяные люди вообще непредсказуемые. Она знала это на своем опыте – насмотрелась на пьяного отца.

С этим она разберется потом. Карли отвела Мишель к раковине – помыть руки и надеть перчатки. Потом протянула ей фартук.

Хелен приступит к работе завтра. Через неполных двадцать четыре часа кризис будет преодолен. Тогда она устроит себе отдых. С шоколадом и вином.

* * *

Шли минута за минутой, Мишель слышала, как на кухню поступали заказы, как официантки уносили готовые блюда. Она методично работала, собирая сэндвичи из лежавших перед ней нарезанных продуктов. Инструкции были простыми, а количество она определяла на глаз, и, насколько могла судить, никто не жаловался.

Водка не очень помогала. Мишель нужно было выпить больше; все ее нервы были обнажены, все сердце – изранено. Сейчас она могла только продолжать двигаться; она понимала, что походит на автомат, но внутри кричала от отчаяния.

– Это последний заказ, – сказала одна из официанток, торопливо заходя на кухню. – Киш и суп. Вы все сделали классно. Никто и не заметил, что нет Дамарис. Я прислушалась к разговорам, но никто ничего не говорил об этом. Видно, новость еще не разлетелась.

Возможно, она говорила что-то еще – Мишель уже не слушала. Она слышала достаточно и поняла, что может теперь уйти.

Стянув с рук перчатки и швырнув их на стол, она развязала фартук, и он упал к ее ногам. Потом она захромала к двери.

Карли бросилась за ней.

– Постой. Что ты делаешь?

– Ухожу.

– Но нам нужно обсудить случившееся. Что делать дальше.

– Действовать.

– Я должна выбрать номер для Хелен и отказать кому-то из наших гостей. Хелен появится только завтра к ланчу. Значит, придется самим готовить завтрак.

Мишель остановилась и посмотрела на нее. Боль наполняла ее всю, трудно было даже думать, не то что говорить. Ей хотелось заорать во всю глотку, потребовать объяснений. Как могла Дамарис так поступить? Как могла так обмануть доверие? Если Дамарис не будет в ее жизни, кто тогда останется?

Ведь, казалось, все шло так хорошо. Она выздоравливала. Но Полин была права. Мишель балансирует на самом краю и может качнуться в ту или другую сторону. Теперь можно было не сомневаться, куда она упадет теперь.

– Мишель?

Мишель отвернулась и захромала прочь. Взяла в своем кабинете ключи, ехала медленно, осторожно, припарковалась перед домом Джареда и вошла через заднее крыльцо на кухню.

Была середина дня. Она рассчитывала, что будет одна. Вместо этого обнаружила Джареда, стоявшего перед пустым холодильником.

– Придется мне научиться готовить, – усмехнулся он, закрывая дверцу. – Или жениться.

«Он шутит», – подумала она, протиснулась мимо него и подошла к шкафу. Наверное, ей надо было засмеяться. Выказать какие-нибудь эмоции. Но было слишком тяжело. Хотелось лишь облегчить боль и обещать себе, что отныне больше ничто не ранит ее так. Честное слово, лучше прострелить себе второе бедро, чем пережить это.

– Мишель?

Она нашла неоткрытую бутылку водки и быстро отвинтила пробку. Не тратя времени, сделала глоток, потом другой. Алкоголь обжег ей горло. Когда она подняла бутылку в третий раз, что-то теплое и сильное остановило ее руку. Она увидела, что Джаред держит ее чуть выше локтя.

– Отпусти, – прорычала она.

– Что случилось?

Она поставила бутылку на стол и прикинула, сумеет ли справиться с Джаредом. Сэм научил ее грязным приемам. Их редко приходилось применять, но она помнила почти все.

– Расскажи мне. – Он разжал пальцы.

Слова прозвучали ласково, скорее как мольба, а не приказ. Она покачала головой, зная, что не сможет сейчас оживить в памяти тот шок. Оживить и сохранить самообладание.

– Что-то в отеле?

Она хотела уйти прочь. Пойти в свою комнату и сидеть там, пока он не уйдет. Вместо этого ее губы зашевелились, и она уже не могла остановиться.

– Это Дамарис, – сбивчиво заговорила она. – Наша повариха. Я знаю ее с шестнадцати лет. Я наняла ее тогда в отель и доверяла как самой себе. Она писала мне письма, пока я служила. Посылала посылки и рассказывала, что происходит. Она беспокоилась, молилась за меня. Не то что моя мать. Никому я была не нужна. Только Дамарис.

Лицо Джареда внезапно расплылось, и она лишь через секунду поняла, что плачет. Не тихо и нежно, как плачут девушки, а с бурными рыданиями, которые сотрясали тело и мешали дышать.

– Я доверяла ей. – Она всхлипнула. – Я верила ей. Все это время я зависела от нее. Каждое утро она готовила мне завтрак. Я считала ее чуть ли не матерью, такой, о какой всегда мечтала. Но все это была ложь. Сплошная ложь. Она воровала у меня. Воровала, врала, а потом ушла, словно ей на все наплевать. На меня наплевать.

Мишель согнулась, пытаясь восстановить дыхание, но все еще рыдала и тряслась. Она знала, что сейчас рухнет на кухонный пол и будет лежать словно смертельно раненное животное.

Сильные руки обняли ее, поддержали. Джаред крепко прижал ее к себе. Она вырывалась, извивалась, не в силах переносить такой близкий контакт, такие ограничения движений. Но все напрасно: он держал ее железной хваткой. Потом она сдалась и поникла.

Она не знала, долго ли плакала. Рыдания затихли, но слезы продолжали литься. Джаред гладил ее по спине и что-то ласково бормотал. В конце концов слезы иссякли, а дыхание замедлилось. Она поняла, что снова может себя контролировать, и высвободилась из его рук.

– Извини, – сказала она, вытирая лицо рукавом. – Обычно я так не расклеиваюсь.

– Нет, расклеиваешься. Ты прячешься от своих проблем. – Он взял бутылку. – И все еще проигрываешь им. Ты думаешь, что напиться легче, что это означает твою победу. Ошибаешься. Ты проигрываешь, и все это видят, кроме тебя.

Она ждала, что ее захлестнет гнев, что справедливое негодование придаст ей силы. Вместо этого внутри была только пустота. Зияющая дыра, грозившая поглотить ее душу и оставить от нее лишь оболочку.

– Я не могу, – прошептала она, сама не понимая, чего не может – то ли найти себя, то ли прекратить саморазрушение.

– Ты точно можешь. – Его взгляд был таким же твердым, как и голос, и таким же лишенным сочувствия. – Перестань себя жалеть и сделай что-нибудь.

Потом он ушел. Она осталась наедине со своей единственной подругой. Она схватила бутылку и ушла в комнату. Сейчас она выпьет и сможет все забыть. Хотя бы до утра.

Глава 27

В пять тридцать утра Карли уже была в ресторане. Несмотря на то что в такой ранний час спал даже Бог, солнце уже взошло над горизонтом. Она сказала себе, что непривычно безоблачное небо – хороший знак и что она сумеет приготовить завтрак для ста с лишним голодных посетителей. Хотя в душе надеялась, что не переоценивает себя.

Накануне вечером она вызвала Бриттани, любимую няньку Габби. Та обещала прийти чуть раньше семи и собрать Габби в лагерь. Дочка без вопросов приняла объяснение, что Дамарис уволилась. Она никогда не дружила с поварихой.

Долгое время Карли не могла понять, за что ее так ненавидит Дамарис. Она предполагала, что та ревнует ее к Мишель. Теперь ей стало ясно: повариха, вероятно, постоянно опасалась, что Карли все узнает, отсюда и такая неприязнь.

Но сейчас ей было некогда размышлять над этим. Куда важнее было понять, как ей приготовить вкусный омлет, чтобы он еще и неплохо выглядел на тарелке.

Она вошла на кухню и обнаружила, что там уже горят все огни и Кэмми возится с продуктами.

– Плохие новости, – сказала она. – Две помощницы Дамарис не вышли на работу. Они оставили голосовое сообщение, что увольняются.

Карли покосилась на телефон. Там мигал огонек – значит, были и другие сообщения.

– О’кей, – пробормотала она и облизала губы. – Скорее всего, нам придется нелегко.

Кэмми похлопала ее по плечу.

– Не бойся, мы справимся. Мы с тобой много лет готовим завтраки для наших детей, а они привередливее, чем любой посетитель ресторана.

Карли молча кивнула; она боялась перейти на крик, если заговорит. Паника и страх бушевали в ее груди, стесняя дыхание.

– Сейчас я принесу рецепты, – сказала Кэмми. – Этим утром мы не будем готовить «блюдо дня», упростим себе задачу. Останутся яйца,

оладьи и французские тосты с корицей. Хлеб с корицей уже приготовлен. Дамарис делала его заранее и размораживала по мере надобности. В морозилке его еще на пару дней.

Карли кашлянула, прочищая горло.

– Хорошая идея. Сейчас я взгляну на меню – есть ли там что-то, за что нам не стоит и браться без профессионального надзора.

Дверь распахнулась, и на кухню вошел Роберт.

– Что ты здесь делаешь? – удивилась Карли.

– Я услышал о случившемся, – ответил он. – И могу вам помочь. Не готовить, – поспешно добавил он, глядя на плиту. – Рассаживать посетителей. Наливать кофе.

– Ничего не понимаю. Откуда ты узнал об этом?

Его взгляд скользнул в сторону Кэмми.

– Услышал от хорошей знакомой. Сейчас у вас запарка. Немного позже я могу открыть сувенирную лавку и помочь там ближайшие пару дней.

Карли отчаянно хотелось просто сесть на табурет и спрятать голову между коленей. Может, тогда все перестанет крутиться перед глазами. Что ж, по крайней мере, тут был Роберт. Кажется, он узнал обо всем от Кэмми. Карли и не подозревала, что он общался с ней. Когда это он успел?

– Дыши ровно, – сказала Кэмми. – Успокойся.

Личное потом, сказала себе Карли. Главное сейчас – завтрак.

– Ладно, – сказала она. – Беремся за дело.

Минут через двадцать у нее появилась иллюзия, что они взяли ситуацию под контроль. Кэмми уже готовила первую порцию блюд, а сама Карли выкладывала на длинный кухонный стол все, что им понадобится. Они убрали из меню четыре самых сложных блюда, оставив самые простые. Кэмми согласилась заняться омлетами, а Карли – всем остальным. Официанток было достаточно, Роберт рассаживал гостей и сидел на кассе. Так что с ресторанным залом было все в порядке. Но требовалась еще пара рук на кухне.

Когда Карли уже собиралась позвать Бриттани и попросить ее помочь, на кухне появилась Мишель.

Она выглядела хуже обычного. С одеждой было все нормально, но вот лицо было совершенно серым, словно маска на Хеллоуин. Под

запавшими глазами появились темные круги, а губы были такими же бледными, как и кожа.

– Ты не спала вообще? – спросила Карли.

Мишель быстро тряхнула головой.

– Я не хочу говорить об этом. Просто скажи, что надо делать.

Карли решила не спорить и поставила ее на раздачу заказов. Быстрый взгляд на часы сообщил ей, что уже семь часов и пора открывать. И тут же вошла официантка с первым заказом.

* * *

Два часа завтрака прошли как в тумане. Когда все осталось позади, Карли чувствовала себя так, словно бежала марафон, и не представляла, как дотянуть до конца дня. «Кофе», – подумала она, убирая остатки сливочного масла и молока. Побольше кофе.

Она вошла в ресторанный зал. Роберт протянул ей ключ от кассового аппарата.

– Дай мне знать, если возникнут проблемы, когда ты будешь подсчитывать выручку.

– Думаешь, они возникнут?

– С простой математикой я все-таки справляюсь, – улыбнулся он. – Но хочу удостовериться.

– Спасибо, что пришел утром. Я признательна тебе за помощь.

– Обращайся. – Он посерьезнел. – Карли, тебе нужен кто-нибудь, кто будет заботиться о тебе. Ты не должна делать все одна.

– Почему? Другие ведь делают.

– Ты особенная. Я всегда был в этом уверен.

Прямо сейчас она не считала себя какой-то особенной, но охотно выслушала его комплимент.

– Ты давно встречаешься с Кэмми? – поинтересовалась она.

Он смущенно опустил глаза:

– У нас была пара свиданий. Она милая. И дети у нее хорошие.

Он помолчал, словно пытался решить, что еще добавить.

– Надеюсь, ты понимаешь, какая она классная, – торопливо сказала Карли. – Кэмми заслуживает хорошего парня. Тебе тоже кто-то нужен, Роберт. Женщина, которая хочет того же, что и ты.

Довольно прямолинейно, сказала она себе, но это были важные слова. Она говорила искренне – чтобы у него не осталось иллюзий.

– Все-таки я мог бы... – начал он.

– Нет. Ты не мог бы, и я тоже. Будем друзьями, Роберт.

– Я беспокоюсь за тебя.

– Не нужно.

Ее слова, казалось, не убедили его, но он кивнул.

– Ты бываешь упрямой.

– Это часть моего обаяния.

* * *

Мишель была не в настроении работать за стойкой регистрации. Достаточно того, что ей пришлось рано встать и помогать с завтраком. Теперь же приходилось улыбаться и говорить любезности кучке незнакомых людей, которые ей наверняка не понравятся.

Нужно бы выбраться отсюда, сказала она себе. Поехать куда-нибудь еще. Вот только она любит отель – или любила. К тому же куда ей ехать?

У отеля остановилась белая «Тойота Королла». Было всего десять утра, и Мишель не собиралась кого-либо принимать так рано. Она скажет им вернуться в три, как и положено. Идиоты.

Из «Тойоты» вышла высокая стройная женщина с превосходной осанкой и короткими седыми волосами. Она обошла вокруг машины и взяла с пассажирского сиденья переноску.

Мишель начала вспоминать. Карли что-то говорила о временной замене Дамарис. Видно, это она и есть.

Женщина вошла в отель, сопровождаемая возмущенными кошачьими воплями.

– Привет, – сказала она, подходя к стойке. – Я Хелен Свифт. – Она поставила переноску на стойку. – Это мистер Усач. Он не любит поездки.

– Мишель Сандерсон.

Они пожали друг другу руки.

Хелен взяла переноску.

– Я устрою мистера Усача, и потом вы покажете мне кухню. Раз мне сегодня готовить ланч, то времени немного.

«Вот и весь обмен любезностями», – подумала Мишель. Ей уже нравилась пожилая женщина.

– Вы на пенсии? – спросила Мишель. Она дала Хелен ключ от ее номера и показала на лестницу.

– Да. Я преподавала в школе тридцать пять лет. В средних классах. – Она вскинула брови, а в карих глазах заплясали смешинки. – В основном математику. Мне давали трудных ребят. Я предпочитала их умникам и всегда с удовольствием преодолевала трудности.

– Вам помочь что-нибудь донести? – спросила Мишель.

– Пока я и сама в состоянии это делать, – ответила Хелен. – Ведите меня.

Они поднялись на второй этаж. Карли зарезервировала номер с окнами на запад, на Саунд. Там была маленькая гостиная с сиденьем у окна, спальня и большая ванная. В гостиной у стены стоял узкий письменный стол. Под столом – кошачий лоток и лампа-ночник. В спальне, возле шкафа, лежал кошачий коврик с двумя пустыми площадками.

– Очень мило, – одобрила Хелен, поставила переноску на кровать и открыла дверцу.

Из нее с недовольным видом вышел холеный черно-белый кот. Хелен погладила его по спине.

– Тут для тебя хорошее место у окна, мистер Усач, – ласково сказала старушка. – Устраивайся, а я вернусь через несколько часов.

Она налила в одну из мисок воды и поставила на место.

– Покажите мне кухню.

– Пойдемте сюда.

Они спустились вниз и прошли через ресторан. Хелен замедлила шаг и огляделась.

– Мне нравится, что тут много окон и светло, – заметила она. – Очень мило. – Зайдя на кухню, она быстро обошла ее. – Да, я помню. Удобное расположение.

Она заглянула в холодильник, кладовую и морозильную камеру. Ознакомилась с меню и кивнула.

– Прекрасно. Я составлю список неотложных покупок. Продуктов на сегодняшний ланч хватит, но я предпочитаю не просто что-то

готовить, а подходить творчески. Я посмотрю, что готовила ваша прежняя повариха, и сообщу свои идеи насчет блюд дня. И я ценю то, что вы обратились ко мне за помощью. Я предпочитаю считать себя полезным человеком. Выход на пенсию дался мне нелегко. – Она поджала тонкие губы. – Прошел год, как я потеряла моего супруга. А без него дни кажутся такими длинными.

– Сочувствую, – ответила Мишель, которой было немного неловко.

– Благодарю вас. Для меня это приятное разнообразие.

– У вас будет помощница. Думаю, Кэмми. Она была официанткой.

Карли вам скажет.

– Вот и хорошо. Я могу работать с кем угодно, если меня будут слушаться.

Мишель засмеялась:

– Вы напомнили мне знакомых сержантов.

Хелен улыбнулась, и ее лицо посветлело.

– Мой супруг был военным. Так что для меня это ценный комплимент. Благодарю.

* * *

Следующие десять дней июля прошли без заметных событий. Карли радовалась такой передышке и с тревогой ждала следующий кризис. В том, что он будет, у нее не было сомнений.

Хелен неплохо вписалась в жизнь отеля. Ее спокойствие и организованность положительно действовали на персонал. Дамарис с Изабеллой подписали письмо о добровольном увольнении, которое составила Карли. Наняли новую старшую официантку, а Кэмми временно перешла на кухню. Почти все было в порядке. Кроме Мишель.

Карли тревожилась за нее, но не знала, что делать. Мишель обычно сидела у себя в кабинете и редко общалась с кем бы то ни было. Сама Карли не могла ничем ей помочь и не могла заставить Мишель искать помощи где-то еще. Да, непросто, думала она, поправляя брошюры на стенде возле входа.

Неделю назад Габби закончила учебу и теперь ходила в лагерь, где ей очень нравилось. Еще она нашла настоящую любовь, и мистер Усач

отвечал ей взаимностью: позволял наряжать его в кукольную одежду и возить в старой прогулочной коляске.

Карли выглянула в окно и увидела, что солнце пробилось сквозь облака. Наконец-то потеплело, и Карли решила посидеть пару минут на веранде.

Только-только она устроилась там, как подъехала полицейская машина и из нее вылез Сэм в форме цвета хаки и очках-авиаторах.

Он направился к ней, весь такой импозантный, мужественный и сексуальный. Если бы она не сидела, а стояла, у нее подогнулись бы колени. Но все равно ей пришлось прикусить губу, чтобы не умолять его овладеть ею немедленно, прямо на веранде, на глазах у всех.

– Офицер, – сказала она с улыбкой.

– Мэм.

Она поморщилась:

– По-моему, я еще не в таком возрасте, чтобы ко мне так обращаться.

– Знак уважения. – Он показал на ступеньку рядом с ней. – Можно присоединиться?

Она кивнула.

Он устроился рядом с ней. Его плечи касались ее, и ее захлестнуло жаром, не имевшим отношения к летней погоде.

– Как дела? – поинтересовалась она. – Нормально устроился на новой работе?

– Все хорошо. Мне нравится остров, люди. Я начинаю понимать, почему все жалуются на туристов. Короче, это то, что я искал.

– Приятно слышать.

– Я скучал по тебе.

Она повернулась к нему. Он снял очки и стал еще симпатичнее. Ей хотелось его обнять, но она приказала себе проявить волю. Или хотя бы благоразумие.

– Мы почти не были вместе, – возразила она. – Как ты можешь скучать?

– Мне нравится твой юмор, – усмехнулся он. – Тогда скажу иначе. Я много думал о тебе. Я уважаю то, что ты сказала про Мишель, но не согласен. Я хочу встретиться с тобой, Карли. Мы не будем торопиться. Что скажешь, если я приглашу тебя с дочкой покататься на «утиной лодке»? [\[13\]](#)

Меньше всего на свете Карли любила водные прогулки, но лодка для охоты на уток показалась ей безопасной. Они поедут через город, потом спустятся на лодочный причал прямо к воде. Катание на лодке ее не пугало — она боялась самой воды. Но если она сядет поближе к спасательным жилетам и станет глядеть не на воду, а на горизонт, все будет нормально.

— Конечно, — ответила она. — Габби любит «утиные лодки».

Роберт брал ее с собой, и воспоминаний об этом приключении хватило на много дней. Габби унаследовала от нее страх перед водой, но он не распространялся на «утиные лодки».

— Прямо вот так сразу? — спросил он. — Я думал, тебя придется долго уговаривать.

— Кажется, Мишель не против, если мы встретимся. — В тот момент Карли было на все плевать.

— Рад это слышать.

— Я беспокоюсь за нее. Она ничего не ест. Кажется, она много пьет. Выглядит ужасно, словно не спала много недель.

— Я знаю. Но я уже сказал ей все, что мог.

Карли вскинула брови:

— Ты видел ее в последние дни?

— Нет.

— Ей становится хуже. Я видела такое в новостях и понимаю, как трудно солдатам приспособливаться к обычной жизни. Но тут кое-что похуже. Ей нужна помощь.

Сэм нахмурил брови:

— Говоришь, все серьезно?

— Думаю, да.

Сэм посмотрел куда-то вдаль.

— Некоторым людям нужно удариться о подножие скалы, чтобы потом двигаться вперед.

— Пожалуй, — отозвалась Карли. — Слушай, не говори ей, что я тебе рассказывала про нее. Иначе она разозлится и начнет защищаться.

Сэм вытянул ноги.

— В свое время мне встречались разные сестры, но у вас с ней самые странные отношения, какие я видел.

— Мы не сестры.

— Твоя мать вышла замуж за ее отца. Или я ошибаюсь?

– Да, вышла.

И они живут вместе много лет.

Сестры. Карли смотрела на сад, а слово крутилось в ее голове. Они с Мишель сестры. О'кей, сводные, но все равно. Она никогда не думала об их отношениях в этом плане. Никогда не задумывалась об их семейных узах – если это можно так назвать.

Изменит ли это что-нибудь? Ни у кого из них не было семьи, к которой они были бы привязаны. А ведь это означало бы, что они нужны друг другу.

Глава 28

Мишель сидела на краю пирса и болтала над водой ногами в теннисных туфлях. Начинаясь вечер. В эти загруженные выходные ей нужно было бы остаться в отеле, но она сбежала. Она просто была не способна на ответственные действия и, хотя понимала, что перекладывает все на Карли, не могла пробудить у себя ни интереса, ни беспокойства.

Джаред сидел рядом с ней. Он только что появился, и у нее не было сил сказать ему уйти. Впрочем, пока он не раскроет рот, все будет нормально.

Она почти не видела его с того ужасного дня. В основном потому, что избегала его. Она избегала всех.

– Как дела в отеле? – спросил он, нарушив молчание.

– Нормально. – Она собиралась было донести до него, что не хочет это обсуждать, но неожиданно для себя сказала: – Все катится к чертям.

– Нет. Не все. Только ты.

Она закрыла лицо ладонями.

– Не начинай опять. Я не хочу ничего слышать.

– Тебе становится хуже, а не лучше. На тебе болтается одежда. Если так будет продолжаться, ты загремишь в госпиталь.

Манго твердил ей то же самое на последнем сеансе физиотерапии. Поэтому она больше не ездила к нему.

– Я знаю, что ты не спишь, – добавил Джаред.

Она вскочила и тут же пожалела об этом – боль прошила ее бедро и ногу.

– Перестань! – заорала она. – Просто замолчи. Ты не моя мать. Ей было бы на все наплевать, а сейчас мне это и нужно. Если ты хочешь, чтобы я съехала, так и скажи.

Джаред глядел на нее с непроницаемым лицом.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Тогда оставь меня в покое. Ты уже испортил мне хороший вечер.

Она повернулась и пошла к берегу, ощущая слабость в ногах. В последние дни так бывало часто. Еще у нее немного кружилась голова. Пожалуй, надо немного поесть. У Джареда всегда найдется сэндвич в холодильнике.

Она почти дошла до конца причала, когда он крикнул ей вслед:

– Какой смысл было возвращаться домой, если ты приехала, чтобы умереть?

Его слова преследовали ее, но она не оглянулась и не замедлила шаг. Просто шла и шла. Это было все, что она могла.

* * *

Карли подняла голову и обнаружила, что Мишель стоит в дверях ее крошечного кабинета и смотрит на нее.

Она выглядела плохо – серая кожа, красные глаза, впалые щеки и торчавшие скулы. В животе Карли зашевелилась тревога. Ее отец погиб, врезавшись на машине в дерево, но это частность. На самом деле его убил алкоголь. И он выглядел почти так же, как сейчас Мишель.

– Тебе нужна помощь.

– Ты едва ли сможешь мне помочь.

– Так не может продолжаться, – сказала ей Карли. – Пойми, тебе становится все хуже, а не лучше. Пожалуйста, Мишель. Обратись за помощью. Может, Джаред...

– Забудь о нем, – сказала Мишель, и в ее глазах сверкнула ярость. – Не говори с ним, не смотри на него. Он для тебя умер. Поняла?

Карли ощутила первый приступ страха. Состояние подруги было хуже, чем она думала. Неужели Мишель перешла черту и уже не найдет обратной дороги?

– Я вообще редко его вижу, – поспешно сказала Карли и прижала ладони к столу, лихорадочно думая, как ей быть. С кем поговорить? Она должна что-то срочно придумать. Может, Сэм что-нибудь подскажет.

Мишель шумно втянула в себя воздух.

– Слушай. Я знаю, что ты беспокоишься. Но все не так плохо, как ты думаешь. Я в порядке.

У Мишель зазвонил телефон. Она достала его из кармана и взглянула на экран. Когда рассмотрела номер, ее лицо исказилось, глаза сузились в щелочки, губы скривились.

– Хватит звонить мне! – закричала она и швырнула телефон. Он ударился о картонные коробки и все звонил. – Выключи его, выключи!

Карли встала и взяла телефон. Нажала на кнопку отбоя. Телефон умолк.

Они стояли в маленькой комнате и глядели друг на друга. Мишель отвернулась первая.

– Прости, – пробормотала она. – Звонил мой отец. Не знаю, зачем он мне звонит. Я хочу, чтобы он оставил меня в покое.

– Ты не говоришь с ним?

– Нет. Зачем? Ведь ты не говоришь со своей мамой.

– Почему? Мы перезваниваемся. Нечасто, пару раз в год. Один раз она приезжала. Мне хотелось бы, чтобы она больше общалась с Габби, но едва ли это получится.

– Как ты можешь? – с осуждением спросила Мишель. – Они бросили нас. Они ужасные эгоисты. Они не заслуживают того, чтобы остаться в нашей жизни.

Она выхватила у Карли телефон, швырнула на пол и наступила на него, словно пыталась раздавить.

– Я хочу, чтобы они ушли. Просто ушли.

Страх нарастал. Не за себя. Карли не боялась, что Мишель ударит ее. Нет, она боялась за подругу.

– Мишель... – начала она.

– Нет. Не говори ничего. Просто молчи. – Мишель с пепельно-серым лицом озиралась по сторонам, словно попала в ловушку и искала выход. – Я не могу быть здесь. Я не могу это делать. Ухожу. Просто ухожу.

И она побежала по коридору. Карли бросилась за ней. Мишель двигалась быстро, видимо, ее бедро болело меньше. Она села в свой грузовик и с ревом выехала с парковки, чуть не врезавшись в дерево на въезде.

– Мама?

Карли увидела дочку с мистером Усачом.

– Да, милая?

– Что случилось с Мишель?

– Я не знаю, – честно сказала Карли, глядя дочку по голове и пытаясь улыбнуться. – Но скоро ей будет лучше.

– Точно?

Карли засомневалась, правильно ли лгать своему ребенку. Но у нее не было выбора – Габби слишком маленькая, чтобы встретиться с

правдой.

– Да, обещаю.

* * *

Мишель сидела на стуле в дальнем углу бара. Ее тело сотрясала дрожь. Она не знала, сколько пробыла там и сколько выпила. Она даже ожидала, что бармен откажется ее обслуживать, но тот, казалось, не замечал, что она вот-вот рухнет. Очевидно, его больше интересовала ее кредитная карточка.

Она сказала себе, что должна что-нибудь поесть, хотя при мысли о еде желудок свело судорогой. Она погружалась в бездну – она это понимала. Каждый день давался ей все тяжелее. И дело было даже не в том, что случилось в Афганистане, хотя те картины все еще преследовали ее. Дело было в другом. Ей слишком тяжело быть здесь, быть где угодно.

Но ей и не нужно никуда идти. Что это значит? Что пора не быть нигде? Может, это ответ?

Она закрыла глаза, потом открыла, испугавшись темноты почти так же, как света. Протянула руку к стакану, но рука тряслась слишком сильно и не могла его взять. Ее захлестнула слабость. Может, она просто умрет прямо здесь, и никто не будет знать причину.

– Вставай.

Она услышала голос, заморгала и увидела стоявшего у стола Джареда.

– Что?

– Вставай. Мы уходим отсюда.

Он схватил ее за руку, поставил на ноги и почти поволок к двери.

«Он хочет заставить меня что-то сделать, – подумала она. – Заставить взглянуть на мои неправильные поступки, стать лучше. Он больше не собирался слушать моих возражений». Эта догадка вызвала у нее страх и облегчение. Может, он покажет ей какой-то выход.

– Куда мы идем? – спросила она.

– Домой.

Не в госпиталь? Не в центр реабилитации?

– А что потом? Я тут же уйду. И вернусь сюда.

Она хотела, чтобы в ее словах звучал вызов, но тут же поняла, что ее голос слишком слаб.

– Это уж твое дело.

Дорога не заняла и пяти минут. Джаред помог ей выбраться из кабины и отвел к задней двери дома.

Она знала, что теперь последует лекция, и в душе надеялась, что Джаред сумеет убедить ее. Но сомневалась. Что он мог сказать такого, чего она не говорила себе? Он не волшебник. Просто парень, у которого есть слабость – помогать тем, кто попал в беду.

На улице было еще светло, несмотря на десятый час, и Мишель видела все ясно. Даже пса, привязанного возле двери.

Она остановилась и вытаращила глаза. Пес был приличных размеров – метис лабрадора и, возможно, овчарки. Короткошерстный, как палевый лабрадор, с темной мордой и темными ушами. При их появлении он испугался и отошел подальше, насколько позволяла веревка.

Мишель ахнула, увидев рубцы на боках собаки и торчавшие ребра. Пес буквально излучал страх. Он задрожал так сильно, что даже упал, потом кое-как встал и попытался забиться в угол маленького крыльца.

Мишель стало нехорошо.

– Что с ним такое?

– Кто его знает? Мой приятель работает в службе спасения животных. Этого малыша подобрали сегодня утром. Он был избит и брошен. Я привез его сюда. Ему требуется уход – питание и забота.

Мишель оторвала взгляд от собаки и уставилась на Джареда:

– И ты собираешься это делать?

– Нет. Этим займешься ты, Мишель. У него нет никого на свете.

Она попятилась:

– Я не умею обращаться с собаками.

– Придется научиться. И поскорее. Ветеринар говорит, что пес не больной. Просто истощен и запуган. Боится всего. Прежние хозяева совершенно не заботились о нем. Возможно, даже издевались. Известно.

Джаред достал из кармана ключи и направился к машине.

– В доме лежит собачий корм. Остальное сообразишь сама, – сказал он напоследок.

Глава 29

Карли несла поднос с приборами, салфетками, стаканами и кружками к следующему столику. Выходные накануне Четвертого июля были безумно многолюдными. Она разрывалась между отелем и рестораном, где после ухода Дамарис и нескольких официанток ей приходилось обучать новых сотрудниц. В это воскресное утро в ресторане должна была работать Мишель, но после вчерашнего бегства она больше не появлялась.

Карли не знала, что делать. Позвонить Джареду и спросить, все ли в порядке? Позвонить в полицию? Не дергаться и молчать? Она напредила себе, что, если бы случилось что-нибудь плохое, она бы узнала об этом. Сэм сообщил бы. Но ее все равно не покидала тревога – жила на краю сознания и мешала сосредоточиться на делах.

Первый столик она уже накрыла – салфетки, приборы, стаканы и кружки. Но все делала на автомате. Впрочем, дела в отеле шли хорошо. А ресторан даже выиграл от появления Хелен. Она вообще оказалась для них бесценным подарком – прекрасно готовила и придумывала аппетитные блюда дня. Ее салат с курятиной на лепешке фокачча распродался моментально. Карли собиралась поговорить с Мишель насчет того, чтобы включить его в меню. Если она вообще появится и сможет говорить о бизнесе.

Она накрыла столик и двинулась к следующему. Дверь ресторана открылась. Карли обернулась и хотела сказать, что ланч начнется через час, но увидела Эллен.

Элегантная блондинка с улыбкой подошла к ней. Она выглядела привлекательно и профессионально в сшитом на заказ костюме и на высоких каблуках, но Карли прекрасно видела оскал в ее улыбке. Готовясь к неизбежной атаке, она расправила плечи и изобразила на лице приятное удивление.

– Привет, Эллен.

– Карли. Ты все еще здесь? Я удивлена.

Чему? Что Карли работала в ресторане или что она все еще в отеле?

– Не поняла.

– Я думала, Мишель уже уволила тебя. Ты небольшая находка для бизнеса.

– Мишель не может меня уволить. Ты сама позаботилась об этом. Сказала ей, что правление настояло... – Она замолчала, внезапно поняв суть игры. – Так дело не в комитете? Никто не диктовал Мишель, что она должна делать, а что нет. Если кредит выплачивается, нет никаких дополнительных правил. Что за нехорошую игру ты затеяла?

Приятная улыбка не покидала лицо Эллен.

– На твоём месте я вела бы себя осторожнее. Ты ведь не хочешь огорчать особу, которая держит в руках твою судьбу, верно? Это было бы глупо. Особенно с учетом того, что у тебя ребенок. Куда ты пойдешь, если потеряешь тут работу? Что будешь делать? – Улыбка стала еще шире. – Я видела бухгалтерские книги, Карли. Это входит в мои обязанности. Мне известно, как мало ты зарабатываешь. С учетом того, что тебе приходится платить няньке, ты еле сводишь концы с концами. И у тебя почти ничего не отложено на черный день, так? Потеряешь работу, а значит, и жилье, и это будет катастрофа.

Еще три месяца назад так бы и случилось, с горечью подумала Карли. Но Эллен не знала про десять тысяч долларов. Не знала, что Карли ни за что не хочет потерять работу, но это не станет катастрофой. Они с Габби продержатся благодаря Мишель.

– Молчание – знак согласия, – усмехнулась Эллен. – Столько проработала тут, а все равно нищая. Ты нищая. Расплата та еще сука, не так ли?

– И не она одна, – спокойно сказала Карли, стараясь, чтобы Эллен не заметила, как она потрясена.

– Я хочу, чтобы ты помнила об этом каждый день, – заявила та. – Помни, как близко ты к краю финансовой пропасти.

Она помахала Карли рукой и удалилась.

Карли дождалась, когда останется одна, позволила себе на секунду сжать кулаки и скрипнуть зубами, а потом продолжила накрывать столы.

В этом есть и хорошая новость, твердо сказала она себе. Возможно, условия, выдвинутые Эллен насчет отеля, незаконны, а значит, не подлежат исполнению. Но тогда Мишель не обязана держать у себя Карли, хотя, пожалуй, тут все в порядке. Карли знала, что много

раз уже доказывала свою ценность. Зачем тогда Мишель избавляться от нее?

Из кухни вышла Хелен.

– Здесь кто-то был? Мне показалось, что я слышала голоса. – Она улыбнулась. – Довольно мирные. Я не испугалась.

Карли засмеялась, и ее немного отпустило.

– Вот и хорошо.

– В моем возрасте особенно остро это воспринимаешь. Так ваша посетительница – кто она?

– Эллен. Ее банк дал когда-то кредит отелю. Она заглянула сюда, чтобы помучить меня немного. У нее такое развлечение.

– Всегда терпеть не могла таких людей. Но вам не о чем беспокоиться. Она не может причинить вам зло.

– Она может влиять на Мишель.

– Не думаю. Мишель нуждается в вас. Если она занимается финансовыми вопросами и поставками, то вы неотъемлемая часть отеля, его лицо, которое видят все гости. И вы им нравитесь. Это очень важно.

Карли понадеялась, что Хелен права. Но если она и потеряет работу, то они с Габби не пропадут.

– Почему Эллен так вас не любит?

– Из-за нескольких конфликтов, которые случились еще в школе. Я увела ее парня.

– Некоторые люди любят жить прошлым, – сказала Хелен. – На мой взгляд, абсолютно напрасно. Пустая трата времени. Прошное не переделаешь.

– У Эллен другая философия.

– Это ее проблема, не ваша. Конечно, если вы не позволите этого. Ну, мне пора вернуться к работе, иначе наши посетители останутся голодными.

Хелен ушла, а Карли продолжала накрывать столы. Осознание того, что Эллен могла манипулировать ее подругой, стало для нее сюрпризом, хоть и не должно было. Как сказала Хелен, прошлое уже не изменишь. В какой-то момент Эллен должна была это понять и смириться. Хотя легче сказать, чем сделать, подумала Карли.

Так или иначе, она собиралась поделиться своей догадкой с Мишель. Судя по их последнему разговору, это могло обернуться

неприятностями для Карли. Но она не собиралась утаивать от босса какие-либо секреты. Какими бы они ни были неприятными.

* * *

Мишель сидела на полу в своей спальне. В комнату лился послеполуденный свет. Окна были распахнуты, в дом плыл теплый воздух, на улице наконец-то было почти двадцать пять, но ее все равно бил озноб.

Она вытянула руку и смотрела на свои дрожащие пальцы. Хотя ей и не требовалось глядеть на них, чтобы подтвердить то, что она ощущала каждой клеточкой своего тела. Ее бросало то в жар, то в холод, то ее тошнило, то она чуть не задыхалась от нехватки воздуха.

В последнее время она пила так много, что понадобятся недели, чтобы ее организм очистился от алкоголя. Водка не могла помочь ей забыться, но размывала контуры, и воспоминания становились терпимыми. Отказаться от нее – значит иметь дело с реальностью. А ей этого не хотелось.

Она вытянула ноги и уставилась на свои тощие бедра и костлявые колени. В последние недели она потеряла еще четыре килограмма и теперь выглядела как скелет. Ее ноги были покрыты синяками – скорее от неправильного питания, чем от ударов обо что-то. Стопы были грязными, ногти на ногах – слишком длинными. Она давным-давно не брила ноги. Значит, о шортах нечего и думать. Впрочем, их у нее и не было.

Тихий собачий стон заставил ее оглянуться. Пес лежал на подстилке, которую она спешно соорудила из нескольких одеял. Наконец-то он заснул.

Минувшей ночью они оба не спали. Она сидела на полу и ждала, когда алкоголь постепенно выйдет из ее организма, а пес спрятался от нее в самом дальнем углу. Он проглотил порцию сухого корма, полакал воды, а потом стоял и смотрел на Мишель. Очевидно, ждал новых истязаний.

Где-то ближе к полуночи Мишель надела на пса ошейник, который обнаружила на кровати. У бедняги едва не подкосились ноги от страха, когда она подошла к нему; он дрожал, когда она пристегивала поводок.

Мишель практически выволокла его за порог, чтобы он сделал свои дела. Утром они повторили эту процедуру.

Но где-то около полудня пес подполз к одеялам и лег. Он глядел на нее печальными карими глазами, пока веки медленно не опустились. Он уснул, а она тихонько сидела, стараясь не шуметь.

Теперь она наблюдала, как он дергается и тихо повизгивает во сне. Она почти ничего не знала про собак, про то, что они думают, но догадывалась, что его мучают кошмары. А уж с кошмарами она была слишком хорошо знакома.

Не зная, что делать, она тихонько запела, надеясь, что это успокоит собаку. Пес мгновенно проснулся.

– Эй, – прошептала она, не двигаясь с места, – все нормально. Нет, конечно, все ужасно, но ты тут в безопасности. Я не буду тебя обижать. – Она наблюдала за тем, как он наблюдал за ней. – Жаль, что ты не говоришь по-английски, так было бы проще.

Пес пригнул голову и напрягся всем телом.

– Прошло несколько часов, – пробормотала она. – Тебе, пожалуй, пора сходить в туалет, и нам с тобой надо поесть.

Она встала и взяла поводок. Пес тоже встал и попятился в угол.

– Все нормально, – сказала она ему. – Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Мы идем гулять. Пойдем.

Он задрожал, когда она подошла, но не убежал. Она пристегнула поводок и пошла к двери. Пес упирался.

– Пойдем, – сказала она, открывая дверь. – Тебе пора выйти.

Его затравленные глаза глядели на нее, словно он пытался сообразить, какое еще наказание она придумала. Только когда она уже собралась снова выволакивать его силой, он нерешительно шагнул к ней.

– Молодец. Вот так. Пойдем.

Он сделал еще шаг. Так они вышли из дома.

Мишель отвела его на ту сторону двора, где он уже делал свои дела, и подождала его.

Вернувшись домой, она отстегнула поводок и положила его на стул.

– Давай-ка поедим.

Она могла только догадываться, сколько сухого корма ему дать. На мешке были нарисованы деления для собак разного веса, но Мишель не

знала, какой у него вес. Она решила дать с промежутками несколько небольших порций – это легче для желудка, чем одна большая. Он явно истощен. Если съест слишком много, его просто стошнит.

Она поставила перед собакой миску с кормом и пошла к холодильнику. Едва ли в этом был смысл. Она не удосуживалась набивать его продуктами, а Джаред обычно ел не дома. Но когда она открыла дверцу, то с удивлением обнаружила, что верхняя полка почти забита. Коробки с соком, бутылки с имбирным элем и спрайтом. Три сэндвича, разных, и картофельный салат в пластиковом контейнере.

В своем шкафчике она нашла печенье и чипсы. Джаред, кажется, больше, чем она думала, был заинтересован в том, чтобы она потолстела.

Она знала, что напитки помогут ей справиться с обезвоживанием. А сахар в них – с дрожью и абстиненцией. Как и собаке, ей нужно пить и есть понемногу. Взяв сэндвич с индейкой, картофельный салат и вилку, она вернулась в свою комнату. Пес поплелся за ней. Она поставила еду на ночной столик и включила телевизор.

Повернувшись к кровати, она налетела на собаку. Оба отскочили. Пес поджал хвост.

– Постой, – крикнула она. – Извини.

Он остановился и посмотрел на нее.

Он стоял все еще довольно близко. Она решила до него дотронуться и медленно протянула руку. Он попятился. Она подвинулась к нему, бормоча, что не обидит его. Он глядел на нее, опустив голову и поджав хвост.

Наконец она смогла провести пальцами по его спине. Он вздрогнул, но не отскочил.

– Хороший мальчик, – прошептала она ласково и погладила, избегая незаживших рубцов на боку. – Вот так лучше.

Она осторожно гладила его по спине, почесала ему загривок. Он приподнял голову, а его длинный хвост немного выпрямился.

– Ой, тебе нравится, да? Я запомню.

Она вернулась в постель. Он поплелся к груди одеял и улегся на нее. Она думала, что он станет кланяться еде, но он даже не взглянул на Мишель, закрыл глаза и заснул.

Мишель внезапно проснулась среди ночи. Ей снилось, что она снова в Афгане. Без стрельбы, слава богу. Но одной лишь мысли о том, что она снова там, было достаточно, чтобы ее сердце бешено заколотилось.

Она села в постели и поняла, что чувствует себя чуточку лучше. Не так сильно дрожит. Возможно, алкоголь уходил из ее организма. Или дело было в еде. На обед она съела второй сэндвич и большую часть чипсов. В морозилке она нашла мороженое и решила, что Джареда хоть к лику святых причисляй. Правда, его не было, так что он не мог принять ее предложение. Она не видела его с тех пор, как он привез ее домой из бара.

Она взглянула на пса и увидела, что он смотрит на нее. Все это время он тоже ел и спал. Последний раз, когда она выводила его на улицу, он стоял спокойно, пока она пристегивала поводок. Ей показалось, что они пришли к какому-то взаимопониманию.

– Пойдем гулять, – сказала она, вставая.

Он вскочил и подошел к ней. Она осторожно похлопала его. От прикосновения по шкуре прошла легкая волна, но он спокойно стоял, только слегка поднял голову и посмотрел на нее.

Она медленно поднесла руку к его щеке и ласково погладила, подумав, что это упражнение на доверие для них обоих. Она могла ударить его, а он мог укунить ее за руку. Но ничего не случилось.

Она опустила руку и взяла поводок. Он уже без боязни ждал, когда она пристегнет его к ошейнику. Прогресс.

Потом, когда он сделал свои дела и они вернулись в дом, она снова легла, но свет оставила – как ради себя, так и ради него. Она перевернулась на бок и хотела закрыть глаза, когда почувствовала на себе его пристальный взгляд.

Повернувшись, она обнаружила, что он стоит возле кровати.

– Что? – спросила она, приподнявшись на локте. Может, он голодный? Покормить его еще раз? Нет, ей точно нужен справочник кинолога.

Он продолжал смотреть на нее, а потом гигантским прыжком вскочил на кровать и свернулся клубком в ногах у Мишель.

«Неожиданный поворот», – подумала она.

– Обычно я не так быстро ложусь спать с парнем, – сказала она.

Ее слова не смутили пса, он закрыл глаза и вздохнул.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказала она, уронив голову на подушку.

Тяжесть на другом конце матраса успокаивала ее. По крайней мере, никто из них больше не был одиноким. Они научатся лечить друг друга, и в этом, видимо, и заключался план Джареда.

Глава 30

Карли работала за стойкой регистрации. Все места в отеле были забронированы на десять дней вперед от выходных накануне Четвертого июля и до следующих. Сам праздник выпал в этом году на среду, что пошло на пользу бизнесу.

В это воскресное утро она уже порекомендовала гостям рестораны, включая их собственный, где можно получить поздний завтрак, организовала дегустацию вина и другие экскурсии и попросила местного художника открыть его галерею на час раньше.

С пятницы она сбивалась с ног от множества задач, но, если все будет нормально, она найдет для себя днем парочку часов. Никто из гостей больше не приезжает, и о номерах позаботятся горничные. А значит, можно отдохнуть вместе с дочкой и немного перевести дух.

Она бросила взгляд на телефон. Интересно, услышит ли она сегодня что-нибудь о Мишель? Конечно, ее босс сама не позвонит. Обломки ее мобильного лежали у Карли – она собрала их на другой день после истерики Мишель и не знала, что с ними делать. Но по крайней мере, они были собраны и лежали вместе.

В холл отеля лился солнечный свет. Прогноз обещал солнечное утро и увеличение облачности во второй половине дня. А завтрашний дождь, скорее всего, прогонит туристов домой. Конечно, нехорошо радоваться этому, но Карли не возражала иметь немного больше времени, чтобы убрать комнаты перед следующей порцией гостей. Во вторник к психотерапевтам приедет новая группа. На этот раз клиенты будут избавляться от своих проблем за праздники – звучит как что-то интересное.

Послышался знакомый звук мотора; мимо входа на парковку для сотрудников проехала Мишель. Озабоченность Карли сменилась нехорошими предчувствиями. Как дела у ее босса, лучше ей или хуже? Она окончательно улетела в бездну или все-таки нашла способ получить помощь? Сейчас все станет ясно.

Она осталась на своем месте за стойкой, приняв деловой вид. Через пару минут она услышала шаги и какое-то странное клацанье. Подняла голову и увидела шедшую к ней Мишель. Рядом с ней семенил

большой тощий пес с заживающими шрамами на боку и испуганными глазами.

– Привет, – сказала Мишель.

Выглядит чуть-чуть лучше, решила Карли, разглядывая ее. Лицо уже не такое серое, но все еще бледное. Глаза чистые и более сфокусированные, но руки, в которых она держит поводок, дрожат.

– Привет.

– Прости, что я исчезла. Мне нужно было кое в чем разобраться.

– Все нормально.

Карли не знала, спросить у Мишель сразу, злится ли она, или это со временем выяснится само.

– У меня теперь есть собака.

– Я уж вижу. Не уверена, что мистер Усач одобрит твой выбор. Он тут считает себя главным.

Намек на улыбку появился в уголках губ Мишель и погас.

– Этого пса подобрала служба спасения животных. Его кто-то мучил, а потом бросил. Не сомневаюсь, что мистер Усач сумеет надрать ему задницу.

Карли вышла из-за стойки.

– Никогда не понимала, зачем люди мучают животных, – сказала она и присела на корточки. Пес задрожал и попятился. Она осталась на месте и поднесла кончики пальцев к его морде, чтобы он понюхал, а потом слегка погладила его.

– Эй, малыш, – пробормотала она. – Тебе трудно, я понимаю, но все наладится. Ты попал в хорошие руки. Тебя тут все будут баловать, а какой собаке это не понравится?

Он посмотрел на нее печальными глазами, и она удивилась, что он такой испуганный.

– А ты... хм... приехала на весь день? – спросила она, вставая.

– Да. – Мишель кивнула. – Но прежде чем я начну работать, мне нужно, чтобы ты сделала для меня одну вещь.

Она направилась к своему кабинету. Пес плелся за ней на поводке. Он озирался по сторонам, боясь, что кто-нибудь выскочит и набросится на него.

Когда они зашли в кабинет, Мишель протянула поводок подруге.

– Подержи его секундочку.

Она стала выдвигать ящики и перемещать папки, вытаскивая из разных мест бутылки. Когда она закончила, на столе стояли шесть бутылок водки – одни полные, другие полупустые.

– Мне нужно, чтобы ты их выбросила, – сказала Мишель, глядя скорее на бутылки, чем на Карли. – И потом проверяй регулярно. Я больше не собираюсь их прятать, но, если буду знать, что ты проверишь меня, это поможет.

– Конечно. – Карли кивнула. – Еще что-нибудь?

– Не знаю. Я все еще пытаюсь сообразить, что мне делать. Прости, что я исчезла вот так и бросила все на тебя. Ведь сейчас столько работы.

– Мы набиты под завязку, и это хорошо. Не беспокойся. Мы справляемся. Помогаем друг другу. Хелен работает превосходно. Посетителям нравятся ее блюда. Ее салат с курятиной на лепешках фокачча просто разлетается. Вот попробуешь его сама и увидишь.

– Намек? – улыбнулась Мишель.

– Ты сильно похудела.

– Я ничего не ела. Сейчас мне лучше. Нам с собакой надо восстанавливать силы.

– Ты оставишь его у себя?

Мишель медленно кивнула.

– Да. По-моему, мы нужны друг другу. Раньше я никогда не думала, что заведу собаку. Но мне нравится, что он рядом со мной. – Она вздохнула. – Понимаю, что нехорошо снова исчезать, но мне сейчас нужно поехать на собрание.

– Так ведь воскресенье.

– Они встречаются по воскресеньям.

Взгляд Карли скользнул по бутылкам.

– А-а. Вот какое собрание.

– Нет. Думаю, что алкоголь был симптомом, а не реальной причиной, – засмеялась Мишель. – Я посещаю группу поддержки для вернувшихся ветеранов.

– Мне позаботиться о твоей собаке?

– Я возьму его с собой. Потом вернусь и буду работать. Кстати, ты не знаешь, где тут зоомагазин? Ему нужны корм, лежак и, может, несколько игрушек. Что любят собаки? Мячи?

– Я могу купить, – предложила Карли. – Собиралась смыться днем на пару часов. Мы с Габби ходим в зоомагазин. Ей понравится.

– Правда? Что ж, я только за. А сама останусь тут и присмотрю за порядком. Потом отдам тебе деньги.

– Дело не в деньгах. – Карли вздохнула. – Я рада, что ты вернулась. Я беспокоилась за тебя.

– Я знаю. Ты пыталась мне помочь. Только я не ценила этого.

– Может, теперь начнешь?

– Справедливо. – Мишель усмехнулась. Потом взяла чехол с обломками своего телефона. – Пожалуй, я попробую починить.

– Зачем? Если ты не хочешь отвечать на звонки, это было идеальное решение.

– Думаю, телефон мне пригодится. Завтра утром займусь этим. – Мишель немного помолчала, потом добавила: – Спасибо тебе. За все. Я знаю, что тебе было со мной трудно. Дамарис толкнула меня за край пропасти. Я думала, что могу полностью доверять ей, но она обманывала меня. И я не знала, как это пережить. А ты меня поддержала.

– Я всегда рада тебе помочь, – ответила Карли и внезапно чуть не прослезилась. – Я хочу помогать тебе и хочу, чтобы ты мне доверяла.

Ей хотелось добавить, что они ведь сестры и должны поддерживать друг друга. Хотя, пожалуй, еще не время. Она и сама едва успела привыкнуть к этой мысли.

– Я рискую тебя рассердить, – осторожно проговорила она, – но все-таки должна сообщить тебе одну вещь. Не слишком ужасную. Просто странную.

Мишель глубоко вдохнула.

– О'кей. Какую? Прилетели инопланетяне? Или герберы удирали ночью с клумб и убивали людей?

– Сюда заглянула Эллен. Как обычно, общалась со мной агрессивно, но я привыкла. Но она намекнула, что правила, которые она установила для тебя, исходили не от комитета и не от правления банка. Что она установила их сама и это вроде как игра с позиции силы.

– Неужели она способна на такое?

– Не знаю. У меня нет опыта в банковских делах. Я просто решила рассказать тебе.

– Сегодня мне не до этого, – призналась Мишель. – Сейчас это выше моих сил. Что-нибудь еще было, о чем мне нужно знать?

– Мам, мам, ты...

Габби выбежала из-за угла и остановилась, вытаращив глаза.

– Мам, это собака? – Ее голос был полон благоговения, словно перед ней открылся новый мир.

– Да. Мишель заботится о нем. Осторожнее, он...

Она не успела договорить и предостеречь дочку, что этот нервный пес может неправильно воспринять ее бурный восторг. Габби бросилась к нему, вытянув руки. Пес заскулил и попятился, но поводок не дал ему уйти.

Габби обхватила его руками и прижалась головой к его спине.

Карли поспешила к дочке, готовая встать между нею и собачьими зубами.

Но пес не напал. Вместо этого он просто стоял, словно детские руки его успокоили. Длинный тощий хвост начал медленно, нерешительно шевелиться из стороны в сторону.

Габби выпрямилась, улыбаясь во весь рот.

– Он очень красивый. У него есть имя? Можно я погуляю с ним? Как думаете, он подружится с мистером Усачом? Можно я его наряжу?

– Вот это шквал вопросов, – засмеялась Мишель. – Давай разберемся. У него нет имени. Я хочу назвать его Шансом.

– Мне нравится, – ответила Габби и повернулась к собаке. – Привет, Шанс. А я Габби. Мы будем дружить с тобой.

Хвост снова качнулся.

– Шансу надо привыкнуть к новому месту, – сказала Карли дочке. – Он попал в беду, поэтому он такой худой. Ему нужно восстановить силы, и тогда он сможет играть. Думаю, мы с тобой сегодня сходим в зоомагазин и купим ему корм, лежак и всячину.

Габби радостно захлопала в ладоши.

– Правда? Да, мы купим тебе хорошие игрушки, Шанс! Потом ты поправишься и мы с тобой будем играть.

– Уверена, он будет рад, – сказала девочке Мишель. Она взглянула на Карли. – Спасибо тебе. За все. Я знала, что ты позаботишься об отеле.

У Карли перехватило горло.

- Я всегда рада помочь. Ты просто говори, что надо делать.
- Кажется, я уже сказала. – Мишель засмеялась.

* * *

Помещение было скромным, с парочкой окон и рядами стульев. Мишель прикинула, что на этот раз собралось около двадцати мужчин. Она была единственной женщиной и единственной, кто пришел с собакой.

Один парень рассказывал о своих кошмарах и о том, как он не мог спать. Многие из группы кивали, словно у них тоже были такие проблемы. Другой парень сообщил, что Райана арестовали за кражу автомобиля. Все сочувственно забормотали. Мишель понятия не имела, кто такой Райан, но догадывалась, что не скоро его тут увидит.

На нее никто не обращал внимания, и ей это нравилось. Она уселась в заднем ряду. Шанс вытянулся рядом с ней на вытертом ковре. Когда час закончился, руководитель напомнил всем, что разумнее попросить помощи, чем ждать, когда уже не останется выбора.

Все встали. Она ожидала, что начнется групповая молитва, но все просто пошли к выходу, а некоторые останавливались и беседовали друг с другом. Мишель уже была у двери, когда руководитель похлопал ее по плечу.

– Вы новенькая, – сказал он.

Мишель кивнула.

– Мы встречаемся каждый день. Добро пожаловать в нашу группу.

– Спасибо.

Вот и все.

Она шла к парковке, испытывая облегчение, да и вообще чувствовала себя чуточку лучше. Она делала шаги к выздоровлению. Процесс будет медленным, но она поправится.

Хорошее настроение испарилось, когда она увидела Джареда. Он стоял, прислонившись к ее грузовику.

– Что ты тут делаешь? – спросила она сердито. Но злилась скорее от смущения, ведь он не сделал ничего плохого.

– Бездельничаю. Как прошло собрание?

– Ничего.

- Ты говорила?
- Нет.
- Еще поговоришь. – Он усмехнулся.
- Ты считаешь себя очень умным?
- Ты не первое мое родео.

Замечательно. Она и сама хотела услышать напоминание, что она для Джареда не более чем проект.

Она открыла было рот сказать ему, чтобы он убирался из ее жизни к чертям, но внезапно обнаружила, что гладит Шанса по голове и он позволяет. Она посмотрела вниз и увидела, что пес прислонился к ней, пока она гладила ему голову и уши.

- Ну, посмотри-ка на себя, – сказала она.

Может, это лишь ее фантазия, но она готова была поклясться, что увидела в собачьих глазах что-то вроде надежды.

Ей хотелось как-то сказать ему, что он может доверять ей. Что она никогда не обидит и не предаст его. Но он и сам постепенно научится это понимать.

Она снова повернулась к Джареду.

- Судя по всему, ты ждешь от меня благодарности.

– Не сегодня, но жду, конечно. – Он хмыкнул. – Когда-нибудь. Сейчас ты только смутишь нас обоих своей благодарностью.

Ей не понравились его слова.

- Только не жди, что я буду спать с тобой из-за этого.

Усмешка перешла в веселый смех.

- Ты пока еще не готова, – ответил он и выпрямился.

Не готова? Что он имел в виду? И почему так сказал?

Не успела она спросить об этом, как он потрепал Шанса по загривку.

- У меня чартер, – сказал он. – Потом увидимся.

Она стояла на парковке, смотрела вслед его машине и никак не могла подобрать слова, совсем как когда училась в школе.

- Мужики глупые, – пробормотала она.

Шанс уставился на нее своими круглыми глазами.

- Но только не ты, – добавила она.

Он вильнул хвостом.

Глава 31

– Спасибо за помощь, – сказала Карли, когда Сэм подъехал на парковку возле зоомагазина.

– Тебе нужен большой крепкий парень, который поможет таскать тяжести, – ответил он и заметил в зеркале заднего вида устремленные на него глаза Габби. – Разве я не прав?

Габби засмеялась:

– Угу. Мы хотим купить Шансу самый большой мешок собачьего корма, какой увидим. Чтобы он не беспокоился, что снова будет голодать.

Сэм проезжал мимо и заглянул в отель, когда Карли и Габби собрались в зоомагазин. Он предложил подвезти их, и они с готовностью согласились. И теперь, когда Сэм помогал ее дочке вылезти из кабины, Карли пришло в голову, что, пожалуй, она поспешила знакомить с ним Габби. Если у них ничего не сложится, Габби будет огорчена. Надо постараться, чтобы дочка поняла, что Сэм просто друг и, скорее всего, так другом и останется.

Когда в твоей жизни нет мужчины, жить проще, рассуждала она, пока шла за Сэмом и Габби в зоомагазин. «Возьми это на заметку, – подумала она в шутку. – Ты уже начала встречаться с ним, а теперь остановись».

Сэм схватил тележку, и они пошли в отдел товаров для собак. Сначала они остановились возле лежаков. Габби выбрала лежак с красным пледом и мягкой подушкой.

– Мне больше нравится лиловый, – сказала Габби, когда Сэм засунул его в тележку. – Но Шанс – мальчик, а не все мальчики любят этот цвет.

– Это верно. Но мы любим красный.

Они купили второй лежак для кабинета Мишель в отеле, собачий шампунь, средство от блох, миски и самую большую упаковку собачьего корма, какую Карли видела в своей жизни. Затем добавили к покупкам щипцы для ногтей и мягкую щетку. Габби увидела собачье печенье, приправленное арахисовым маслом, и настояла на них тоже.

– Даже собаки едят печенье, – сказала она матери.

– Что ж, ладно.

Потом они задержались возле игрушек. Габби выбрала мячики, плетеную веревку и кость, считавшуюся полезной для собачьих зубов. Сэм добавил к ним совок для уборки собачьего кала, и Габби захихикала.

Когда они все оплатили и погрузили в машину, Сэм предложил прогуляться возле марины и полакомиться мороженым.

Купив стаканчики, они пошли по дощатому променаду. Набежали облака, но дождя не было. Вокруг гуляли туристы, катались на велосипедах, набивались в экскурсионные лодки, выходившие в залив.

– Тебе у нас по-прежнему нравится? – спросила Карли.

– Да. Приятный городок.

– А где ты рос?

– В маленьком городке в Вирджинии, вряд ли ты о нем слышала. Так что я понимаю, как это устроено. Все знают все про всех. Память долгая, и, если ты хулиганил в детстве, это будет тебя преследовать до конца жизни.

Карли посмотрела на него и отвернулась, подумав об Эллен и о том, как ей хотелось, чтобы Карли заплатила за свои ошибки.

– Что? – спросил он, понизив голос.

Габби прыгала и скакала впереди них, иногда наклонялась через ограды и глядела вниз на сидевших на камнях журавлей.

– Ты прав, – сказала она. – Все так и есть. Мы принимаем каждое лето туристов, и это немного отвлекает. Но для нас, местных...

– Некоторые вещи все же доставляют неприятности? – спросил он.

– В последнее время – да.

Она покосилась на него, размышляя, стоит ли сказать ему правду. Может, и стоит. Он работает в таком месте, что сплетни в любом случае до него дойдут.

– В старших классах школы у меня была репутация легкомысленной девушки, – призналась она вполголоса, чтобы не услышала Габби. – Особенно в последний год. Моя мама ушла из семьи, а отца мало заботило, чем я занимаюсь. Я ходила на вечеринки, и у меня была репутация девушки, которая спит со всеми подряд. Мне казалось, если дать мальчишкам то, что они хотят, я почувствую собственную значимость. Почувствую, что они заботятся обо мне. Конечно, это не сработало.

Она замолчала и сжала губы.

– Ирония была в том, что я динамила их. У меня не было секса ни с кем, пока я не встретила с парнем, который потом женился на мне. Но это просто детали. Всем интереснее первый вариант.

– И ты до сих пор слышишь об этом? Сочувствую. Скандал умирает тяжело и медленно.

– Вот именно. После рождения Габби ты первый, с кем я встречаюсь. Первый, с кем я... – Она кашлянула. – Ну, ты понимаешь...

Он усмехнулся:

– Я помню это «ну, ты понимаешь». И с нежностью вспоминаю.

Она рассмеялась.

– Чуть не забыла тебе сказать, что мне тоже это понравилось. – Ее улыбка пропала. – То, о чем я говорю, было много лет назад, но тут есть люди, которые отказываются забывать об этом.

Он обнял ее за плечи.

– Не обращай на них внимания, Карли. Их мнение ничего не значит.

«Стало быть, они могут добиться моего увольнения», – подумала она, вспомнив угрозы Эллен. Но она не собиралась говорить об этом с Сэмом.

К ним подбежала Габби. Доев мороженое, они вернулись на парковку и поехали в отель. Карли попросила Сэма объехать вокруг здания, чтобы отнести покупки в кабинет Мишель.

– Похоже, у тебя добавилось гостей, – сказал Сэм, показывая на огромный дом на колесах, припаркованный за отелем.

Карли растерянно уставилась на дом.

– Обычно гости предупреждают меня, когда хотят приехать в таком. Спрашивают, найдется ли место для парковки.

Пока она смотрела, открылась боковая дверца и из нее показался высокий мужчина. Пятидесяти с лишним лет, спортивный, с темными волосами и знакомыми глазами. Спустившись на землю, он повернулся и помог выйти миниатюрной блондинке.

Габби затаила дыхание.

– Бабушка, – прошептала она.

Карли не верила своим глазам. Через столько лет ее мать и отец Мишель вернулись на остров.

Габби стояла рядом с Карли. Они обе не знали, что делать. Карли разговаривала с матерью, может, раз в год, а с Фрэнком вообще никогда. Она ничего не знала об их планах, но теперь они здесь.

Лана Сандерсон улыбнулась дочери и внучке.

– Как вы удивились. Может, обнимете меня?

Габби посмотрела на нее, словно спрашивая совета. Карли вздохнула и кивнула.

– Конечно, мама.

Карли быстро обняла ее и отступила. Габби, поколебавшись, тоже шагнула вперед.

– Привет, моя дорогая, – сказала Лана, слегка дотронувшись до волос внучки. – Ты такая красавица. Совсем как твоя мама в этом возрасте. Я скучала по вам.

У Карли вертелся на языке вопрос: раз мать так скучала, почему тогда ни разу не позвонила и не приехала? Почему на праздники лишь присылала открытку из какого-нибудь экзотического места?

Габби вернулась к Карли и взяла ее за руку. Фрэнк кивнул им обеим.

– Рад вас видеть, девочки. Как дела в отеле?

– Мы очень заняты.

Карли подумала о хрупком состоянии Мишель и о том, какой окажется ее реакция на неожиданный приезд отца.

Лана перевела взгляд на Сэма.

– Кажется, мы не знакомы. Я мать Карли.

– Сэм, – сказал он, переложил в другую руку собачий лежак и обменялся рукопожатиями с Ланой и Фрэнком. – Друг Карли.

Ну, еще и экс-супруг Мишель, но зачем такие подробности?

– Я... э-э... положу это в кабинет Мишель и выгружу остальное, – сказал он.

– Правильно, – одобрила Карли, подумав, что сейчас лучший выход – это сбежать. Жаль, что она не может этого сделать.

Он кивнул и дотронулся до ее плеча:

– Ты знаешь, как меня найти, если тебе что-то понадобится, верно?

– Хорошо. – Она вздохнула и понизила голос. – Крепись. Тебя ждет страшный путь, сталкер.

– Я как-нибудь справлюсь.

Сэм взъерошил волосы Габби и свернул за угол отеля. Карли глядела ему вслед и сказала себе, что теперь ей хотя бы есть чего ждать. Что она как-нибудь потерпит несколько дней, а потом мать уедет. А Сэм станет ей наградой.

* * *

Мишель подъехала к отелю и увидела, что Карли нервно ходит взад-вперед по веранде. Остановила машину и открыла дверцу для Шанса. Он легко спрыгнул на землю и держался возле нее, когда она шла к ступенькам.

Карли повернулась, и Мишель увидела панику в ее глазах.

– Что случилось? – со страхом спросила Мишель, не зная, справится ли с тем, что скажет подруга.

– Нет, никто не умер, – ответила Карли и после секундных колебаний выругалась. – Я просто не понимаю. Разве у них нет телефона, черт побери? Да, конечно, тебе они не могли позвонить. Но мне-то могли! Я тут постоянно. Меня легко найти. Но они разве позвонили? Нет, конечно.

Мишель тщательно следила за дыханием. Она знала, что сейчас не в лучшей форме и любая неожиданность легко толкнет ее назад, в опасную неустойчивость.

– О'кей, – медленно сказала она. – Объясни, в чем дело.

– Твой отец здесь. Вместе с моей матерью. Они заявили в автодоме. – Она всплеснула руками. – Я просто не понимаю. Я разговариваю с матерью, может, два раза в год. Мы почти чужие. До сегодняшнего дня она видела Габби только один раз. Моя дочь знает бабушку лишь по фоткам. Я никогда не разговаривала с твоим отцом. И вот они приперлись сюда. Здравсьте пожалуйста!

«Карли почти в истерике, но это почему-то успокаивает», – подумала Мишель, поднимаясь по ступенькам.

– Ничего, – сказала она Карли. – Как-нибудь прорвемся.

– Ты что, не понимаешь? Они *здесь*!

Мишель проверяла свои чувства. Она опасалась за свою реакцию, но почему-то этот новый кризис не казался ей таким уж страшным. Может, потому что ей было почти все равно. Да, сбежавший отец

вернулся через двенадцать лет. Да, у нее к нему были вопросы, она даже злилась. Но по сравнению с тем, через что она прошла, все это пустяки.

– Сейчас они тут, а потом уедут, – пробормотала она, радуясь своему безразличию, осознанию того, что это ее не трогает. Ей уже все равно. Может, это результат эмоционального выгорания, но так тоже неплохо. Она восстановит способность чувствовать после их отъезда.

– Как ты можешь быть такой спокойной? – возмутилась Карли. – Это ведь кошмар.

– Кто из нас теперь королева драмы?

Карли с удивлением уставилась на нее:

– Ты в самом деле не расстроилась?

– Нет. Вероятно, потому что меня это не волнует. Он здесь. Ну и ладно. У нас хватает других забот.

– Габби. Я боюсь, как бы мама не обидела ее.

– А ты не оставляй их наедине. Будь всегда рядом. – Мишель потрепала Шанса по голове. – Мы тоже будем.

Карли кивнула. Из ее глаз постепенно исчезала паника.

– Мне нравишься ты новая.

– Я воздерживаюсь от оценки, но вижу потенциал.

– Пойми меня правильно, – поколебавшись, сказала Карли, шагнула к подруге и обняла ее.

Мишель застыла, принимая объятие и поддержку, которую оно выражало. Медленно, нерешительно она тоже обняла Карли, позволяя себе вспомнить, как это было, когда они были лучшими подругами. Они вдвоем против целого мира.

* * *

Мишель вошла в свой кабинет и обнаружила в углу мешок с собачьим кормом, другие покупки и лежак. Второй лежак был возле ее стола.

Она спустила Шанса с поводка. Он понюхал миску для воды – желтую, веселую, с отпечатками лап на боках – и подошел к лежаку. Его лоб слегка наморщился, когда пес оглянулся на Мишель.

Она улыбнулась, присела и похлопала по лежаку.

– Давай, Шанс. Это для тебя.

Он поставил туда одну лапу, потом другую. Оглянувшись пару раз, со вздохом рухнул на лежак. Она погладила его по спине и была вознаграждена ударами его хвоста.

– Видишь? – сказала она ему. – Вот такой будет теперь твоя жизнь.

Она поняла, что даже не задавалась вопросом, брать его или нет. В ту же секунду, когда Джаред показал ей измученного голодом и побоями пса, она приняла его в свою жизнь. Решила, что они будут лечить друг друга. Вчера утром ей позвонили из агентства по спасению животных и убедились, что все хорошо. Она получила электронный доступ к записям, касавшимся Шанса, включая оценку ветеринара. Согласно им, Шансу было около двух лет и у него не было заметных проблем со здоровьем, не считая следов побоев.

Она посмотрела на часы. Шанс получил обильный завтрак, но с тех пор ничего не ел. Она достала собачье печенье, купленное Карли. В его темных глазах вспыхнул интерес.

– Иди сюда, – позвала она.

Он вылез из лежака и встал перед ней.

– Шанс, сидеть.

Он сел. Она засмеялась.

– Хороший мальчик. Гляди-ка. Скоро мы выясним, что еще ты умеешь делать.

Она протянула ему печенье. Он осторожно взял его, вернулся на лежак, устроился в нем, тщательно разжевал печенье и проглотил. На его морде появилось довольное выражение, когда он посмотрел на Мишель.

– Съел? На здоровье! – сказала она ему.

– Что-то он у тебя не красавец.

Голос знакомый. Было время, когда обладатель этого голоса заменял Мишель целый мир. Или по крайней мере был якорем в крутящемся вихре, который представляла собой Бренда. Она повернулась в кресле и взглянула на отца, вошедшего в ее кабинет.

– Его где-то подобрали. У меня он всего несколько дней. Скоро поправится.

Она смотрела на его седеющие волосы, на морщины вокруг глаз и губ. Он слегка похудел, слегка постарел, но особенно не изменился.

Если бы ей надо было обозначить разницу, она бы сказала, что он выглядел счастливым.

– Привет, папа.

– Мишель. – Он колебался, словно не знал, что ему делать, потом сел в кресло у стола. – Я звонил пару раз, чтобы сообщить тебе о нашем приезде. Но не мог дозвониться.

Она вспомнила звонки, которые игнорировала, свой срыв, когда она растоптала телефон.

– Я была немножко вне доступа.

Он пристально посмотрел на нее.

– Как у тебя дела?

В его вопросе звучала озабоченность. Она была трезвой и сравнительно здравомыслящей всего несколько дней. Ее одежда была все еще слишком велика, лицо бледное. Она выглядела такой, какой и была, – человек, находящийся на грани.

– Лучше. Серьезно, мне уже лучше.

Он тихо выругался.

– Почему ты не позвонила мне, девочка моя? Я давно бы приехал.

Знакомое «девочка моя» пробилось сквозь стену отчуждения, и Мишель снова почувствовала себя маленькой. Как в детстве, когда она сворачивалась в клубочек, натягивала на голову одеяло и отчаянно пыталась не слушать ночные ссоры родителей.

Она вздохнула и посмотрела на Шанса. Вид спящего пса ее успокоил. Она снова перевела взгляд на отца.

– Ты уехал. Ты оставил меня, папа. Ты ушел, даже не предупредив. Больше десяти лет я не слышала от тебя ни слова. Зачем мне звонить тебе теперь?

Отец заерзал в кресле.

– Я понимаю, что это выглядит плохо, девочка моя.

– Не только выглядит. Это *на самом деле* плохо.

– Понимаю. Там смешалось так много всего. Твоя мать. Я никогда бы не женился на ней. Но она была беременной, а меня воспитали ответственным. Ты единственная моя радость от того брака.

– Но этого не хватило для того, чтобы ты остался.

Он с мольбой посмотрел на Мишель.

– Я ждал, когда тебе будет семнадцать. Хотел, чтобы ты стала достаточно взрослой и сама все решила. Взяла все в свои руки. – Он

наклонился к ней. – Я хотел вернуться, но понимал, что Бренда станет отыгрываться на тебе, если я это сделаю. Так что я не давал о себе знать и ждал, когда ты станешь старше. Но ты ушла в армию, и я не знал, как связаться с тобой.

«Все это чушь, – подумала она. – Оправдания». Она любила отца, верила ему, зависела от него. У него не было реальных причин для того, что он сделал. Он выбрал любовницу, а не родную дочь. Сейчас, при всех его заявлениях о любви, он больше напоминал мать, и ей стало от этого не по себе.

Края комнаты расплылись, острая тоска и желание забыть обо всем пронзили ее. Ей до боли захотелось выпить глоток водки. Один глоток. Вот и все, что ей нужно.

Она схватила со стола бутылку воды и выпила немного. Но холодная жидкость не принесла облегчения. Где-то в глубине тела возникла дрожь и начала растекаться в разные стороны. Мишель понимала, что через считанные минуты задрожит с головы до ног.

– Вы надолго тут? – спросила она.

– На пару дней. Лана так рада увидеться с Карли и Габби.

– Еще бы, – пробормотала она, гадая, расслышал ли он сарказм или принял все за чистую монету.

Она выпрямилась и вздохнула:

– Папа, у меня срочная работа. Может, поговорим потом?

– Да, конечно, – поспешно ответил он и улыбнулся. – Мы с Ланой прогуляемся и зайдем куда-нибудь на ланч. Остров изменился за эти годы.

Мишель кивнула, внезапно ощутив смертельную усталость.

Отец ушел, а она откинулась в кресле и закрыла глаза. Медленно, слишком медленно прошло желание выпить, осталась лишь опустошенность. При всем буддийском спокойствии, которым она удивила Карли, она не знала, как справиться с этим нашествием. У нее было ощущение, что она не решит проблему, если скажет отцу и Лане уехать. Значит, ей требовалась какая-то другая помощь.

Она встала и позвала Шанса, пес тут же подбежал к ней, стуча когтями по полу. Они направились к стойке регистрации.

Карли яростно била пальцами по клавиатуре.

– Они пошли на ланч, – сообщила она. – Номер им не нужен. Уже хорошо, по-моему. Они забронировали комнату в кемпинге на севере

острова. Я сказала им, что в праздники мы будем слишком заняты, так что у нас будет пара дней передышки. – Она помолчала. – Ты как? Нормально?

– Не так хорошо, как хотелось бы. Ты права. Их возвращение вышибло меня из колеи.

– Это тот случай, когда я не хочу радоваться своей правоте.

Мишель ощущала рядом с собой собаку. Когда Шанс слегка прижался боком к ее ноге, она погладила его. Ее успокаивало его присутствие.

– Спасибо за собачьи покупки. Я выпишу тебе чек на эту сумму.

– Без проблем. – Карли кивнула. – Это было забавно. Габби в восторге, что теперь в отеле есть кот и собака.

– Совок для уборки какашек – штука полезная.

– Это идея Сэма.

Мишель вскинула брови.

– Вы снова вместе?

– Мы потихоньку. Ничего?

– Не думаю, что есть смысл делать все потихоньку.

Карли сморщила нос.

– Ты поняла, о чем я. Тебе это неприятно?

Мишель подумала, что ей неприятно все происходящее вокруг нее.

– Нет, – сказала она. – Честно, нет. Продолжай. Он приличный и хороший парень.

– Надеюсь.

Громкое шипение прервало их разговор. Мишель повернулась и обнаружила мистера Усача. Он остановился в десяти футах от Шанса, выгнул спину и распустил хвост.

Шипение впечатляло. Мишель была поражена его громкостью и страстью. Прямо кобра какая-то, а не кот.

Вероятно, Шанс подумал то же самое. Он заскулил, спрятался за Мишель и задрожал.

Мистер Усач глядел на пса еще несколько секунд, потом медленно расслабился. Его статус главного в доме был подтвержден. Он повернулся и прошел в дальний конец комнаты, прыгнул на солнечный подоконник и начал вылизываться.

Мишель наклонилась и обхватила морду пса ладонями.

– Ты должен учиться стоять за себя, парень. Ты килограммов на восемнадцать тяжелее этого кота. А когда мы тебя потренируем, будешь еще тяжелее. Ты справишься с ним. Я уверена.

Шанс не казался убежденным.

– Тебе надо поработать с ним, чтобы он почувствовал уверенность в себе, – предложила Карли.

Мишель засмеялась:

– Я готова выслушать любые советы. Ты знаешь, как воспитать у собаки уверенность?

– Не очень. Я у себя и то никак не могу.

– Вот и я тоже. – Мишель обняла пса. – Похоже, тебе придется понять это самому, – сказала она ему. – Но что бы ни случилось, я буду рядом и буду заботиться о тебе.

Глава 32

Праздничный день – Четвертое июля – начался с ясного и теплого утра. Мишель с Шансом приехали в отель в седьмом часу и быстро проверили, как идут дела в ресторане.

Мишель вошла на кухню, и ей ударил в ноздри запах готовившихся ребрышек и бобов для барбекю. Это соблазнительное благоухание смешивалось с декадентским ароматом печенья с шоколадной крошкой, только что извлеченного из духовки.

– Собаке не место на моей кухне! – заявила Хелен при виде Шанса, сопровождавшего хозяйку. Мишель остановилась.

– Шанс, сидеть!

Пес с тревогой взглянул на нее, но прижал свой зад к полу возле двери.

– Сиди тут.

Он заскулил, но не сдвинулся с места.

– Молодец, – пробормотала Мишель. Когда закончится летнее безумие, она собиралась поговорить с кинологом в зоомагазине, чтобы он определил, что еще мог делать Шанс. Может, дрессировка или даже просто занятия на собачьих тренажерах сделают пса поувереннее. Да и самой Мишель пойдет на пользу забота о собаке.

Она воздерживалась от спиртного уже десять дней, нормально питалась и довольно неплохо спала. Одежда болталась на ней чуть меньше прежнего, а лицо, как ей казалось, было уже не таким изможденным.

Ей по-прежнему снились кошмары, и она кричала по ночам. Чаще всего Шанс спал у нее в ногах, и каждый раз его теплое тело успокаивало ее, когда она просыпалась.

Лучшей новостью из всех было то, что она больше не виделась с отцом и Ланой после их приезда, но она не сомневалась, что эта передышка скоро закончится.

– Вы пришли ко мне с проверкой? – В голосе Хелен звучало скорее веселое удивление, чем обида.

– Хотела убедиться, что у вас есть все необходимое для сегодняшнего дня.

Вместо обычного ланча они предлагали ланч с собой гостям отеля и всем сделавшим предзаказ. На столиках уже были приготовлены коробки и корзинки для пикника. Скоро они будут наполнены снедью.

– Я позаботилась обо всем. Когда мы закроемся, Кэмми побудет тут, пока не раздаст все пикник-ланчи. Сегодня утром на автоответчик поступило еще семь заказов. Да, я делаю еще шесть дополнительных для тех идиотов, которые не соображают, что предзаказ означает *предварительный* и заказ.

– Такие находятся в любой толпе, – усмехнулась Мишель.

Хелен перевела взгляд на Шанса.

– Как он?

– Лучше.

– Я приберегла для него кое-что.

Она отдала Мишель миску с парой крупных ребер. На них осталось немного мяса, хоть и без соуса.

– Спасибо, – поблагодарила Мишель. – А я думала, вы кошатница.

– Да, но мне кажется, что он приличный пес. Таких я уважаю. – Она сдвинула брови. – Только пусть он держится подальше от моей кухни. Здесь не позволено бывать даже мистеру Усачу.

– Хорошо, мэм.

Хелен просияла:

– Вы хорошая девочка, Мишель.

– Я стараюсь.

Она вернулась в свой кабинет, Шанс тащился рядом. Запустив компьютер и проверив сообщения, она вывела пса на поляну и дала ему кость.

Он обнюхал ее, бережно схватил зубами и отнес на солнечное место. Там шлепнулся на траву и, вздохнув от счастья, стал ее грызть.

– Шанс!

Из дверей отеля выскочила Габби и побежала к собаке. Мишель хотела ее остановить; она не знала, как еще недавно голодавший пес отнесется к приближению девочки. Вдруг решит, что она хочет забрать у него кость?

– Габби, стой!

Но было уже поздно. Десятилетняя девчонка бросилась на пса. Шанс выпустил кость и, казалось, напрягся. Габби обхватила его руками, и они покатались по траве. Шанс вилял хвостом.

Мишель вздохнула с облегчением и даже опустилась на траву.

– Я слишком стара для таких стрессов, – пробормотала она, глядя, как девочка играет с собакой. Потом Шанс принялся снова грызть кость, а Габби прислонилась к нему и стала читать книжку.

Мишель говорила себе, что пора браться за работу, но не могла пошевелиться. Сидеть на солнышке было так хорошо. Через несколько минут на нее упала чья-то тень. Мишель открыла глаза и увидела стоявшую рядом Полин.

– Вы выглядите спокойнее, – сказала психотерапевт. – И лучше.

– Спасибо.

Полин села возле нее на траву.

– Хотите рассказать мне об этом?

– У вас когда-нибудь бывают выходные?

– Трудовой азарт, – усмехнулась Полин. – Вообще-то вы можете послать меня куда подальше.

– Я бы, пожалуй, даже назвала конкретное место.

– Вот почему вы мне нравитесь. – Полин расхохоталась. – Теперь расскажите опытному психотерапевту, что происходит.

Мишель устроилась поудобнее и вытянула перед собой ноги.

– Я не пью. Я посещаю каждый день занятия. Для ветеранов, не для АА^[14].

– Что ж, как вам удобно.

– У меня все еще проблемы со сном, но уже не такие. – Она показала на Шанса. – Он тоже помогает.

– Не сомневаюсь. – Полин пристально посмотрела на нее. – И что еще?

– В город вернулся мой отец. Я не видела его с семнадцати лет. – Она кратко пересказала мыльную оперу, в которую тогда превратилась ее жизнь. – Он оправдывался, но не называл реальные причины своего поступка.

– Когда люди руководствуются исключительно эгоистичными мотивами, им трудно в этом признаться. Сказать правду о чем-то подобном – значит увидеть себя в другом ракурсе, менее привлекательном. Вот они и выдумывают истории. Мы все так делаем. Рассказываем истории, чтобы объяснить необъяснимое. Справиться с ситуацией. Иногда они даже помогают нам выжить, пережить то, что иначе могло бы нас раздавить.

Мишель сорвала несколько травинок.

– Это как когда Карли считала меня виноватой в том, что ее мать сбежала, бросив ее на попечение алкоголика-отца?

– Что-то в таком духе. Конечно.

– И когда я ненавидела Карли за то, что она оставалась здесь, пока я служила в армии, хотя и пошла туда добровольно?

Полин кивнула.

Мишель сидела молча несколько минут, обдумывая эту информацию, и наблюдала, как пес грызет кость, а девочка развалилась рядом с ним как в кресле.

Каких бы Карли ни наделала ошибок, с Габби у нее было все хорошо. Мишель сомневалась, хватило бы у нее самой сил и решимости одной, без поддержки вырастить ребенка. Она и с собакой-то еле справлялась.

– Я не хочу, чтобы он вернулся в мою жизнь, – пробормотала она. – Хочу, чтобы он уехал. Это плохо?

Полин коснулась ее руки.

– Мысль о том, что мы должны беззаветно любить родителей, какие бы неприятности они нам ни причиняли, – полная фигня. – Она усмехнулась. – Скажем так.

– Вы ругаетесь. Молодец.

– Вы не моя пациентка. Я могу быть собой.

– Кажется, теперь вы мне больше нравитесь.

– Я рада. – Она снова стала серьезной. – Сейчас вам меньше всего нужно, чтобы из-за приезда отца открылись старые раны. Я согласна с вами. Продержитесь этот визит, а потом уже разберетесь с собой.

– Это ничего?

– Вы спрашиваете у меня позволения или хотите знать, здоровое ли это решение?

– И то и другое.

– Действуйте. – Полин встала и отряхнула джинсы. – Сегодня у нас занятия. Мы с Сетом решили: если люди готовы пожертвовать праздником ради укрепления брака, значит, у них серьезные намерения.

– Удачи.

– Спасибо.

К одиннадцати утра почти все гости разошлись на праздничные мероприятия. Мишель чувствовала себя неплохо и добавила к своему перечню дел еще и уборку двух комнат. Закончив, она спустилась вниз. Карли работала за стойкой регистрации. Шанс пристроился возле нее.

– Как дела? – спросила Мишель.

– Нормально. – Карли пожала плечами. – Они сегодня начали раньше обычного.

Мишель посмотрела туда, куда она показывала, и увидела, как на лужайке проходящие терапию пары поочередно завязывают друг другу глаза. «Упражнение на доверие», – подумала она.

– Где Габби?

– Она уже на берегу с подружками.

– Не хочешь присоединиться к ней?

– Нет. Я могу поработать подольше. – Карли поморщилась. – Они пойдут с нами.

– Родители?

– Да. Раньше я как-то не замечала, но моя мать ужасно походит на Бренду. Во всем. Вчера вечером она заглянула к нам, и я спросила, почему она сбежала из семьи. Она тут же стала уводить наш разговор в сторону, а когда я продолжала настаивать, сказала, что это и со мной связано. Намекнула, что из-за меня она сбежала с мужчиной, женатым на ее якобы лучшей подруге.

Мишель удивленно вытаращила глаза:

– Не может быть!

– Там были и другие вещи. Но мне плевать.

Мишель понимала, что Карли говорила неправду.

– Тебе совсем не плевать.

– Да, потому что я дура. Я хочу... – Карли покачала головой. – Знаешь что? Я не хочу с ней общаться. Я хочу, чтобы у моей дочери были хорошие отношения с бабушкой, но не хочу часто видеться с матерью. Я не люблю ее. Это ужасно?

– Нет. Это нормально. Куда делись старые добрые извинения? Им только и надо сказать: «Эй, простите нас. Мы были эгоистичными хорьками и сожалеем об этом». Но для них это слишком тяжело.

Карли кивнула.

– Они скоро уедут, – напомнила ей Мишель. – Пусть это тебя успокоит.

– Что? Без надежды на то, что мы восстановим отношения?

– Не всякий конец бывает благополучным. Я трезвая. Ты отличная мать. Это уже достаточно много.

У Карли перехватило дух, а на глазах показались слезы.

– Что? – резко спросила Мишель. Она не считала, что сказала какую-то неправильную вещь.

– Мне так приятно это слышать, – прошептала Карли сдавленным от эмоций голосом.

– Черт побери, – пробормотала Мишель. – Ты хорошая мать и хороший друг.

– Ты тоже.

– Я дерьмовый друг, но я стараюсь.

На этот раз Мишель шагнула вперед и обняла ее. Рискнула первой.

Они держали друг друга в объятиях несколько секунд и разошлись.

Карли вытерла мокрые щеки.

– О'кей, вот новый план. Сплотимся и будем держаться вместе, пока родители не уедут. Единым фронтом. Когда они заявятся в следующий раз, мы будем готовы.

– Давай запрем их в подвале и будем держать, пока они не попросят прощения.

– У нас нет подвала, – усмехнулась Карли.

– И правда. Что ж, зимой у нас мало гостей. Вот и соорудим подвал.

Обе засмеялись.

– Сэм тоже придет на берег? – спросила Мишель.

– Он работает.

– Жалко. Ему бы понравился вечер, и он стал бы хорошим буфером.

– Может, в другой раз, – сказала Карли. – Когда он уже не будет выглядеть новичком.

Мишель кивнула.

– Я поеду домой на пару часов и попробую хоть немного поспать. – Потом она будет дежурить, пока в отель не вернется последний гость, а это может быть уже за полночь. – Вернусь к четверем.

– Я буду здесь.

Она позвала Шанса. Пес шел рядом с ней до грузовика, запрыгнул на пассажирское место и ждал, когда она пристегнет его ремнем. Она не была уверена, что в случае аварии это поможет, но так было все-таки спокойнее. Она щелкнула тумблером, отключив подушку безопасности, захлопнула дверцу и села за руль.

Впервые после неожиданного приезда отца она чувствовала себя спокойнее, заводя машину. Конечно, ничего не изменилось, но теперь у нее был план. И она была не одна. Это было лучше всего – то, что она была не одна.

«Одним демоном меньше, – думала она. – Но еще остается дюжина».

* * *

Мишель поглядывала на небо из-за стойки регистрации. Когда стемнело окончательно, она позвала Шанса и ушла в свой кабинет.

Она знала, что сейчас начнется. Праздничный фейерверк будет продолжаться десять минут, но для нее и собаки он покажется бесконечно долгим. Она плотно закрыла дверь. Перед этим она нашла в интернете радиостанцию с рок-музыкой и теперь включила динамики на полную громкость. Эти звуки ей помогут.

Потом она встала на колени, заползла под стол и приготовилась терпеть.

Шанс ничего не понял, но послушно устроился рядом с ней. Она обняла его рукой и стала ждать.

Через несколько минут она услышала первые взрывы. Большинство людей наслаждались грохотом и взрывом в небе красочных огней, но ей они слишком напоминали недавние испытания.

– Все нормально, – почти пропела она. – Потерпим всего несколько минут, и скоро все закончится. Мы не на войне. Никого не ранят и не убьют. Все нормально. Я в порядке.

Шанс прижался к ней – скорее ради удобства, чем от испуга. А Мишель почувствовала, как ее бьет дрожь, и не знала, как прекратить это. Может, просто терпеть и все пройдет само?

Она обхватила обеими руками пса и уткнулась лицом в его плечо. Через секунду почувствовала на своей шее что-то теплое и влажное и

подняла голову. Тогда он лизнул ее щеку.

Несмотря на страх и желание, чтобы фейерверк скорее закончился, она рассмеялась.

— Мы спим с тобой больше недели, и ты только сейчас решил меня поцеловать? Ох, как это по-мужски!

Глава 33

Карли встала на цыпочки, чтобы дотянуться до самого верха стены. Была пятница, относительно спокойное время для отеля. Праздничная толпа и клиенты психотерапевтов уехали. Новые гости, забронировавшие места на выходные, еще в дороге. Стена была не слишком огромная. Карли уже нанесла первый слой краски, и он подсох. Потом покрасила места под потолком и над плинтусами. Остальное она быстро закончит валиком.

Только она обмакнула валик в краску, как в дверях показалась Мишель.

– Что ты делаешь, черт побери?

Карли даже не потрудилась посмотреть на нее.

– Нужно поработать над твоими навыками общения.

– Ладно. Привет. Как дела? Что ты делаешь, черт побери?

Карли усмехнулась:

– Спасибо. Гораздо лучше. Я крашу.

– Я и сама вижу.

– Тогда почему ты спрашиваешь?

Она скорее почувствовала, чем увидела, как напряглась Мишель.

– Ты зануда, тебе это известно?

– Я считаю себя легкой в общении и обаятельной, но ладно, согласна. Может, я и бываю занудой. Что именно тебе не нравится?

– Много всего, – буркнула Мишель. – Зачем ты взялась красить именно сейчас? В половине двенадцатого? Скоро приедут гости. Тебе не кажется, что ты выбрала не самое подходящее время?

– Ты терпеть не можешь эту роспись на стене.

– Я ненавидела ее с тех пор, как вернулась сюда.

Карли продолжала работать валиком, покрывая краской каждый дюйм стены.

– Да, но я не любила тебя тогда, и мне было плевать, что ты ненавидела ее. Но потом я поняла, что чуточку перестаралась с ромашками.

В те времена, когда она верила, что станет в конце концов совладелицей отеля, она пыталась привнести в него чуточку своего стиля.

– Ты не любила меня?

– Ты вела себя не очень приятно, и в тебе было много гонора.

– Понятно.

– Не прикидывайся огорченной. Ты и сама себя не любила.

– Ты что, говорила с Сетом и Полин? Пытаешься меня исправить, да?

– Исправить тебя? Я столько не получаю, – засмеялась Карли.

– Вот это правильно.

– Все. Готово. – Карли попятилась назад и окинула взглядом стену. Ромашек на ней словно никогда и не было.

– Зря ты покрасила ее целиком. Ты столько сил потратила на те ромашки.

– Да, но я не профессиональная художница. Некоторые цветы больше походили на инопланетян. Вот так лучше.

– Спасибо.

– Не за что.

Мишель помогла ей все собрать и отнести в подсобку. Там Карли промыла кисти и валик. Прибежала Габби.

– Фрэнк и бабушка Лана хотят пойти на ланч, – сообщила она, лопааясь от восторга. – Сюда. Они сказали, что все хвалят салат с курицей, который готовит Хелен. Еще они хотят побыть с нами.

Карли улыбнулась дочке:

– Что ж, хорошо. Я тут, на месте, а вот Мишель, возможно, будет занята.

Габби повернулась к ней. Мишель вздохнула:

– Я с удовольствием.

Девочка захлопала в ладоши и помчалась назад сообщить хорошую новость.

– Я же отмазала тебя, – сказала Карли, ставя валик вертикально, чтобы вода стекала в раковину.

– Спасибо. Но ведь я научила Габби не бояться журавлей. Я практически супергерой. И я не хочу подводить мою хорошую девочку.

У Карли что-то дрогнуло где-то в самой глубине сердца, но она постаралась не показывать этого несмотря на правду, которую только что осознала. Она не только вернула то, что было утрачено; она обрела человека, который очень любил ее дочку. Всякому, кто обидит Габби,

придется держать ответ перед Мишель. Может, сейчас она не выглядела грозной, но Карли прекрасно знала, что ее подругу лучше не сердить.

Они вышли из подсобки и направились в переднюю часть отеля.

– Не покажется ли это неприличным, если я поинтересуюсь, когда они уедут? – с невинным видом спросила Мишель.

– Лучше не спрашивай.

– Ладно, но, надеюсь, это случится скоро.

– Я тоже надеюсь.

Они прошли мимо подсыхающей стены.

– Красивая стена, – пробормотала Мишель.

– Зараза.

– От такой слышу.

* * *

– Мисс Сандерсон?

Мишель подняла голову и увидела худого пожилого мужчину в очках и с планшетом в руке.

– Да. – Она встала. – Чем могу быть полезна?

– Я Джеральд Вон из Департамента здравоохранения штата Вашингтон. Мне надо поговорить с вами о вашем ресторане.

Ей показалось, что она не шевелилась и не издавала ни звука, но тут проснулся Шанс и бросился к ней. Он не рычал и даже не посмотрел на инспектора. Он просто прижался к ее ноге, напомнив о себе.

Она погладила пса и кивнула.

– Что за проблема?

– Мы получили несколько жалоб на то, как у вас подают блюда. Что тарелки грязные, со следами крысиных экскрементов, а при подаче блюд не соблюдается нужная температура. Я приехал, чтобы провести инспекцию, и прошу сопровождать меня.

Обвинения были такими возмутительными, что Мишель потеряла дар речи. При всех ее недостатках Дамарис поддерживала чистоту на кухне. А Хелен была еще более требовательной. На разделочном столе можно было бы сделать даже срочную операцию без риска занести инфекцию. Какого черта...

«Это Эллен», – с яростью подумала она. Карли ведь предостерегала ее насчет Эллен, а она не слушала.

– Конечно, мистер Вон, – ответила она с напряженной улыбкой. – Я догадываюсь, что вы приехали в субботу, чтобы сделать нам сюрприз? Никто не ожидает, что санитарный инспектор работает в выходные.

– Вы угадали, – ответил он без улыбки.

– И я не рассчитываю, что мы узнаем имена людей, написавших жалобы.

– Нет. Это конфиденциальная информация.

– Правильно. Понимаю. Но я спросила, потому что у нас возникли проблемы кое с кем в городе. Личные счеты. И я думаю, что эти люди как раз и могли пожаловаться.

Мистер Вон оставил ее слова без внимания. Мишель не сомневалась, что он привык слышать тонны оправданий.

– Пойдемте на кухню, – сказала она, выходя из-за стола. – Но позвольте спросить. Если проверка пройдет превосходно и вы не найдете никаких нарушений, вы хотя бы возьмете на заметку мои слова?

– Мисс Сандерсон, нарушения есть у всех. У кого-то совсем небольшие, но безупречных кухонь нет.

– Надеюсь, вы проявите объективность.

Она повела его через холл. Шанс шел рядом. У стойки администратора стояла Эллен и разговаривала с Карли. Та выглядела расстроенной. Эллен повернулась в их сторону и помахала рукой.

Мишель вспомнила условия предоставления кредита. Если в отеле будут зафиксированы какие-либо нарушения, банк может отобрать его. Так что ситуация неприятная.

В ней забурила злость. Нет! Это неправильно. Единственный человек не может так сильно контролировать ее бизнес.

Ничего плохого не случится, сказала она себе. Она вернулась сюда не для того, чтобы потерять все. Как только мистер Вон закончит инспекцию, она начнет собственное расследование и немножко покопает там, где нужно.

Они зашли на кухню, где Хелен готовила ланч. Шанс остановился на своем обычном месте за дверью, лег и приготовился ждать.

– Хелен, это мистер Вон из Департамента здравоохранения нашего штата. Туда поступили жалобы на ресторан. Что-то насчет чистоты и температуры блюд.

Мишель не стала упоминать про крыс. Хелен уже не первой молодости, не стоило ее шокировать. А то еще сердце заболит.

Хелен строго взглянула на инспектора.

– Я не готова к вашему визиту, мистер Вон, – сердито сказала она. – Вероятно, так и планировалось. Очень хорошо. Приступайте к инспекции и делайте то, что вам нужно.

Пока инспектор натягивал перчатки, Хелен продолжала спокойно нарезать кубиками курятину для ее знаменитых сэндвичей. Она держалась хладнокровно и сдержанно, и это чертовски впечатляло.

Следующие сорок пять минут тянулись мучительно долго. Мишель вышла в коридор и села на пол рядом с собакой. Шанс не спускал глаз с инспектора, словно был готов защитить Мишель от него.

Мистер Вон открывал шкафы, измерял температуру продуктов в холодильнике и на плите, сравнивал результаты с температурной шкалой в планшете. Он проверил посудомоечную машину, кладовые, посмотрел на лицензию. Наконец он снял перчатки.

Мишель встала и подошла к нему.

– Ну что?

– Впечатляет, – ответил мистер Вон с легкой досадой. – Я никогда еще не видел такой чистой кухни. Все соответствует нашим требованиям и во многом даже превосходит их. Жалоба поступила к нам несколько дней назад, а, судя по всему, такая чистота у вас была уже некоторое время.

Мишель захотелось показать ему язык и напомнить о том, что она уже говорила – жалоба несправедливая. Но решила, что это не поможет делу.

– Так мы прошли проверку?

– Да, и я отмечу в заключении, что это, возможно, какая-то ложная жалоба. Мы в департаменте очень серьезно относимся к нашей работе. Речь идет о здоровье людей. И мы не можем допустить, чтобы наши ограниченные ресурсы тратились понапрасну на розыгрыши такого сорта.

– Кажется, я догадываюсь, кто это сделал. – Мишель улыбнулась. – И поговорю с ней.

Она пожала руку мистеру Вону и вернулась в вестибюль отеля.

Эллен все еще была там и сидела на диване. Она посмотрела на вернувшуюся Мишель и, вероятно, заметила удовлетворение на ее лице, потому что уже не улыбалась и не махала рукой.

Мишель напрямик направилась к ней.

– Эй, – сказала она, – спасибо, что позвонила с жалобой на нас. Теперь Департамент здравоохранения штата нас любит и считает тебя идиоткой. Мне это нравится.

Голубые глаза Эллен превратились в острые льдинки.

– Берегись, Мишель. Меня лучше не иметь среди врагов.

– Ты уже мой враг. Я чуть не купилась на твое «будем подругами». Ты ловкачка – ничего не скажешь. Не знаю, насколько твоя игра связана с тем, что случилось когда-то в школе, а насколько с тем, что ты хочешь получить почти на халяву эту шикарную недвижимость у моря. Выскажусь и о том, и о другом.

Мишель с трудом удерживалась от улыбки. Орать на людей так клево!

– Насчет школы. Пора тебе повзрослеть. Прошло много лет. Живи нынешней жизнью и смотри вперед, а не назад. А что до моего отеля – и не надейся. Я все плачу́ вовремя. Дела у нас идут лучше, чем ожидалось, так что я могу выплатить даже больше. Может, я захочу консолидировать кредиты. Но, скорее всего, не в твоем банке.

– Есть и другие нюансы, – огрызнулась Эллен.

– Те дурацкие правила? Я знаю из достоверного источника, что ты не можешь этого сделать.

– Кто тебе сказал?

– Я говорю.

Эллен закатила глаза.

– Seriously, Мишель, не ввязывайся в вещи, которых не понимаешь.

– Вроде банковского дела? Правил представления финансовой отчетности и модификации кредитов? Ты права. Я не буду влезать в эти дела. Но думаю, что мне пора найти грамотного юриста, чтобы он все проверил. Карли дружит с ассоциацией местных бизнес-леди. Кто-нибудь из них наверняка сможет порекомендовать мне классного юриста. Даже такого, кто в контрах с вашим правлением.

– Это ничего не изменит, – заявила Эллен, но у Мишель появилось подозрение, что собеседница занервничала.

– А теперь иди. Тебе пора, – сказала Мишель.

Эллен повернулась на каблуках и покинула отель.

Мишель посмотрела ей в спину, потом наклонилась и потрепала Шанса по загривку.

– Мы очень странные существа.

Он прижался головой к ее бедру, словно говоря, что не ему судить.

* * *

Карли рылась в теплой плодородной земле в саду отеля. Вместе с красивыми цветами растут и сорняки, думала она, выдерживая очередной и бросая его на растущую кучу отходов. Пожалуй, садоводство – метафора жизни, весело подумала она. Копай, рой потихоньку и избавляйся от всего, что тебе мешает.

Шанс вытянулся на траве неподалеку от нее. Солнце дарило свое тепло, ветра не было. День ожидался хороший.

– Карли!

Голос донесся с другой стороны отеля, но Карли ни с каким другим его не спутает. «Вот тебе и хороший день», – подумала она. Сидя на корточках, она глядела на идущую к ней мать.

Пока что они говорили лишь о всяких мелочах – погоде, покупках, планах поездок в ближайшие месяцы. Не считая попытки Карли узнать, что думала Лана, когда уходила из семьи, они избегали слишком личных тем.

«Пожалуй, так лучше, – сказала себе Карли. – Все равно многие вещи уже не исправишь».

Мать села рядом с ней на траву.

– Мы уже собрались и готовы к отъезду. Фрэнк сейчас прощается с Мишель. Если ты не против, мы по дороге заедем в лагерь к Габби.

– Конечно, не против, – сказала Карли, надеясь, что мать не заметит, как она рада этой новости.

– Спасибо. – Мать вздохнула. – Все было чудесно. Мы снова вместе. Нам с Фрэнком давно нужно было вернуться. Конечно,

возникли бы проблемы с Брендой. Она не из тех, кто способен простить и забыть.

– Вы с ней были так близки, – сказала Карли. – Ты скучала по ней, когда уехала?

Лана неопределенно пожала плечами:

– Возможно. Мы были подругами. Хотя с Брендой всегда было тяжело. Она думала только о себе. Она никогда не переживала, если обидела кого-то. А я всегда тонко чувствовала и заботилась о других. – Лана улыбнулась.

«Да уж, – подумала Карли. – Бросила единственного ребенка и сбежала с любовником – невероятная забота!»

– Да, ты очень заботилась, – сказала она вслух.

– Как я рада, что мы все прояснили.

«Сарказм не удался», – подумала Карли, не зная, смеяться ей или поддаться безумию.

Лана наклонилась и поцеловала ее в щеку.

– Мы думаем вернуться на День благодарения.

– Как хорошо.

– Я буду скучать по вам, – сказала мать, обнимая ее. – Будь умницей.

– Лучше всех.

Потом Лана ушла.

Карли яростно вырвала с корнем еще несколько сорняков, и теперь эта работа нравилась ей даже больше. Она ожидала, что почувствует грусть или сожаление, но ничего подобного не было. Только сознание, что у нее уже есть все, что ей нужно. А общение с матерью – вещь приятная, но необязательная.

Она добралась до конца клумбы и уже собиралась взяться за следующую, когда к отелю подъехал знакомый белый автомобиль из офиса шерифа.

Сэм.

Он направился к ней, и Карли жадно смотрела на его широкие плечи, легкую походку и сексуальную грацию. Она помнила это тело после их единственного, но потрясающего сексуального контакта. Может, она не подумала, когда заявила, что им не нужно торопиться. Может, надо позвать няньку для Габби и провести интересный вечер с

этим мужчиной в его новой квартире. Ну, как бы вывести их отношения на новый уровень.

– Привет, – крикнула она, загораживая ладонью глаза от солнца.

– Карли.

Сэм подошел, погладил Шанса и шлепнулся на траву.

– Как дела? – спросила она. – Ты, должно быть, перевел дух, когда закончились длинные праздники. Теперь можешь жить сравнительно легко до Дня труда.

– Да, жить среди туристов тяжеловато. – Он бросил на траву свою шляпу и провел ладонями по волосам. – Я видел, как уезжали ваши родители.

– Да, они попрощались.

– Ты как, нормально?

– Лучше, чем нормально.

– Хорошо. – Он усмехнулся. – Я вот что подумал... Вы с Габби не хотите пойти со мной в кино завтра вечером?

– Можем. – Она засмеялась.

– Это я и надеялся услышать.

Кино, конечно, вещь хорошая, подумала она. А еще она решит на этой неделе насчет няни и проведет время с этим красивым парнем.

* * *

Столы для пикника стояли в парке на разумном расстоянии друг от друга в тени деревьев. Вечернее солнце проглядывало сквозь листву и сверкало на воде. В марине качались на волнах лодки. На главном пирсе были поставлены скамьи для тех, кто хотел удить рыбу или просто посмотреть на праздник. Возле него стояло много лодок. Слева от него был короткий пирс; смельчаки прыгали оттуда в прохладную воду Саунда. Габби и Шанс гуляли по променаду, пес осторожно поглядывал на девочку.

Мишель убрала со стола мусор и сложила в корзинку. Это она предложила отдохнуть и поужинать на берегу. Они забрали остатки блюд на кухне и отправились к марине.

– Как тут хорошо, – сказала Мишель.

– Да, согласна, – подтвердила Карли. – Надо чаще такое устраивать. Сбегать от всего.

– Даже от Сэма?

– Нет. Но сегодня он работает. – Карли вздохнула.

– Так, значит, я у тебя на втором месте.

– Я не спорю с тобой.

– Почему нет? Это забавно.

Карли покачала головой:

– Ты и вправду свихнулась. И сама это чувствуешь, верно?

– Поверь мне. Я избавилась от моих проблем.

Пока Мишель говорила, Карли наблюдала за дочкой. Габби с Шансом шли по деревянному настилу променада. Вот она остановилась и о чем-то поговорила с немолодой парой, явно туристами. Они были слишком далеко, и Карли не слышала их разговор, но морской бриз донес до нее несколько слов. Габби пританцовывала на месте от нетерпения, а пожилые супруги смеялись и гладили Шанса. Потом посмотрели вверх, увидели Карли и помахали ей рукой.

– Погляди на нее, – сказала Карли, нежась в лучах популярности ее дочери. – Как она быстро растет и буквально расцветает. Ты так ей помогла, научив не бояться.

– Ну, это пустяки.

– Для нее это была проблема. Сейчас она стала посмелее. Мне кажется, она видела, как ты выздоравливаешь, и для нее это тоже стало важным уроком.

Мишель поморщилась:

– Я далека от совершенства.

– Хорошим родителям необязательно быть совершенными.

– Я не мать Габби.

– Нет, но ты у нее на втором месте.

Мишель засмеялась.

Карли снова посмотрела на Габби и нахмурилась, когда дочка вышла с собакой на короткий пирс.

– Габби! – испуганно закричала она и поспешила к ней. Хотя деревянное сооружение торчало в залив лишь на двадцать футов, на нем не было перил. Дочка могла запросто упасть в воду.

Мишель не отставала от нее.

– Зачем она пошла туда? Почему там нет перил? Она умеет плавать?

– Нет, не умеет.

На пирс сел журавль, прямо перед Габби. Девочка остановилась и глядела на птицу. Шанс притих рядом с ней. Габби протянула руку. Птица отскочила. Габби, смеясь, повернулась к собаке и сделала шаг назад.

Для Карли это было одно из тех ужасающих мгновений, когда ход времени замедляется, а самое ужасное становится реальным. Она уже точно знала, что произойдет – и уже тысячу раз пережила этот ужас еще до того, как все случилось.

Габби стояла уже на самом краю, но не замечала этого и снова шагнула назад. Карли завизжала, заорала от ужаса, но ее крик прервался и рассыпался, словно в кошмарном сне. Девочка взмахнула руками, пытаясь восстановить равновесие. Шанс метнулся к ней. Карли помчалась еще быстрее.

Было слишком поздно. Габби упала с пирса и исчезла в холодной, темной воде.

– Не-е-ет! – завизжала Карли. Сердце уже вырывалось из грудной клетки, ей не хватало воздуха, она задыхалась, но это не имело значения. Ничего не имело значения, кроме Габби.

Шанс тут же прыгнул в воду и поплыл к маленькой головке, вынырнувшей на поверхность. Крик о помощи прорезал тихий и спокойный вечер. Несколько человек оглядывались по сторонам, пока еще не понимая, в чем дело.

Карли опрометью пересекла дощатый променада, выскочила на пирс – и остановилась, когда посмотрела вниз на воду.

Ее сердце бешено стучало, легкие болели от нехватки воздуха, тело рвалось вперед, но она застыла, не в силах пошевелиться. Вода. Она не могла прыгнуть в воду. Не умела плавать, не могла перебороть страх, который парализовал ее и не хотел отпустить.

Габби размахивала ручками, кричала, кашляла. Шанс подплыл к ней, схватил за шиворот и поплыл к берегу. Но ее лицо все равно было в воде. Карли снова закричала.

Рядом с ней что-то мелькнуло. Мишель прыгнула в воду и через секунду вынырнула рядом с Шансом и Габби. Протянула руку к девочке.

Карли повернулась и побежала назад, наталкиваясь на незнакомых людей. На променаде уже собралась небольшая толпа. Несколько человек были готовы тоже прыгнуть в воду. Карли бросилась вниз к лодочному спуску. Мишель плыла туда, крепко держа Габби. Шанс усердно работал лапами рядом с ними.

Слезы текли ручьем по щекам Карли, но она не замечала их, охваченная стыдом и страхом. Дочка чуть не утонула из-за нее, а она ничего не могла сделать, не могла предотвратить это.

Она рухнула на колени, все тело содрогалось от рыданий. Тут ее обхватили тоненькие, мокрые ручки, да так сильно, что она с трудом могла дышать.

– Габби.

– Мамочка, мамочка, мамочка.

Дрожа и рыдая, они прижались друг к другу. Понимая, как ей повезло, Карли клялась себе, что больше никогда не оставит дочку в беде.

Глава 34

– Прости, – шептала Карли. Ее пальцы все еще дрожали, сжимая стаканчик с бренди.

– Официально заявляю, что мне это уже надоело, – ответила ей Мишель. Она сидела на диване у Карли в гостиной. – Ты уже пятнадцать тысяч раз благодарила меня либо извинялась. Пожалуйста, давай сменим тему!

Карли кивнула, понимая, что сейчас ей не помогут никакие слова. Она без памяти любила дочку и все-таки чуть не потеряла ее. Не смогла прийти Габби на помощь, когда была нужна ей больше всего.

– Хватит, – резко сказала Мишель. – Самобичевание не поможет никому. У Габби все в порядке. Она даже не успела наглотаться воды, когда я вытащила ее. Только намокла и чуточку замерзла. И она быстро заснула. Так что все в порядке.

– Потому что ты спасла ее.

Мишель закатила глаза от возмущения.

– Это начинает надоедать.

– Я бросила ее в беде. Она могла погибнуть.

– Не придумывай. Если бы я не прыгнула в воду, прыгнул бы еще кто-нибудь. Но раз уж ты так потрясена, тогда научись плавать, черт побери.

Карли хотела возразить, что она ужасно боится воды. Что вода наводит на нее ужас, сколько Карли себя помнит. Но Мишель и так это знала.

– Тебе необязательно становиться олимпийским чемпионом, – сказала она. – Но ты должна хотя бы уметь держаться на воде и плавать по-собачьи. И потом, научишься ты сама или нет, но Габби это необходимо. Она живет в ста ярдах от Саунда.

– Ты права, – прошептала Карли. – Во всем.

– Приятно быть в чем-то правой. – Мишель откинулась на подушки и вздохнула. – Это никогда не надоедает.

Несмотря на стресс, Карли улыбнулась. Потом подумала о том, как пойдет в бассейн, и у нее сжалось все внутри. Она поставила стаканчик.

Шанс лежал на ковре у ног Мишель. Его помыли, обтерли и угостили на славу.

– Он замечательный, – сказала Карли.

– У него есть потенциал, – отозвалась Мишель, погладив пса по боку босой ногой. Пес не открыл глаз, но его хвост глухо застучал по полу. – Просто невероятно, как он продвинулся за такой короткий срок. Думаю, он просто оказался на своем месте.

– Я так рада, что ты взяла его.

– Из всех мужиков, какие у меня были, у него больше всего шансов.

– Может, мне тоже завести собаку, – пробормотала Карли. Она взглянула на Мишель. – Я...

Мишель сердито сверкнула глазами:

– Не надо.

Карли сжала губы, потому что чуть не поблагодарила ее еще раз.

– Я рада, что ты здесь, – сказала она вместо этого. – Что ты вернулась и мы вместе работаем. – Вдруг она поняла, что Мишель пьет бренди. – Постой-ка минутку. Ничего, что ты пьешь?

Мишель подняла стаканчик.

– Думаю, все нормально. Я испытываю себя. Мой срыв не был связан с алкоголем. Это был симптом всего остального, что не ладилось. Конечно, если я снова расклеюсь, мы с тобой будем знать, что я ошиблась.

Карли подумала обо всем, через что они прошли после приезда Мишель.

– Если ты снова начнешь расклеиваться, я тебя прикончу.

– Ничего себе! И ты говоришь это мне, спасительнице твоего ребенка. Вот она, благодарность!

– Зато тебе не придется страдать, – засмеялась Карли.

– Я подумаю над твоим предложением. – Она поставила стаканчик, не допив. – Больше не хочу. Пожалуй, это хороший знак. Ну, ты пришла в себя?

Карли не была уверена в этом, но кивнула.

– Все в порядке.

– Врешь. Но ладно, проверим. Мне пора домой. Я уже все.

Карли встала и проводила ее и Шанса до двери. Мишель вышла за порог, но вернулась и быстро обняла подругу.

– Ты замечательная мать, и Габби очень повезло.

– Спасибо. – Карли приняла этот комплимент, хотя и немного сомневалась.

Подъехал белый автомобиль, и из него выскочил Сэм.

– Что случилось? Мне сообщили, что Габби пострадала. Как она сейчас? А ты?

Мишель улыбнулась им.

– Ну, разбирайтесь сами, – сказала она и пошла к машине.

* * *

Мишель подъехала к дому и вылезла из кабины. Она устала, одежда была еще сырая, хотя и побывала в сушилке. Еще она ужасно хотела спать. Она радовалась, что сумела помочь Габби, но в отличие от подруги не считала это огромным событием.

– Ты бы и один спас ее, – сказала она Шансу, открыв дверцу. – Правда?

Шанс ответил ей своей собачьей усмешкой, соскочил с сиденья и побежал к дому.

Мишель вошла на кухню и с удивлением обнаружила, что там горит свет, а за столом сидит Джаред.

– Я слышал, – сказал он вместо приветствия. – Ты героиня.

– Ой, ладно тебе. – Она пошла к холодильнику за сэндвичем. – Я не сделала ничего особенного.

– Сомневаюсь, что Карли согласится с тобой. И уж тем более Габби.

Мишель погладила Шанса.

– Вот кто настоящий герой. Он прыгнул первый, схватил Габби за футболку и поплыл к берегу.

– Я всегда подозревал, что ты непрост, – сказал Джаред псу. – Молодец.

Шанс завилял хвостом.

Джаред пересек кухню, захлопнул холодильник и привлек Мишель к себе. Взял в ладони ее лицо и медленно коснулся губами ее губ.

Этот контакт пронзил ее током. Она наслаждалась теплом его прикосновения, тем, как длинные пальцы Джареда гладят ее кожу. Она

сразу утратила интерес к еде и ощущала единственный голод – по ласкам этого особенного мужчины.

Она обхватила его руками – чтобы держаться за него и почувствовать его силу. Она раскрыла губы, и он скользнул ей в рот языком. Он страстно целовал ее, возбуждая, и под его поцелуями она чувствовала себя нежной и женственной.

Он выпрямился и погладил ее по волосам. Она смотрела в его глаза.

– Ты наконец решил, что я готова? – спросила она.

– Нет, это я готов.

– У тебя никогда не было такой проблемы, – засмеялась она.

Он усмехнулся и снова поцеловал ее. Его ладони гладили ее по спине, потом ласковым прикосновением накрыли ее груди.

Чуть позже они кое-как нашли дорогу в его спальню. Шанс давно ушел – может, чтобы оставить их наедине, а может, чтобы увидеть сон о какой-нибудь героической собачке. Джаред даже не потрудился включить свет хоть где-нибудь, кроме коридора. В полумраке он снял с Мишель одежду, разделся сам и потянул ее в постель.

Он трогал ее всюду, сначала пальцами, а потом языком. Он любил ее нежно, осторожно, помня о ее больном бедре. Когда она напряглась и задрожала от возбуждения, он стал осторожно целовать самое сердце ее желаний и довел до оргазма, сотрясшего ее до глубины души. Волны удовольствия еще разливались по ее телу, когда он надел презерватив, вошел в нее, и они вместе совершили путешествие на небеса блаженства.

Потом они лежали голые, тяжело дыша. Джаред продолжал гладить ее, словно не мог никак насытиться. «Приятное качество для мужчины», – лениво подумала она, уплывая в сон.

Тихое клацанье когтей по деревянному полу вернуло ее к реальности. Шанс обошел комнату, подошел к ее стороне кровати и прыгнул. Устроился возле ее босых ног, вздохнул и закрыл глаза.

Джаред тихонько засмеялся и слегка подвинулся, освобождая ей больше места.

– Нам понадобится либо кровать побольше, либо собака поменьше.

– Кровать побольше, – пробормотала она.

– Завтра я позабочусь об этом.

Карли зашла в бассейн, уговаривая себя не поддаваться страху. Мало того что ее паника напугает маленьких детей их группы, ее может еще и стошнить в воду, и это будет вообще позор.

Она чувствовала себя смешной и стыдилась, потому что была единственной взрослой среди девяти- и десятилетних детей. Как и у них, у нее на шее висел желтый спасательный круг, и он не повышал ее самооценку. Но она была полна решимости. Через два дня Габби оправилась после падения в Саунд, но Карли до сих пор боролась с этими воспоминаниями. Всякий раз, закрывая глаза, она видела дочку, падавшую в холодную воду, видела, как она тонет, и знала, что не может ее спасти.

Единственным выходом было научиться плавать. Им обеим. Габби тоже боялась, но они решили, что будут делать это вместе. Они взялись за руки и шагнули в бассейн, слегка дрожа, хотя вода была теплой, а температура воздуха – выше двадцати градусов. Карли говорила себе, что вода ей по бедра, но все равно не чувствовала себя в безопасности.

Инструктор по плаванию, миниатюрная девушка двадцати с лишним лет с простой улыбкой и безграничным терпением, начала урок с инструкции по безопасности. Пока все дети плескались и визжали, Карли внимательно слушала инструктаж, словно ее жизнь зависела от следования этим правилам. Она решила, что уж если она не хочет утонуть, то и не утонет.

Каждая клеточка ее тела требовала выйти из воды. Кричала, что это плохая затея и у нее ничего не получится. Карли казалось, что ее сердце вот-вот выскочит из груди, шлепнется на плитку возле бассейна и будет с насмешкой наблюдать, как она умирает. Ей хотелось убежать, но она не могла этого сделать. Габби наблюдала за каждым ее движением.

– Идите к бортику, – велела инструктор.

Габби тут же повисла на бортике. Карли медленно брела за ней, и каждый шаг в воде давался ей с мучительным трудом; ей казалось, что она умрет через считанные секунды.

К ним подошел другой инструктор, такой же молодой, и показал, как схватиться за бортик и работать ногами. Карли затаила дыхание, схватилась за цементный бортик и неохотно оттолкнулась ногами от

дна. Ее тут же захлестнуло ощущение, что она не контролирует ситуацию и сейчас утонет.

Она так сильно прикусила губу, что почувствовала во рту вкус крови. Нужно было убираться отсюда, пока она не утонула. Они все тут умрут. Почему никто не может это понять? Что с ними такое?

Тело Габби вытянулось, ноги поднялись на поверхность, и она стала дрыгать ими.

– Мама, у меня получается! Получается!

– Молодец. – Слова прозвучали хрипло, но Карли постаралась изобразить на лице улыбку.

Ей хотелось расплакаться, сбежать из этого водяного ада, но она понимала, что должна находиться тут. Должна хотя бы научиться плавать так, чтобы перестать бояться до смерти. Она еще раз оттолкнулась и почувствовала панику. Между ней и дном бассейна ничего не было, кроме ее рук, вцепившихся в бортик, и спасательного круга, не вызывавшего у нее ни малейшего доверия.

Инструктор двигалась рядом с ней.

– Просто расслабьтесь, Карли. Это не так трудно. – Она подхватила ее рукой под живот. – У вас все получится.

Карли почувствовала, что немного держится на воде, и стала работать ногами. Рука исчезла, но Карли все еще держалась на воде.

– У тебя тоже получается! – закричала Габби.

– Да, – с трудом ответила Карли. Ее боязнь никуда не делась, но решимость была сильнее. Главное – не сдаваться.

* * *

Мишель и Шанс шли по городу. Моросящий дождь раздражал туристов, и они прятались в магазинчиках и кафе, но Мишель даже нравилась прохладная влага после недели солнечной погоды. Уважая местные законы и людей, нервничавших из-за собак, она пользовалась поводком. Хотя Шанс и так всегда шел рядом с ней.

Он сильно изменился, думала Мишель, глядя его по голове. Окреп, нарастил приличные мышцы. Спал без кошмаров, увереннее держался с незнакомыми людьми и интуитивно понимал ее настроение. В сентябре она начнет водить его на дрессировку. Когда Шанс освоит основные

навыки, он продолжит занятия в группе аджилити^[15], где будут развиваться его способности. Она надеялась, что к весне он закончит базовую программу.

Впереди она увидела Сэма, выходявшего из местной кофейни с дорожной кружкой в руке. Окликнула его. Он поднял голову и с улыбкой направился к ней.

– Эй, – сказал он, быстро обнял ее, присел и погладил собаку. – Герой ты наш. Все так и говорят, молодец. – Он перевел взгляд на Мишель. – И о тебе тоже, детка.

Мишель со стоном шагнула под козырек кафе.

– Людям нечего делать, вот они и болтают. У Габби все нормально. Они с Карли теперь учатся плавать, чтобы больше никогда не попадать в такую ситуацию.

– Я слышал.

– Да, верно. Мистер, вы проводите много времени в хозяйских комнатах. Вы хотите мне что-нибудь сказать по этому поводу?

Сэм выпрямился и одарил ее ленивой улыбкой.

– Мне она нравится. Очень нравится.

Мишель была рада за него и, как ни странно, беспокоилась за Карли.

– Знаешь, у тебя паршивая репутация, когда дело касается женщин.

– Да, вот почему я не тороплю события. Не хочу все испортить. – Он дотронулся до ее щеки. – Ты не обижаешься на меня и Карли?

– Нет, все нормально. Но если ты обидишь ее, я тебе такое устрою, что ты будешь рыдать как маленькая девочка.

– Вполне справедливо.

Глава 35

Мишель вышла из своего кабинета. У них была одна из тех кратких передышек, когда все гости уезжали и в отеле становилось тихо.

Мистер Усач прошептал мимо нее и жалобно мяукнул. Шанс плелся за ним. Он догнал кота, и тот потерся головой о грудь собаки. Потом они вместе запрыгнули на широкое сиденье под южным окном. Первым растянулся Шанс, потом рядом пристроился мистер Усач и чуть ли не лег на собаку.

Мишель даже не запомнила, когда питомцы успели подружиться, но теперь они часто валялись вместе, нежась на солнце. Иногда она видела, как Шанс лизал кота, а потом выдерживал ответную любезность.

– В этом доме все со странностями, – пробормотала она и направилась на кухню.

– Как дела? – спросила она Хелен.

– Фруктовый пирог – настоящий хит. Он быстро распродается, сколько бы я ни напекла. Я не могу тратить на него много времени, и поэтому научила Кэмми.

– Вот только корочка у меня не получается, – посетовала та.

– Тут нужно терпение.

– Тут нужно мастерство, которого у меня нет, но я научусь. Все остальное я уже делаю без проблем. – Кэмми развязала фартук. – Я думаю пойти в кулинарную школу. Хелен рассказала мне о ней.

– Замечательно, – одобрила Мишель. – В нашем штате есть несколько по-настоящему хороших школ, некоторые даже в Сиэтле.

– До встречи! – И Кэмми ушла.

Хелен помахала ей и повернулась к Мишель.

– Она, безусловно, талантливая, но мне очень не хочется терять такую помощницу. Ну, какие новости?

– Я говорила с юристом. – Мишель оперлась на стол и вздохнула с довольным видом. – Как я люблю, когда мои планы осуществляются.

– Значит, хорошие новости?

– Прекрасные. В банке Эллен проходит проверка. Потом будет официальное сообщение, и мы узнаем подробности. В общем, в банке

меняют часть сотрудников и некоторым из них предъявлены обвинения.

– Серьезно? Значит, Эллен нарушала закон?

– Много раз.

– Возможно, вы не одобрите мои слова, но меня радует мысль о том, что она попадет за решетку. Это утешает.

– Меня тоже, – ответила Мишель. – Я собираюсь объединить все кредиты и, если все будет хорошо, выплачу их за несколько лет.

– Превосходно. Карли знает об этом?

– Конечно. Я сообщила ей первой.

Хелен одобрительно кивнула:

– Я рада, что вы поняли, что должны быть вместе. Как сестры.

Мишель подумала, что они и в самом деле почти сестры.

Еще она подумала, что Хелен очень разумная особа, как она себя и называла. Она уже стала опорой для отеля.

– Мне так хочется, чтобы вы остались у нас! – импульсивно воскликнула Мишель. – На постоянной основе. Может, вы переберетесь на остров?

Задав этот вопрос, она поняла, что он вовсе не импульсивный. Они с Карли никогда и не думали искать замену Хелен. В основном потому, что Хелен идеально подходила им.

Повариха повернулась к плите и что-то помешала в кастрюле.

– Мы с мистером Усачом очень хотели бы этого, – ответила она. – Я подумываю купить маленький дом с видом на воду.

– Это было бы чудесно. И вы сможете приносить мистера Усача в отель, если захотите. Чтобы он общался с Шансом.

В глазах Хелен заплясали смешинки.

– Свидание для питомцев?

– Почему бы и нет?

– Звучит отлично.

* * *

Карли принесла гостям две тарелки и поставила на стол.

– Салат с курицей на лепешке фокачча, – сообщила она с улыбкой. – Здесь это любимое блюдо. Надеюсь, вам понравится ланч.

– Я уверена в этом, – ответила женщина. Она огляделась по сторонам и понизила голос. – Мы с мужем слышали столько чудес про ваш отель и хотели пожить у вас, но все было забронировано. Так что пока мы можем лишь приходить к вам на завтрак и ланч. Мы были тут уже три раза.

У Карли радостно затрепетало сердце.

– Мне очень жаль, что не было номеров. Вам нужно пожить у нас в следующий раз.

Женщина взглянула на мужа; тот кивнул.

– Мы так и сделаем. За стойкой регистрации есть кто-нибудь? Мы можем поговорить с ним после ланча?

– Я буду там. Мы выберем время, и я позабочусь, чтобы забронировать вам прекрасный номер.

– Спасибо.

Карли кивнула, потом обошла зал и убедилась, что у всех есть напитки и все довольны.

Уже начался август. Только месяц остался до Дня труда, а потом наступят тихие осень и зима. После двух напряженных месяцев ей требовалась передышка. Но она была счастлива. Времена менялись, и в отеле было так много сделано.

Дела шли прекрасно. По словам Мишель, у них было достаточно денег, чтобы продержаться в тихие месяцы даже при выплате кредитов. Многие из гостей уже забронировали пару-тройку выходных зимой. Леонарду продлили грант, значит, он останется еще на четыре месяца.

Хелен оставалась у них. Габби была счастлива. Эллен Сноу грозили серьезные обвинения со стороны федеральных властей. Карли пробормотала короткую молитву и поблагодарила того, кто мог ее слышать. Ее жизнь наладилась, и она была благодарна за это.

Она посадила за столики две супружеские пары и принесла им напитки. Ей очень нравилось работать в ресторане. К тому же она брала только пару смен в неделю, и это добавляло интереса. В ее списке вещей, необходимых для счастья, была эта работа. Она не могла и представить, что работает где-нибудь в другом месте.

Появилась Мишель.

– Как дела?

– Прекрасно. Мы под завязку, как видишь. Клиенты довольны, еще одна пара заговорила о бронировании после конца сезона. Круто же!

Мишель кивнула, но, казалось, была сосредоточена на чем-то еще.

– Что? – спросила Карли. – Какая-то проблема?

– Нет. Просто... Я вот думаю.

– Что-нибудь болит? – машинально спросила Карли, ожидая в ответ либо смех, либо злость. Любой вариант устраивал. Признаться, она любила спорить с Мишель. Они хорошо знали друг друга и высказывали все напрямик. Иногда прямога бывала немного болезненной, но всегда желанной и конструктивной.

– Прости меня, – отрывисто проговорила Мишель.

Карли уставилась на нее.

– Что такое?

– Прости меня. Мне жаль, что нас бросили родители, жаль, что я не рассказала о том, что видела. Мне жаль, что мы не остались подругами, потому что как раз тогда были нужны друг другу. – Ее зеленые глаза наполнились слезами.

Карли заморгала, пытаясь справиться с эмоциями.

– Нет, ты не виновата. Это я оттолкнула тебя после бегства мамы. Тут моя вина. Я винила тебя, потому что не могла винить маму. Но ведь это она так поступила. Не ты. Ты была ребенком. Мы обе были детьми.

– Знаю. Но я спала с Алленом. Нельзя было так поступать. Просто я обиделась.

– Я была гадиной, – призналась Карли. – Да, конечно, я была счастлива, что меня кто-то любил. Или хотя бы делал вид. Но еще мне немного хотелось утереть тебе нос. У тебя было все – отель, цель в жизни, Бренда. Я понимаю, что она была не подарок, но даже это казалось гораздо лучше, чем мой отец. Я ревновала и завидовала тебе.

– Мне? – Мишель покачала головой. – Нет. Ты была такой сексуальной и популярной.

– Я прикидывалась шлюхой. Это не популярность. Это глупость. Но все равно я должна была верить тебе.

– Я тоже должна была, – сказала ей Мишель. – Прости.

Только что они разговаривали, теперь обнялись. Карли обнаружила, что их слушал весь ресторан и что из кухни вышла Хелен.

– Нам нужно брать дополнительную плату за «представление» во время ланча, – дрожащим голосом сказала Карли.

Мишель засмеялась и выпрямилась.

– Ты моя сестра. До нынешнего лета я никогда этого не понимала. Как странно, правда?

– Я тоже не понимала.

– Так мы обе идиотки?

Карли засмеялась и вытерла лицо.

– Пожалуй, да.

Мишель схватила ее за руку.

– Я хочу, чтобы тебе принадлежала половина отеля. Чтобы мы владели им вместе. Как партнеры. Тогда, что бы там ни было, мы не расстанемся. Потому что мы с тобой семья.

Карли боролась со слезами, хотела что-то сказать, но не смогла. Владеть частью отеля... чем-то, что действительно ее.

– Ты уверена? Я готова заработать это право.

– Разве ты уже не заработала? Я доверяю тебе, Карли. И ты мне нужна.

Карли кивнула, и они снова обнялись. Вокруг все заплодировали. Мишель и Карли стояли обнявшись, словно не хотели расставаться.

* * *

Мишель и Шанс прошли на конец пирса, где сидел Джаред, болтая над водой босыми ногами, и смотрел на закат. Рядом с ним стояла корзинка для пикника.

Она села рядом. Шанс втиснулся между ними и приветствовал Джареда радостным повизгиванием и поцелуями.

– Привет, парень, – сказал Джаред, обняв собаку за шею. Потом взглянул на Мишель. – И тебе тоже привет.

Она улыбнулась и вытащила из корзинки содовую.

– Как прошел у тебя день?

– Не так интересно, как у тебя.

Она наморщила нос.

– Скажи мне, что ты не слышал о том, что случилось в ресторане.

– Слезы, декларации, групповые объятия. О да. Весь город говорит об этом.

– Надо валить отсюда, – проворчала она, но улыбнулась. – Где уважение к конфиденциальности, к праву человека на личную жизнь?

– Извини, детка. Здесь об этом и не мечтай.

– Я знаю.

Шанс растянулся между ними. Джаред наклонился и поцеловал Мишель в губы.

– Ты хорошо поступила, – одобрил он. – Отдала Карли половину отеля.

Мишель неловко заерзала.

– Она заработала это, а мне нужна ее помощь. – Она вздохнула. – О'кей, я хотела это сделать. Я люблю ее. Я не понимала этого раньше. Что поделаться? Она спасла меня. И ты тоже.

Перед ней замаячила тема, которую ей не хотелось затрагивать.

– Ты, наверное, считаешь, что я выздоравливаю. Что мне пора переселиться, и тогда ты откроешь свой дом для другого ветерана, попавшего в беду.

Она сказала это веселым тоном, словно никакие его слова не смогут ее обидеть.

– Да, я считаю, что тебе надо переселиться, – ответил он и взглянул на нее. – По коридору. В мою комнату.

Она сжала холодную бутылку и пыталась осмыслить его слова. Он просит ее...

– Я завязал с лекарским бизнесом, – сказал он. – И готов к чему-то другому. – Уголок его губ шевельнулся. – Я готов быть с тобой, Мишель. Готов к тому, что принесет нам будущее. Останься со мной. Будем жить вдвоем – ты, я и Шанс.

Она сглотнула нахлынувшие на нее эмоции.

– Мне хотелось бы этого.

– Вот и хорошо.

Он обнял ее за плечи. Она подвинулась ближе, прислонилась к нему и собаке. Шанс вздохнул от избытка чувств и закрыл глаза.

– Может, у нас будет парочка детей, – добавил Джаред.

Дети?

– Ты имеешь в виду, что мы поженимся и у нас будет семья? Или что-то вроде этого, – добавила она, осознав, что он никогда не говорил о семье.

Уголки его губ расплылись шире.

– Что-то вроде этого.

Она еле сдержалась, чтобы не вскочить с радостным криком. Это будет выглядеть смешно. Но в душе она ликovala. Потом она наклонилась, сняла обувь и свесила босые ноги в воду.

* * *

Карли и Габби возвращались с занятий в бассейне. Перед ними возвышался отель с островерхой крышей и сверкающими окнами. В нем нравится все, подумала она. Особенно то, что теперь половина принадлежит ей.

Все еще не верилось, что Мишель такая великодушная. Но на прошлой неделе они были у юриста и приступили к оформлению. После этого у них с Габби появится стабильность в жизни и постоянный дом.

Габби волочила по земле полотенце, но Карли не замечала этого. Сегодня был хороший день.

– Ты так хорошо плаваешь, мамочка, – сказала Габби, пританцовывая рядом с ней. – Мы обе хорошо.

Карли кивнула:

– Ты совсем ничего не боишься.

– Я больше не боюсь плавать. Но ты боишься, а все равно опустила лицо в воду. Тренер сказала, что она поражена.

Карли засмеялась. Сейчас это было легче, потому что она знала, что целую неделю не будет опускать лицо в этот жуткий бассейн.

– Спасибо.

На веранде отеля сидел Сэм и ждал. У Карли чуточку подпрыгнуло сердце, когда она заметила его. Габби помчалась вперед, чтобы сообщить ему все новости.

Когда Габби подбежала к отелю, она что-то сказала Сэму, потом повернулась и закричала:

– Скорее! Они здесь!

– Кто?

– Не кто, а что, – засмеялась Габби. – Ромашки, маргаритки и герберы. Мишель заказала для тебя особенные сорта, и они прибыли. – Девочка закрыла обеими руками рот и вытаращила глаза. – Ой, мне не велели говорить об этом.

Сэм засмеялся:

– Ничего страшного. Она сделает вид, что удивлена.

Особенные сорта? Карли поспешила на веранду. Не только взглянуть на цветы, но и потому что там ее ждала лучшая часть ее мира.

Меню ланча

Сэндвичи с куриным салатом от Хелен
Итальянский овощной суп
Сахарное печенье-ромашки на десерт

Салат с курицей от Хелен

4 чашки вареной курятины, нарезанной кубиками
½ чашки сельдерея, нарезанного кубиками
½ чашки лука, нарезанного кубиками
½ чашки яблок, нарезанных кубиками
½ чашки нарубленных орехов пекан
½ чашки натертого острого сыра чеддер
1 чашка майонеза
1 ст. ложка мягкого уксуса (лучше рисового или винного)
¼ ч. ложки соли
¼ ч. ложки перца

Отварите курицу, снимите кожу и нарежьте мясо мелкими кубиками. Или можно отварить замороженные куриные грудки. Самое хорошее в этих сэндвичах – то, что их легко готовить. Они могут считаться здоровой пищей, если вы возьмете нежирный сыр и нежирный майонез.

Выложите салат на ваш любимый хлеб. В отеле «Ежевичный остров» используют лепешки фокачча, но знаменитый салат Хелен годится для всякого хлеба.

Итальянский овощной суп

2 ст. ложки оливкового масла
1 луковица, нарезанная кубиками
4 зубчика измельченного чеснока
1 чашка моркови, нарезанной ломтиками

1 чашка зеленой фасоли, нарезанной кусочками в 1–2 см
6 чашек овощного бульона
1 банка нарезанных кубиками помидоров в собственном соку
1 цуккини, нарезанный ломтиками
1 ч. ложка сушеного базилика
½ ч. ложки сушеного орегано
½ ч. ложки сушеного тимьяна
½ ч. ложки соли
½ ч. ложки перца
1 лавровый лист

В кастрюле с толстым дном нагрейте оливковое масло. Положите в него лук и чеснок и потомите около 30 секунд, чтобы появился вкусный запах. Добавьте морковь, фасоль и овощной бульон. Нагрейте до кипения. Убавьте нагрев, накройте суп крышкой и потомите около 10 минут. Добавьте остальные ингредиенты и потомите еще 15 минут. (Если вам нужен суп-пюре, добавьте больше овощного бульона вместе с оставшимися ингредиентами.)

notes

Примечания

Слово «Айленд» (Island, остров) часто встречается в англоязычных топонимах (например, в названии американского штата Род-Айленд), однако не всегда относится к настоящим островам, в отличие от этого случая. – *Здесь и далее прим. ред.*

Ladies-who-lunch («леди-за-ланчем») – так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.

«Колесо Фортуны» – американская телеигра. Игроки разгадывают кроссворд по фрагментам и могут получить призы – какими они будут, определяется с помощью вращения ярмарочного колеса.

Mother-in-law suite («номер/жилье для тещи или свекрови») – небольшое обособленное жилое помещение в доме или рядом с ним, может быть и пристройкой. Обычно здесь живут пожилые родители или арендаторы.

«Уолмарт» (Walmart) – американская сеть универсамов и гипермаркетов.

Tammy Wynette – Heaven's Just a Sin Away. Дословно название песни можно перевести как «Рай всего лишь на расстоянии греха».

Посттравматическое стрессовое расстройство.

То есть со Среднего Запада США, который считается аграрным регионом.

9

Ярд – около 90 см.

Распространенное выражение среди яхтсменов. Так называют конкретный маневр, который выполняют, чтобы на какое-то время смягчить воздействие качки на экипаж.

Отмечается в США в начале сентября.

Американская марка десертов быстрого приготовления. В 1960-е продвигалась под слоганом «Для «Джелло» всегда есть место» (There's always room for Jell-O).

«Утиная лодка» (Duck boat) – вид транспорта, лодка, которая передвигается и по суше, и по воде. В США на нем часто проводят экскурсии.

Анонимные алкоголики.

Аджилити – вид спорта, в котором собаки с помощью проводника (хэндлера) проходят полосу препятствий.